**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2014

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2015

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: д. ист. н., доц., зав. кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета Л.Ю. Гусман, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского университета С.Л. Фирсов

Т 13

Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11—12 декабря 2014 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х частях. СПб.: Изд-во «ЭлекСис», 2015. Ч. 1. 274 с.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-9906573-6-6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2015.

ISBN 978-5-9906573-6-6

Содержание

Предисловие 6
Приветственное слово к участникам международной конференции от Совета МПА СНГ 13
Приветственное слово к участникам международной конференции Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов (1996—2003 гг.) 17

225 лет под сенью Таврического дворца: история, архитектура, живопись, литература

КЛИМЕНКО Ю.Г. Французский классицизм и дворцовое строительство И. Старова 27
МОРЯХИНА В.Н. Таврический дворец как палладианская вилла 33
МАЛЫГИН В.В. Роль архитектора Ф.И. Волкова в истории создания ансамбля Таврического дворца 39
ЛАНДЕР И.Г. Английские архитектурные книги из собрания Г.А. Потемкина (К истории формирования ансамбля Таврического дворца) 49
ИСМАГУЛОВА Т.Д. Таврический дворец после Потемкина: приют великой императрицы и ее «последнего фаворита» 59
НИКОЛАЕВА Т.И. Театр в Таврическом дворце — свидетель роскоши и величия 69
РАЗУМОВСКАЯ А.Г. «Вот здесь, в Таврическом, под сенью мощных ив...»: сад в русской литературной традиции 79
ПАТРИКЕЕВА О.А. Подготовка Императорского Таврического дворца к работе Государственной думы Российской империи .. 87
РЫБАКОВА Т.И. Особенности реставрации фрагментов росписей Таврического дворца, хранящихся в собрании Научно-исследовательского музея Российской академии художеств, Санкт-Петербург 92

Думские выборы в начале XX века

КОСТЫЛЕВ А.В. Выборы в I Государственную думу Российской империи в Санкт-Петербургской губернии 100
ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Электоральный союз правых и октябристов во второй думской избирательной кампании на примере Владимирской губернии 110
ЗЕМЛЯНСКИЙ В.Л. Организация выборов в Государственную думу на территории Приморской области в 1906—1912 гг. 119

Парламент, правительство, общество: опыт взаимодействия

КОСТОГРЫЗОВ П.И. Л.А.Тихомиров: правый взгляд на думский парламентаризм 127
СЕДОВА Я.А. Рассмотрение законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения в Государственной думе и Государственном совете в 1910 году 131
РОМАНЕНЧУК К.В. Дискуссия по законопроекту о частных учебных заведениях в Государственной думе и Государственном совете 140
ЧЕМАКИН А.А. «Фракция диких прогрессистов»: Независимая группа IV Государственной думы 146
ДЁМИН В.А. Правительство и IV Государственная дума: логика конфликта 155
СОЛОВЬЕВ К.А. Дума и Совет министров в годы Первой мировой войны: сотрудничество и конфронтация 167
КИРЬЯНОВ И.К. Государственная дума и повседневность политического в позднеимперской России 176

Конституционно-демократическая партия в истории Государственной думы Российской империи

ПОРТНЯГИНА Н.А. Революционный террор в оценке кадетской фракции Государственной думы второго созыва 185
СЕЛЕЗНЕВ Ф.А. Фракция кадетов и отношения России с Германией и Австро-Венгрией накануне Первой мировой войны 194
ЩУКИН Д.В. К вопросу о позиции партии кадетов и ее фракции в Государственной думе в отношении внешнеполитического курса России накануне Первой мировой войны (на примере внутрипартийной дискуссии об оценке балканских событий 1908—1913 гг.) 206
ГАЙДА Ф.А. Правый раскол в кадетской партии: причины и возможности 216

Региональные аспекты российского парламентаризма

ЦИУНЧУК Р.А. История российского парламентаризма в мемуарах члена Государственного совета Российской империи Эдварда Войнилловича 223
ЮРКОВСКИЙ Р.Я. Окраинные знакомые. Польские депутаты

Государственной думы и Государственного совета из Северо-Западного края и их отношения с П.А. Столыпиным в 1906—1911 гг. 233
АКУЛЬШИН П.В. Представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи и политические процессы в российской провинции 245
ЕГОРОВ А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний 254
СИДОРЕНКО Н.С. Фактор войны в законотворческой и общественно-политической деятельности региональных депутатов IV Государственной думы (на материалах Урала) 265

Предисловие

11—12 декабря 2014 года в Санкт-Петербурге прошла очередная ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2014»). Это уже восьмая конференция, посвященная изучению различных проблем парламентаризма. По итогам каждой из них выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами.[1]

Организатором «Таврических чтений 2014» выступил Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Л.А. Крохина (председатель), доктор исторических наук, профессор, начальник отдела экспертно-аналитического управления МПА СНГ и председатель НМС при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев (заместитель председателя), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории России СПб ИИ РАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов и главный специалист КГИОП Правительства Санкт-Петербурга, председатель Совета по ландшафтной архитектуре Санкт-Петербургского союза архитекторов А.Л. Рейман.

Оргкомитет провел ряд заседаний, в ходе которых был выработан план подготовки конференции и решен ряд других вопросов,

[1] *Гусман Л.Ю.* Чтения по истории российского парламентаризма // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 1. С. 165—170.

связанных с ее проведением. Кроме этого, он сформировал рабочую группу в составе доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей истории РГПУ Н.В. Дроновой, доктора исторических наук, профессора Института истории СПбГУ О.А. Патрикеевой и сотрудников Центра истории парламентаризма М.А. Долгой, В.А. Березиной и Е.Ю. Ярыгиной. На совместных заседаниях оргкомитета и рабочей группы были намечены проблемы, которые предполагалось обсудить на конференции. Оргкомитет принял решение продолжить практику проведения конкурса студенческих и аспирантских работ по теме конференции и в ее рамках. В состав жюри конкурса были приглашены крупные специалисты по истории парламентаризма: К.А. Пшенко, С.В. Куликов и Ф.А. Селезнев. Победители конкурса должны были быть награждены дипломами и правом опубликования своих конкурсных работ на страницах сборника, выходящего по итогам конференции. Сотрудники Центра истории парламентаризма, входившие в рабочую группу, составили информационные письма о предстоящей конференции и конкурсе студенческих и аспирантских работ, которые были разосланы в высшие учебные заведения и научные учреждения России. Кроме этого, на конференцию были приглашены ведущие российские и зарубежные историки, занимающиеся изучением истории парламентаризма. На основе поступивших заявок оргкомитет и рабочая группа составили программу конференции. Информация о международной научной конференции «Таврические чтения 2014» была выложена на различных сайтах в Интернете.[2]

Конференция открылась 11 декабря 2014 года пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствия и четыре научных доклада.

В дальнейшем работа «Таврических чтений» проходила по трем секциям: первая из них была посвящена 225-летию Таврического

[2] Ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения 2014) // Конференции.ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.konferencii.ru/info/108792; Международная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2014») // Forsmi.ru http://www.forsmi.ru/announce/317449; Международная научная конференция «Таврические чтения 2014», 11—12 декабря / Мероприятия МПА // Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.iacis.ru/activities/events/sekretariat_mpa_sng/mezhdunarodnaya_nauchnaya_konfetencya_ tavricheskie_chteniya_2014/.

дворца,[3] вторая — истории германского парламентаризма,[4] а третья — британскому опыту в становлении и развитии парламентской процедуры.[5] Закончился первый день конференции органным вечером в Купольном зале Таврического дворца.

12 декабря 2014 года работало семь секций: «Российский парламент и Первая мировая война»,[6] «Думская биографика»,[7] «Парламент, правительство, общество: опыт взаимодействия»,[8] «Парламентские выборы в начале XX века»,[9] «Кадеты в истории Государственной думы Российской империи»,[10] «Региональные аспекты парламентаризма»,[11] «Современный этап развития парламентаризма в государствах — участниках СНГ».[12]

В этот же день были подведены итоги конкурса студенческих и аспирантских работ. Победителями стали аспирант РГПУ А.А. Чемакин, аспирант Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета В.Л. Землянский и аспирантка МГГУ Л.Д. Шадрина.

Затем состоялась презентация выставки, посвященной отражению деятельности Государственной думы на страницах российских журналов в 1907—1914 гг. Выставка была подготовлена Центром истории парламентаризма и вызвала интерес у гостей и участников конференции «Таврические чтения».

Информация о прошедшей конференции размещена на сайтах РГПУ,[13] Псковского государственного университета,[14] Института со-

[3] Руководитель: А.Л. Рейман.

[4] Руководитель: В.Л. Черноперов

[5] Руководитель: Н.В. Дронова.

[6] Руководители: А.Б. Николаев и С.В. Куликов.

[7] Руководитель: А.А. Иванов.

[8] Руководитель: И.К. Кирьянов.

[9] Руководитель: И.В. Омельянчук.

[10] Руководитель: Ф.А. Селезнев.

[11] Руководитель: Р.А. Циунчук.

[12] Руководитель: А.В. Курьянович.

[13] «Таврические чтения 2014» в Межпарламентской Ассамблее // РГПУ им. А.И. Герцена [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.herzen.spb.ru/main/structure/fukultets/ru/1271667936/1418809760/.

[14] Декан филологического факультета приняла участие в работе конференции «Таврические чтения 2014» // Псковский государственный университет [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://pskgu.ru/page/52B940AB75CAC8ACAAB65E4B 93B9129D.

временной России[15] (Вашингтон, США) и др.[16] Краткий обзор работы конференции дан в статье О. Баландиной и А. Мищурис «И снова мы в Таврическом», опубликованной в студенческой газете ФСН РГПУ «Двадцатый корпус» (2015. № 106. Январь-февраль. С. 3).

Доклады, прочитанные на конференции, были переработаны авторами в научные статьи, которые и публикуются в восьмом сборнике «Таврические чтения».

Сборник открывается приветствиями Генерального секретаря Совета МПА СНГ А.И. Сергеева и Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов (1996—2003 гг.) Г.Н. Селезнева, недавно ушедшего из жизни.

В первом разделе «225 лет под сенью Таврического дворца: история, архитектура, живопись, литература» опубликованы статьи Ю.Г. Клименко, В.В. Моряхиной, В.В. Малыгина, И.Г. Ландер, Т.Д. Исмагуловой, Т.И. Николаевой, А.Г. Разумовской, О.А. Патрикеевой и Т.И. Рыбаковой, в которых рассматриваются различные аспекты истории Таврического дворца.

Второй раздел сборника посвящен думским выборам начала XX века. Данный раздел, появившийся в прошлогоднем сборнике, сохранен и в этот раз. Но следует признать, что среди участников конференции число специалистов, изучающих выборы в Государственную думу Российской империи, уменьшилось по сравнению с прошлым годом в два раза. На страницах «Таврических чтений 2014» публикуют свои труды три историка: А.В. Костылев, И.В. Омельянчук и В.Л. Землянский. Костылев, изучая выборы в I Государственную думу, которые проходили в Санкт-Петербургской губер-

[15] ИСР на «Таврических чтениях 2014» // Институт современной России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.

[16] «Таврические чтения-2014» начали свою работу штаб-квартире МПА СНГ// Евразийское содружество [Электронный ресурс] — Электронные-текстовые данные. — Режим доступа: http://eurasianspace.com/news/kruflyy-stol/tavricheskie-chteniya-2014-nachali-svoyu-rabotu-v-shtab-kvartire-mpa-sng; «Таврические чтения 2014» прошли в Ассамблее стран СНГ // Официальный сайт политической партии «Партия Возрождения России» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://pvros.ru/2014/12/15/3446/; «Таврические чтения 2014» // Без формата.ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://lenoblast.bezformata.ru/listnews/tavricheskie-chteniya-2014/27767565/;

нии, выделяет факторы, приведшие к победе на них кадетов. Среди них, в частности, подготовленность «партийного актива к проведению широкомасштабной агитационной кампании», значительная свобода агитации, созвучность «партийных лозунгов протестному настроению избирателей» и др. Омельянчук пишет об электоральном союзе правых и октябристов во 2-й думской избирательной кампании на примере Владимирской губернии. Автор приходит к выводу о том, что «во Владимирской губернии, несмотря на объективные факторы, способствовавшие сближению “Союза 17 октября” и СРН», «личные амбиции руководителей, а также принадлежность обеих партий к доктринальному типу» «не позволили состояться столь выгодному для обеих сторон избирательному блоку». Поэтому, заключает Омельянчук, «губерния делегировала в Думу только представителей оппозиции». Землянский сообщает об организации выборов в Государственную думу на территории Приморской области в 1906—1912 гг. Автор объясняет отсутствие депутатов от дальневосточных регионов в I—II Государственной думе «поздней организацией выборов». Интересные замечания делает Землянский и относительно выборов в III и IV Думу.

В третьем разделе опубликованы работы, в которых раскрывается тема взаимоотношений парламента, правительства и общества. Среди авторов раздела — П.И. Костогрызов, Я.А. Седова, К.В. Романенчук, А.А. Чемакин, В.А. Демин, К.А. Соловьев и И.К. Кирьянов. Не касаясь всех статей, представим лишь некоторые из них. Кирьянов изучает роль Государственной думы и повседневность политического в позднеимперской России. Он обращает внимание на то, что с введением «в систему высшей государственной власти представительного учреждения, разделявшего с императором законодательные полномочия», коренным образом изменилось политическое пространство Российской империи начала XX века. Автор считает, что «важным следствием деятельности Государственной думы», во-первых, «явилась политизация многих повседневных практик» и во-вторых. «новым содержанием наполнялась повседневность собственно власти». Кроме этого, Кирьянов замечает, что «для подданных российского императора открывались возможности участия в функционировании существующей системы» и это «способствовало зарождению элементов гражданской политической культуры или культуры участия». Дёмин, рассуждая о конфликте между правительством и IV Думой, приходит к выводу о том, что «в 1914—1915 гг. путем взаимных уступок его удалось убрать из публичной плоскости, но с 1916 г. из-за нежелания императора и части высшей бюрократии серьезно считаться с Думой, вникать в ее политическую позицию и психологию депутатов эти разногласия вновь стали публич-

ными и из-за трудностей военного времени значительно усилившимися». Соловьев пишет как о сотрудничестве IV Думы и правительства в годы Первой мировой войны, так и о конфронтации между ними. Он утверждает, что «высшая бюрократия и народные избранники говорили на разных языках. Министры, чья сфера компетенции в условиях войны сужалась, ставили перед Думой технические вопросы. Депутаты же с неизбежностью выходили на политические сюжеты. Как следствие политизировались те немногие вопросы, которые обсуждались в Думе». По мнению Соловьева, «конфликт правительства и представительных учреждений был предрешен институционально». Что касается сотрудничества, то речь шла лишь о «частных договоренностях».

Авторы четвертого раздела — Н.А. Портнягина, Ф.А. Селезнев, Д.В. Щукин и Ф.А. Гайда — пишут о роли кадетской партии в истории Государственной думы Российской империи. Портнягина анализирует взгляды кадетской фракции во II Думе на революционный террор. Автор указывает, что инициатором осуждения революционного террора выступили правые. Кадеты же провалили их предложение, как утверждает Портнягина, по двум причинам: «Во-первых, из-за тактических соображений, они рассматривали осуждение террора как уступку правительству, правым и как разрыв с левыми. Во-вторых, они считали революционный террор меньшим бедствием для страны, нежели правительственные репрессии, против которых они активно боролись». Интересные наблюдения о позиции кадетов по внешнеполитическим вопросам накануне Первой мировой войны содержатся в статьях Селезнева и Щукина. О «причинах и возможностях» правого раскола в кадетской партии рассуждает в своем исследовании Гайда. По его мнению, «поведение правых кадетов провоцировало внутрипартийный раскол, но конечной целью правого крыла было не разъединение либеральных сил, а, наоборот, их максимально возможное сплочение». Гайда приводит причины, по которым «перспектива правого раскола в кадетской среде не была реализована». Среди них, в частности, неприятие нового курса «со стороны подавляющего большинства кадетов».

Региональные аспекты российского парламентаризма рассмотрены в пятом разделе сборника Р.А. Циунчуком, Р.Я. Юрковским, П.В. Акульшиным, А.Н. Егоровым и Н.С. Сидоренко. Циунчук рассказывает о мемуарах Эдварда Войнилловича — выборного члена Государственного совета Российской империи от землевладельцев Минской губернии (1906—1909 гг.). Автор статьи указывает, что «“Воспоминания” Эдварда Войнилловича знакомят с новыми подробностями истории российского парламентаризма, с новым ракурсом восприятия представительных учреждений империи лояльным польским ли-

бералным общественно-политическим деятелем». Польский историк Юрковский сообщает о польских депутатах Государственной думы и Государственного совета из Северо-Западного Края, а также анализирует их отношения с П.А. Столыпиным в 1906—1911 гг. Акульшин пишет о представительстве Рязанской губернии в Государственной думе; Егоров рассматривает политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний, а Сидоренко изучает фактор войны в законотворческой и общественно-политической деятельности уральских депутатов IV Думы.

Шестой раздел, посвященный деятельности IV Государственной думы в годы Первой мировой войны, самый объемный из всех разделов сборника. В нем опубликованы работы 10 историков: Д.В. Аронова, А.Н. Мичурина, Д.И. Раскина, В.Е. Кельнер, М.А. Златиной, И.В. Лукоянова, Е.Е. Петровой, С.В. Холяева, П.Н. Гордеева и А.Б. Николаева. Каждая из статей этого раздела содержит интересный фактический материал и ценные выводы.

Любопытные сведения биографического характера содержатся в статьях седьмого раздела, авторами которых являются Т.Г. Фрументкова, А.С. Соколов, В.В. Кара-Мурза, С.В. Куликов и А.А. Иванов. В частности, Куликов, споря с современниками и исследователями, убедительно доказывает, что «главным фактором, обусловившим назначение А.Д. Протопопова управляющим МВД, была не камарилья, а IV Государственная дума». Иванов, изучает отношение к Германии и немцам правого депутата Н.Е. Маркова накануне, во время и после Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что взгляды Н.Е. Маркова «на Германию и немцев пережили ряд серьезных трансформаций и, как представляется, зависели не столько от искреннего изменения его личных воззрений, сколько от менявшейся политической конъюнктуры».

В восьмом разделе публикуются статьи, посвященные истории парламентаризма в странах СНГ, а в девятом — европейского парламентаризма.

Надеемся, что и восьмой сборник «Таврических чтений» найдет своего заинтересованного читателя, окажет положительное влияние на рост интереса не только к уже известным проблемам истории парламентаризма, но и будет способствовать поиску новых тем и ракурсов его изучения.

А.Б. Николаев
18 августа 2015 г.

Приветственное слово к участникам международной конференции от Совета МПА СНГ

Уважаемые участники конференции «Таврические чтения-2014»!

Я сердечно приветствую вас в Думском зале Таврического дворца, где работал первый российский парламент и сейчас находится штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств.

Я рад приветствовать в зале Председателя Государственной Думы Российской Федерации второго и третьего созывов Геннадия Николаевича Селезнева, который много сделал для становления и развития современного российского парламентаризма.

27 апреля 1906 года в зале, где мы сейчас с вами находимся, начала работу Первая Государственная дума. Этот день в современной России стал новой памятной датой — Днем российского парламентаризма. И в этот день мы вспоминаем события, открывшие историю не только российского, но и, по сути, евразийского парламентаризма: ведь в Первую Государственную думу были избраны представители всех территорий обширного российского государства. Тогда народные избранники, люди разных сословий, национальностей, вероисповеданий собрались вместе, чтобы участвовать в решении важных проблем развития государства, общества и создавать новое законодательство. Представительность и многонациональность первого российского парламента стали характеристиками, которые выгодно отличали его от других парламентов Европы того времени.

В этом году мы отмечаем 225-летие Таврического дворца. К юбилею в интерьерах дворца развернуты первые стенды постоянно действующей тематической выставки о думских страницах его истории в начале XX века. Я надеюсь, что в ходе сегодняшней работы вы сумеете познакомиться с частью экспозиции. По замыслу авторов перед всеми историческими залами дворца будут установлены

стенды с информацией о функциях этих залов в период работы Государственной думы первых созывов. Являясь символом нескольких эпох, дворец сегодня как никогда востребован, его жизнь продолжается; здесь, в залах и коридорах Таврического дворца сохраняется атмосфера места, где творилась и творится наша история. В наши дни, как вы, конечно, все знаете, в Таврическом дворце проходят заседания Совета МПА СНГ и Межпарламентской Ассамблеи СНГ, постоянно работает Секретариат Совета Ассамблеи.

Ключевой задачей Межпарламентской Ассамблеи является создание условий для всесторонней интеграции на пространстве Содружества на основе сближения национальных правовых систем путем разработки модельных законодательных актов. По итогам последнего пленарного заседания МПА СНГ, которое проходило здесь всего лишь несколько дней назад, 28 ноября, общее количество разработанных и принятых Ассамблеей законодательных актов за двадцать два года ее работы достигло четырехсот сорока трех.

Другим важным направлением работы Межпарламентской Ассамблеи является проведение конгрессов, форумов, конференций различной тематики. Это обусловлено стремлением Ассамблеи постоянно совершенствовать свою деятельность, поддерживая мероприятия, имеющие целью выявление и выдвижение различных законодательных инициатив, изучение различных аспектов становления и развития парламентаризма в современной истории Содружества Независимых Государств. И сегодняшняя конференция, несомненно, вписывается в это направление работы Ассамблеи.

Хотел бы подчеркнуть, что внимание к историческим корням, уважение к делам предшественников является, на мой взгляд, обязательным условием развития любого государства. Важно сохранить все, что касается деятельности депутатов как первых Государственных дум начала прошлого века, так и депутатов современной Государственной Думы и членов Совета Федерации. В апреле этого года в канун Дня российского парламентаризма азербайджанские парламентарии передали в подарок Межпарламентской Ассамблее бюст основоположника азербайджанского парламентаризма депутата Первой Государственной думы Али Мардан-бека Топчибашева, возглавлявшего думских депутатов-мусульман, первого руководителя парламента Азербайджана, учрежденного в декабре 1918 года. Бюст установлен в атриуме Таврического дворца. А сейчас по заказу Государственной Думы изготавливается бюст председателя Первой Государственной думы России Сергея Андреевича Муромцева. В дальнейшем Секретариат Совета МПА СНГ планирует создать в Таврическом дворце галерею скульптурных портретов видных деятелей Государственной думы начала XX века — представителей современ-

ных государств Содружества. Надеюсь, ученые-историки поддержат нас в этом стремлении.

В рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ уже восемь лет действует Центр истории парламентаризма. При Центре создан научно-методический совет, в состав которого входят ведущие ученые в области истории парламентаризма. Основными задачами Центра являются: популяризация идей парламентаризма; сотрудничество с общественно-политическими и культурно-просветительскими организациями с целью сбора, анализа и систематизации документов, касающихся парламентаризма в России и других странах Содружества; проведение ежегодных научных конференций «Таврические чтения».

Не только ученые, но все чаще и депутаты Государственной Думы различных созывов становятся участниками нашей конференции. Хочется верить, что в дальнейшем в таких встречах будут принимать участие не только российские, но и зарубежные ученые, зарубежные парламентарии, и прежде всего, конечно, из государств Содружества. Очень важно, что сегодня в этом зале, как я это подчеркиваю уже третий год, очень много молодежи. Конечно, приятно видеть умные, добрые, светлые лица, и я уверен, что полученные сегодня знания помогут молодым участникам «Таврических чтений» лучше понять историю становления и развития парламентаризма, дадут хороший старт их научной карьере.

Высокую оценку в научной среде получают ежегодно публикуемые по итогам конференции сборники статей «Таврические чтения». Рецензии на них регулярно появляются в научных журналах, таких, как «Российская история», «Клио» и другие. Сборники «Таврические чтения» получили широкую известность в России и за ее пределами. С ними можно познакомиться в библиотеках Гарварда и Оксфорда, Хельсинского университета, университетских и парламентских библиотеках России и других стран Содружества. Материалы, опубликованные в сборниках, исследователи, занимающиеся вопросами парламентаризма, обязательно включают в список используемой литературы.

Безусловно, традиция проводить научные конференции в Таврическом дворце, являющимся символом российского парламентаризма и, можно сказать, парламентаризма Содружества, должна продолжаться. Это способствует не только развитию исторической науки, но и укреплению научных связей, взаимопониманию между историками и политиками, приобщению студентов к научно-исследовательскому процессу, популяризации истории парламентаризма среди широких слоев населения.

В заключение хотел бы внести предложение. Межпарламентс-

кая Ассамблея СНГ — международная парламентская организация. В мире на всех континентах существуют такого рода организации. Например, Парламентская Ассамблея Совета Европы — ПАСЕ, старейшая международная парламентская ассамблея, ее первое заседание состоялось в августе далекого уже 1949 года. Впоследствии были созданы: Латиноамериканский Парламент, Арабский Межпарламентский Союз, Межпарламентская Ассамблея АСЕАН, Парламентская Ассамблея ОБСЕ, Панафриканский Парламент. Все эти и другие межпарламентские организации тоже имеют свою историю. И я думаю, что представляется целесообразным и интересным ввести в рамках «Таврических чтений» секцию, посвященную истории и современности международных парламентских организаций.

Убежден, что «Таврические чтения» будут содействовать сохранению и развитию лучших традиций российской исторической школы, обогатят наши знания о противоречивом процессе становления парламентаризма, материалы конференции будут востребованы историками, политиками, специалистами, преподавателями и студентами вузов, всеми, кого интересует история.

Я желаю участникам конференции успехов и благодарю за внимание.

Генеральный секретарь Совета МПА СНГ
А.И. Сергеев

Приветственное слово к участникам международной конференции Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго и третьего созывов (1996—2003 гг.)*

Добрый день, уважаемые участники конференции!

Я испытываю определенное волнение, потому что много раз доводилось стоять на этой трибуне. Я очень счастлив, что Межпарламентская Ассамблея СНГ здесь прочно обосновалась. Я, наверное, сегодня в своем выступлении затрону вопросы, касающиеся того периода, когда я был Председателем Государственной Думы, это второй и третий созывы. Ну, и, наверное, остановлюсь на таких моментах, которые, может быть, пока еще не до конца широко описаны, но которые вам было бы интересно и полезно знать.

Начнем с того, что за этот дворец, чтобы он достался МПА СНГ, была битва. Ничего без битвы не давалось, после 1993 года особенно, когда был, по сути, разогнан (некоторые пишут — расстрелян) Верховный Совет в октябре 1993 года. Когда решался вопрос, где будет штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ, тогда долго приходилось этот вопрос улаживать с тогдашним мэром города Ленинграда — Санкт-Петербурга Анатолием Собчаком. Он не хотел отдавать этот дворец в федеральную собственность, хотел, чтобы он оставался в ведении города, много было планов на использование этого дворца. Кто помнит или читал, в период работы Собчака, а он был поклонником всевозможных балов, тогда в Питере стали проводиться европейские балы, и, по-моему, один из балов проводился вот здесь, в том большом фойе, которое вы все видели, и, в общем, у него было такое именно дворцовое предназначение, по взгляду тогдашнего мэра. Но мы-то понимали все, что нам важно сохранить историческую ценность этого дворца,

* Текст приветственного слова публикуется по стенограмме выступления Г.Н. Селезнева.

где заседала Первая Государственная дума и последующие Государственные думы, если уж не Государственной Думе его передать, то парламенту, который образуется из депутатов стран Содружества Независимых Государств. В конце концов, удалось убедить Президента Ельцина, что именно парламент стран СНГ должен заседать в Таврическом дворце.

И сейчас вы находитесь действительно в полном смысле в историческом Думском зале, здесь ничего не изменилось, только реставрируются эти кресла, эта дубовая отделка, все вот эти элементы, а так, как все тогда было, так здесь все и есть. Поэтому действительно надо этим дворцом гордиться, и лучшего места для парламентаризма стран СНГ и России, наверное, и не придумать.

Вы знаете, одно время была попытка Государственную Думу перевести сюда, в Санкт-Петербург, из Москвы. Дело в том, что после 1993 года мы сначала находились в здании, кто знает Москву, в «книжке» СЭВа, здании СЭВа — очень неудобное здание, где у лифтов скапливалось по 150—200 человек. Чтобы доехать депутатам до рабочих кабинетов, это была целая история. Когда объявлялся перерыв, в этом муравейнике вообще и на лестницах, и в лифтах, и везде скапливались пробки. Это был временный вариант, который был отдан Первой Государственной Думе.

Вы наверняка все хорошо знаете, что 1993 год был очень драматичным: и роспуск Верховного Совета, и досрочные выборы уже в депутаты Государственной Думы, а не в Верховный Совет, и принятие российской Конституции — все это было в 1993 году. А Дума уже начала работать непосредственно в 1994-м. И в тот период в соответствии с новой Конституцией, с Законом о выборах Первая Государственная Дума избиралась на два года. Остальные Думы — уже на четыре года, только вот последняя Дума, уже в связи с поправкой в Конституцию, избрана на пять лет.

Если четыре Государственные дореволюционные думы за весь период своего существования, это порядка одиннадцати лет, приняли где-то триста пятьдесят законов, то Первая Государственная Дума, которая работала два года, приняла, если мне память не изменяет, триста пять законов, то есть можете себе представить, какие были скорости, темпы работы. И иногда мы терялись, потому что, действительно, ведь нужно было на основании новой российской Конституции переделывать все законодательство России, потому что оно все стояло на советской Конституции, и все законы, которые в Государственной Думе обсуждались, отталкивались от того, что вот такой-то есть закон, но в связи с новой Конституцией он должен быть таким-то и таким-то и так далее.

На протяжении, по-моему, шести лет в России действовали и

законы Советского Союза, и законы Российской Федерации, и уже законы, которые принимала новая Государственная Дума. Поэтому с точки зрения всех правовых институтов, конечно, это было очень тяжелое время. И юристы, которые занимались как раз помощью и депутатам, и правительству, и правовые управления, конечно, были востребованы, потому что ни один закон нельзя было принимать с чистого листа, не опираясь на предшествующую базу: какое законодательство меняется, в какую сторону меняется, в связи с чем меняется, на основании какой статьи новой Конституции меняется. И тут, конечно, законодательные портфели просто трещали. Иногда, когда я был Председателем Второй Государственной Думы, которая была уже избрана на четыре года, 1996 год, у нас число законов, которые находились в думском портфеле, доходило до нескольких тысяч, выстраивалась длинная очередь: когда, в каком порядке и что будет рассматриваться и приниматься. Вырабатывались регламенты, была создана специальная иерархия: в первую очередь рассматривались законы, внесенные Президентом, во вторую — законы, внесенные Правительством, в третью очередь — законы, внесенные от имени Совета Федерации, и лишь потом законы, которые рождались по частной инициативе депутатов.

И вот собирались эти огромные папки документов, которые нужно было рассматривать. А если Государственная Дума закон принимала к рассмотрению, то он обязательно должен быть рассмотрен, даже самый бредовой закон. А таких законов (популистских) было очень много, лишь бы зафиксироваться, отметиться. И было понятно, что это законодательный мусор. Мы даже специально проводили внеочередные заседания Думы, когда вставляли в повестку дня тридцать-сорок законов с одним желанием убрать их из портфеля Государственной Думы, у всех было заключение — отклонить. Но даже чтобы этот закон отклонить, его нужно было обязательно все равно доложить — авторам закона, после этого профильному комитету, после этого депутатам, которые, возможно, захотят обсуждать, после этого проголосовать. Закон собирал пятнадцать-тридцать голосов «за», ясно, что не проходит и убирается из нашего портфеля, но все это процедурно нужно было исполнять.

Вообще, как вы понимаете, в нормальном обществе, в нормальном государстве все держится на процедурах. А у нас в Государственной Думе эти процедуры определяются Регламентом. Регламент очень часто менялся, иногда в силу политической конъюнктуры, иногда исходя из опыта, что какие-то нормы Регламента устаревали. Но без процедур ничего невозможно сделать. Это, наверное, везде так. Посмотрите на работу судов, особенно Конституционного Суда. Посмотрите на работу правительственных учреж-

дений — то же самое, по своим внутренним регламентам движется вся наша жизнь. И у нас даже было желание Регламент Государственной Думы принять в качестве федерального закона. Он и так, по сути дела, является законом для депутатов. Но потом от этой идеи отказались, и Регламент остался внутренним документом Государственной Думы, хотя когда возникают какие-то конфликты, к нему относятся так же, как к закону.

Если вспоминать этот период времени, то, наверное, наиболее тяжелым, драматичным был 1998 год. Вы, наверное, помните, это время дефолта. Это не только время дефолта, но это время проведения в России впервые сотой юбилейной конференции Межпарламентского союза. Есть такая организация, в которую входили в тот период, когда я был заместителем председателя Межпарламентского союза, 124 страны, 124 парламента мира. И вот у нас в Москве проводилась сотая конференция Межпарламентского союза. Долго пришлось убеждать Бориса Николаевича Ельцина, чтобы было принято решение о такой конференции в России. Решение надо было принимать за два года до проведения конференции на одной из сессий Межпарламентского союза. Я объяснял, депутаты объясняли, что действительно российский парламент есть, он живет, работает. К нам проявлялся огромный интерес, с трибуны Государственной Думы выступало очень много, как вы помните, кто постарше, президентов различных стран, председателей парламентов различных стран, в Государственной Думе выступал и президент Клинтон, все, кто приезжал с большими официальными визитами, они всегда через МИД старались записаться на выступление именно в Государственной Думе. Многие из них не верили, что в России существует парламент, думали, что после расстрела Белого дома в 1993 в нем сидит какой-то послушный, придавленный, забитый народ, который боится, что начнут вновь стрелять танки, и подтверждает все, что предлагает кремлевская власть. Хотя те, кто внимательно следил за Россией, все прекрасно понимали, что это был период самого сложного взаимоотношения законодательной и исполнительной власти, наверное, за все последние годы существования Государственной Думы.

Большинство законов, которые принимались в тот период, шли через согласительные комиссии. Создавались трехсторонние комиссии: представители Думы, Совета Федерации и Правового управления Президента. Часто включались и другие представители, особенно когда дело касалось бюджета. У нас был период, когда бюджеты принимались не в канун наступающего года, а в середине следующего года, и приходилось пользоваться бюджетами, как мы говорили, по одной двенадцатой прошлого года. Потому, что это

был самый тяжелый документ. Ну, и можете представить, что если сегодня депутаты делят бюджет, состоящий из 15—16 триллионов рублей, то в первой, второй, третьей Думе бюджет состоял из 1,5—2 триллиона рублей. И вот сравните, пожалуйста, эти цифры, тем более в тот период кризиса, когда ни на что не хватало денег, когда не выплачивались пенсии, не выплачивались зарплаты бюджетникам, не выплачивались зарплаты военным — все везде рвалось. Поэтому бюджет было принимать чрезвычайно трудно, по каждой отрасли, по каждой статье расходов шли бесконечные дискуссии: как нам быть, за счет чего насытить бюджет, за счет каких сокращений государственных расходов, для того, чтобы можно было удовлетворить все запросы общества, для того, чтобы действительно хоть чуть-чуть полегче жилось людям. Поэтому самыми сложнейшими законами были законы по принятию бюджетов.

И вот 1998 год, в Москве проходит сотая конференция Межпарламентского союза, 124 страны были представлены своими делегациями. Разрешил нам тогда Ельцин провести ее в Кремле, сотую конференцию. Правда, шутку такую здесь забросил в мой адрес, когда я стал с ним вести переговоры в отношении огромного зала Верховного Совета, где заседал Верховный Совет СССР, в Кремле, чтобы там сотая конференция работала, а нам предлагали провести ее на Цветном бульваре, где был Парламентский центр. Теперь там нет Парламентского центра, там отстроен огромный бизнес-центр вместо Парламентского центра, вот такие времена. И уговаривали, что в общем-то это символ России, это Кремль, люди хотят сюда приехать, потому что кроме деловой части можно вообще показать, что такое российский Кремль, его история, вся история государства Российского в основном связана с этим местом. Он долго колебался, потом бросил мне такую фразу: «А вдруг вам там понравится, и вы захотите, депутаты, перебраться в Кремль». Я говорю: «Борис Николаевич, ну, вряд ли депутатам захочется соседства рядом с вашей резиденцией. Если мы заочно с вами без конца вступаем в спор, а что же будет очно, если мы будем каждый день здесь толкаться, встречаться, общаться?» Ну, посмеялись, короче говоря, было дано согласие провести именно в Кремле.

И в это время наступает дефолт. Кириенко уходит в отставку. Он и пришел-то всего на три месяца, для того, чтобы именно набраться смелости и объявить дефолт. Особенно забавно было, когда ко мне подбегали депутаты разных стран и говорили: «Господин Селезнев, нам сегодня менять деньги? — Им нужны были русские рубли. — Или завтра?» Потому что курс менялся по часам, не то, что по дням, а по часам. Я говорю: «Чего вы меня об этом спрашиваете?» — «Ну, вы же Председатель Думы, неужели вы не знаете, какой

завтра будет курс рубля?» До этого доходило. Я говорю: «Никто ничего не знает. Сам Господь Бог, по-моему, не уверен, какой завтра будет курс рубля». Это какое-то страшное было действительно время, когда с 60 копеек доллар долетел до 23 рублей в течение буквально одной недели, и можно себе представить, что творилось в магазинах, банкоматах, обменниках, где только можно было менять рубли на доллары.

В это время проходит сотая конференция, и в это же время решается вопрос о Председателе Правительства. Отправлен в отставку Кириенко, Правительства нет, нам вносится кандидатура Черномырдина Виктора Степановича, которого до этого Ельцин отправил в отставку. Депутаты голосуют «против». Через неделю Ельцин повторно вносит кандидатуру Черномырдина, опять голосуют «против». И в соответствии с Конституцией после третьего «против» у Президента появляется право роспуска Государственной Думы. В этот момент мы договариваемся, а уже была отлажена система так называемых круглых столов, когда Председатель Думы, лидеры думских фракций и депутатских групп собирались у Президента для обсуждения острых вопросов. То есть примерно раз в квартал у нас такие встречи были в Кремле. Неохотно он шел на это, не очень ему хотелось встречаться, потому что то, что там можно было услышать, он не мог услышать нигде. И вот здесь мы тоже собрались для того, чтобы тоже убедить его, — а нам пришла информация, что он будет вносить в третий раз кандидатуру Виктора Степановича Черномырдина, и я совершенно точно знал, что эта кандидатура будет отклонена и тогда последует указ о назначении новых выборов, о роспуске Государственной Думы. Мы собрались, это был круглый стол, который шел с перерывом первый раз (он долго никогда не проводил совещания), это было часа полтора или два, причем все фракции, все лидеры фракций и депутатских групп убеждали его в одном: не вносить кандидатуру Черномырдина, ни при каких компромиссах она не будет утверждена, а внести кандидатуру Евгения Максимовича Примакова. Эта инициатива шла от фракции «Яблоко», но эту инициативу поддержала в первую очередь фракция КПРФ, и потом, в конце концов, сначала была категорически против фракция ЛДПР, но потом, когда увидели, что вряд ли найдется кандидатура, консолидирующая всех депутатов, все стали уже в один голос убеждать Президента внести именно кандидатуру Евгения Максимовича Примакова, но всегда в связке, всегда называлось правительство Примакова — Маслюкова. Вы, наверное, помните, да? Потому что Примаков был известный человек в политике, возглавлял Палату Союза в Верховном Совете, человек на тот момент не очень широко известный, но уже имеющий определенный вес, уважитель-

ное отношение к нему, поэтому на этой кандидатуре все сходилось, а Маслюков, он был во фракции КПРФ, великолепный хозяйственник, человек, который возглавлял в свое время и был первым заместителем председателя Госплана СССР, человек, который возглавлял Военно-промышленную комиссию в Советском Союзе, хорошо знал весь комплекс ВПК, был уважаем среди генеральных директоров и директоров не только оборонных предприятий, поэтому их все видели в паре, и на всех обсуждениях именно так и звучало. И это был в какой-то степени компромисс, попытка создать коалиционное правительство, то есть когда не только представители тех, которых видит Борис Ельцин, а и другие представители могут оказаться в кабинете министров.

У нас продолжается сотая конференция Межпарламентского союза, на последний день конференции заявлено выступление министра иностранных дел Евгения Максимовича Примакова (к тому моменту он был министром иностранных дел). В это время шли все эти переговоры, шли обсуждения в Государственной Думе. И вот как раз накануне его выступления в качестве министра иностранных дел на конференции Межпарламентского союза все-таки Ельцин вносит кандидатуру Примакова, Дума голосует, он набирает огромное количество, абсолютное количество положительных голосов и становится Председателем Правительства. И уже на завершении сотой конференции Межпарламентского союза Евгений Максимович появляется там, в кремлевском зале, где проходило это заседание, в качестве Председателя Правительства. Вы знаете, это было, конечно, принято восторженными аплодисментами, потому что все ощущали напряжение, которое царило в этот момент в Москве, все ощущали, что не сегодня, так завтра может появиться указ о роспуске Государственной Думы, а Государственная Дума — страны-хозяйки, которая принимает сотую конференцию Межпарламентского союза.

Вот такой момент был в нашей истории.

Наиболее запомнившимся, наверное, периодом того времени являются даты с 13 по 16 мая 1999 года, когда Государственная Дума обсуждала импичмент Президенту Ельцину.

Это тоже была очень длинная процедура, длившаяся примерно полгода. Сначала надо было принять постановление о начале процедуры. Согласовывалась каждая строчка — с Верховным Судом, с Конституционным Судом; пять пунктов было сформулировано, по которым, по мнению депутатов, надо было объявлять импичмент Президенту Ельцину. Тяжелая была обстановка. Как вы понимаете, работали все: работали депутаты, работала Администрация Президента, встречались отдельно с депутатами, с лидерами фракций,

шли большие подковерные игры, считались голоса, по какому пункту может быть набрано триста голосов, по какому пункту не набрано. И вот все это длилось до 13 мая.

Почему именно в этот день решили включить в повестку дня этот вопрос? Накануне Президент Ельцин отправил в отставку правительство Примакова. И вот на этом фоне, когда, не дав даже девяти месяцев, не дав родиться полностью этому «ребенку» под названием российское правительство, а оно много чего успело сделать за это время, его отправляют в отставку. На мой взгляд, главным мотивом отставки было то, что впереди были президентские выборы. И Борис Николаевич прекрасно понимал, что если сохранится Примаков и выдвинется кандидатом в Президенты, то он бесспорно победит, поэтому нельзя было допускать, чтобы он дошел до того периода, когда будет объявлено о новых выборах Президента, начнут выдвигаться кандидаты, и Примаков может рассчитывать на победу. Поэтому его убирают с его кабинетом в отставку; и уже, как говорится, грубо говоря, в отместку за это Совет Государственной Думы принимает решение о том, чтобы 13 мая на пленарном заседании начинать процедуру импичмента.

Это самый, наверное, длинный период, когда обсуждается одно постановление — три дня. Три дня шло обсуждение — с 13 по 16 мая. Это был подробнейший доклад председателя комиссии, это был подробный доклад представителя Президента в Государственной Думе Котенкова, это было время для выступления депутатов, лидеров фракций, ответов на вопросы. В общем, три дня шло обсуждение процедуры импичмента. И 16 мая, это была суббота, был назначен день голосования по этой процедуре. Из пяти пунктов, все понимали, и я особенно понимал, что, скорее всего, может набрать триста голосов пункт, в котором обвиняется Президент за войну в Чечне. Это была самая жаркая тема в обществе, в Государственной Думе, в Совете Федерации — война в Чечне, все понимали несправедливость, все не знали, как из этой ситуации выйти, и поэтому здесь рассчитывали, что вот по этому пункту он триста голосов наберет.

Я напомню, как выглядели эти пять пунктов обвинения. Первый — это, конечно, Беловежское соглашение и развал Советского Союза. Я сейчас не дословно зачитываю формулировки. Это был первый пункт обвинения. По нему при голосовании было собрано двести тридцать девять голосов «за». Надо было триста. Второй пункт — о разгоне съезда и Верховного Совета, это октябрь 1993 года. Депутаты тоже этот пункт включили. За него проголосовали двести шестьдесят три человека. Третий пункт — это война в Чечне. За этот пункт проголосовало двести восемьдесят три человека. Так что

вот семнадцать голосов буквально было недобрано до трехсот. За развал армии — двести сорок один. И за геноцид русского народа — двести тридцать восемь. Вот эти пять пунктов, которые были в связи с объявлением импичмента Президенту Ельцину.

Причем, конечно, выступая в зале пленарных заседаний, все депутаты критически относились к Президенту, все высказывались за то, чтобы его отправить в отставку, но понятно, что опять же шла везде подковерная работа, и мы знали, что, скорее всего, не даст голосов фракция ЛДПР, мало даст голосов фракция «Яблоко», ну, и, конечно, проправительственная фракция тоже не даст необходимого количества голосов. Вот так и получилось, что даже по самому такому понятному пункту, по войне в Чечне, набралось двести восемьдесят три голоса. Значит, из ЛДПР проголосовал только один человек «за», остальные все или воздержались, или не голосовали. В «Яблоке» проголосовали две трети, можно сказать, но не додали. И вот буквально этих семнадцати голосов не хватило. Поэтому это был, наверное, самый такой напряженный момент в работе Второй Государственной Думы.

Как вы понимаете, это не шуточное дело, тем более что Ельцин единственный президент, может быть, во всем мире, которому пытались объявить импичмент три раза. Вы помните, что первый раз была не состоявшаяся попытка у Верховного Совета, у Съезда народных депутатов отправить его в отставку. Вторая попытка была удачной, и исполняющим обязанности Президента стал Александр Руцкой, после чего начались события вокруг Верховного Совета, вплоть до стрельбы с танков. И вот третья попытка была уже потом, после новой Конституции, после того, когда какое-то прошло время. Так что, я не знаю, есть ли где на свете в какой стране президенты, которые трижды подвергались процедуре импичмента.

Вот такое время мы в тот период переживали. Причем ни в Первой, ни во Второй, ни в Третьей Государственной Думе никогда ни у одной фракции не было большинства, так, чтобы закон можно было принять, скажем, решением или волей одной фракции или фракции с союзниками по фракции. Не набиралось трехсот голосов, и даже не всегда был расчет на двести двадцать шесть. Почему так тяжело шли законы? Это уже Четвертая Дума — конституционное большинство у «Единой России»; Пятая Дума — конституционное большинство у «Единой России»; сейчас у них нет конституционного большинства, у партии власти, но вместе с тем число депутатов очень большое.

Поэтому наш парламентаризм, как видите, имеет свою драматургию, история нашего парламентаризма.

Я бы только одного не хотел. У нас как-то так получается, что

мы все время, когда говорим о российском парламентаризме, касаемся периода первых, дореволюционных Дум, четырех Дум, и последних Дум. Простите меня, а советский период? А Верховный Совет? Это же тоже интереснейший период, когда был Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР. Он как-то из истории выпадает, этот период. Но нет страны, где бы семьдесят лет могли выпадать из истории. Поэтому здесь я обращаюсь и к нашим исследователям, и к той молодежи, студентам, которые сегодня заинтересовались историей парламентаризма, будут писать какие-то работы — курсовые и так далее и так далее, не забывайте, что семьдесят-то лет у нас была тоже законодательная власть, она была в другой форме, но она обязательно была, не было такого, чтобы была, скажем, только диктатура КПСС, никакой Верховный Совет не был нужен и так далее, и так далее. То есть здесь надо быть просто объективными и давать объективную оценку всем историческим годам нашего развития.

Вот, уважаемые друзья, коллеги, слушатели этих «чтений», извините, может быть, я перебрал регламент, мне было сказано, что можно до сорока минут, я, по-моему, немножко побольше выступал, а может быть, и нет, поэтому большое спасибо за внимание. Я очень горжусь тем, что действительно такая родилась традиция и здесь проводятся «Таврические чтения». Здесь ведь не просто «чтения» проходят, сюда многие люди приходят первый раз в жизни. Кто-то, может быть, и вообще больше в Таврический дворец никогда не придет. И поэтому я убежден, что у всех останется неизгладимое впечатление от этого исторического места, от этого центра исторического. Поэтому я всем желаю крепкого здоровья, уверенности в жизни и любви к нашей великой России.

Спасибо.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
второго и третьего созывов (1996 — 2003 гг.)
Г.Н. Селезнев

225 лет под сенью Таврического дворца: история, архитектура, живопись, литература

Ю.Г. КЛИМЕНКО

Французский классицизм и дворцовое строительство И. Старова

Согласно протоколу Санкт-Петербургской академии художеств «сентября 7 дня 1762 года ... Иван Иванович Шувалов приказал ... Ивана Старова для обучения отправить во Францию».[1] Из Парижа русский пенсионер выехал 5 декабря 1766 г. и прибыл в Рим 1 февраля 1767 г. По возвращению в Россию за выполненный проект «Коллегии всех искусств» Академия художеств 1 сентября 1768 г. удостоила его звания «назначенного».

Таким образом, шестилетний срок обучения в «чужих краях» И.Е. Старова (1745—1808), воспитанника Московского университета и Академии Трех знатнейших искусств в Москве (которая лишь позднее была переведена в Петербург вместе с учениками), превышал период его обучения архитектуре на родине, продолжавшийся с 1758 по 1762 г. Русскому архитектору повезло с учителями, среди которых были лучшие мастера французского классицизма: Жан-Батист-Мишель Валлен-Деламот, Шарль Девайи, Жульен-Давид Леруа и Жак-Жармен Суффло. Получив в Париже разрешение у Жака-Франсуа Блонделя, И. Старову удалось представить на обсуждение свой проект «Коллегии». Наблюдая в столице архитектурной моды за конкурсами в Королевской академии архитектуры, русский воспитанник внимательно знакомился с конкурентами и победителями и их проектами. Достаточно лишь перечислить несколько имен, получивших высшую академическую награду — Grand-prix в период пребывания И. Старова в Париже. Это — Антуан-Франсуа Пейр, удостоенный первой премии в 1762 г. за проект крытой ярмарки

[1] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 474. Л. 2.

общим размером 60 х 50 туазов, Шарль Франсуа д'Арноди — обладатель первой премии 1763 г. за проект триумфальной городской арки (25 х 15 туазов), Адри Муто, получивший первую премию 1764 г. за проектирование городского колледжа общей площадью 70 х 100 туазов, Жан-Франсуа Ортье — обладатель главной премии 1765 г. за проект центрального купола собора (с диаметром 12—15 туазов). В 1766 г. первая и вторая премии были вручены Жан-Арно Раймону и Пьер д'Орлеану за проектирование портала собора шириной в 30 туазов с двумя колокольнями без шпилей и без всякого «подражания» архитектуре Рима.[2] Среди победителей ежемесячных конкурсных программ Академии примечательно имя Жан-Жако Герна (1743—1797) — парижского архитектора, чье творчество связано с российскими заказчиками. Анализ архитектурных проектов и предпочтений академического жюри, обсуждение в архитектурных кругах Парижа этих решений не могли пройти бесследно для юного зодчего родом из Москвы. Часть из увиденного будет им апробирована в реальной практике как в столичных проектах, так и на периферийных землях Российской империи.

До своего отъезда в Рим И. Старов получил в Париже «аттестат», согласно которому «Академия с великим удовлетворением рассмотрела работы, представленные ей в разное время г-ном Старовым, пенсионером Российской Императорской академии, в особенности проект купола собора, который она сочла столь же продуманным, сколь и удачно исполненным ... и сочла уместным выдать данный сертификат, подтверждающий всем ее подлинное уважение к его талантам».[3] Проект купола, безусловно, был выполнен И. Старовым в качестве академической конкурсной программы 1765 г. Этот опыт был им использован в отечественном храмовом зодчестве. Однако и конкурсное задание на главный приз 1766 г. имело существенное влияние на его творчество. Спустя 10 лет после возвращения в Санкт-Петербург архитектор вспоминает о результатах этого конкурса при проектировании Троицкого собора Александро-Невской лавры. Соглашаясь с мнением академического жюри, он сам предпочел аскетичные и лапидарные формы проекта Ж.-А. Раймона, занявшего первое место, проекту более вычурному и усложненному, поставленному на второе место.[4] И. Старов в сво-

[2] *Pérouse de Montclos J.-M.* «Les Prix de Rome». Concours de l'Académie d'architecture au XVIIIe siècle. P., 1984. P. 85—87.

[3] Archives de l'Institut de France. Paris. Procé-verbal de la reunion du 1-er September 1766 à 1'Académie royale d'architecture. B 21. D. 3.

[4] См. подробн.: *Клименко Ю.Г.* Петербург и московские двухбашенные храмы XVIII в. // Архитектура в истории русской культуры. М., 2007. Вып. 7. С. 363—409.

ей переработке отдает предпочтение более строгому дорическому ордеру и вынужден также изменить пропорции фасада, учитывая жесткие габариты участка с заложенным Т. Швертфегером собором.

В отношении дворцового и усадебного строительства И. Старов активно использовал архитектурные традиции французского классицизма XVII в., развитые в последующем столетии. Влияние архитектурного опыта Франции эпохи Просвещения на Россию касалось как общих схем, конструктивных особенностей, вопросов декоративного оформления, так и даже собственно архитектурной лексики. Среди разнообразия моделей, предлагаемых для строительства, французская школа особо широко использовала центричный тип жилого корпуса с включенным в его объемно-пространственную композицию овального или круглого зала-салона. Генезис этого ротондального объема в партикулярном строительстве восходит к древнеримским храмам и впервые был включен в объем жилого корпуса А. Палладио (вилла «Ротонда»). В течение следующего столетия соединение основного объема здания с ротондой, смещенной в сторону сада, стало излюбленным сюжетом французского дворцового строительства: начиная с ансамбля в Во-ле-Виконт и в последующих загородных домах и городских отелях. Парадная анфилада, включающая круглый или овальный купольный салон с окнами, выходящими в сад, присутствует в отеле де Сальм, де Бурбон-Конде, в многочисленных проектах Неффоржа и других французских теоретиков.[5] Здесь небезынтересно отметить, что во Франции это помещение называли «итальянским залом» — «Salon Italien», а в России согласно экспликации — «залом Луи XVI» или «французским салоном», что лишь подчеркивало значение посреднической роли французского классицизма на пути инфильтрации итальянской архитектурной школы в отечественном зодчестве эпохи Просвещения.

Подобный «итальянский» или «луисэзный салон» в творчестве И. Старова можно видеть с первых его построек в России. Это и дворец Бобринских в Богородицке, где ротонда является центром пятилучия всей градостроительной планировки, и усадебный дом Никольское-Гагарино, и дача А.Г. Демидова на Петергофской дороге, и Белый павильон в Таицах. Однако в ряде проектов архитектор отходит от традиционных форм овала, постепенно вытягивая его вдоль поперечной оси дома, повторяя силуэты римских форумов. Достаточно посмотреть на его проектные варианты увеселительного

[5] Этой теме посвящены статьи: *Клименко Ю.Г.* 1) Генезис ротонды в партикулярном строительстве французского неоклассицизма. Часть I: Теоретический анализ // Academia. Архитектура и строительство Российской академии архитектуры и строительных наук. № 1. 2014. С. 18—26; 2) Часть II: Анализ архитектурной практики // Там же. № 2. С. 12—20.

дома Г.А. Потемкина в Озерках, дворца в Осиновой роще, Итальянского дома в саду Аничкова дворца. Но наиболее масштабно эта тема была разыграна в ансамблях Таврического дворца и Пеллы.

Нельзя не отметить, насколько в сценографии Таврического дворца точно воспроизведена традиционная схема французского классицистического отеля. Согласно этим принципам организации жилого пространства в городе или пригородах посетители должны были пройти через парадные ворота, симметричное пространство курденера, ориентированное на главный фасад, далее сквозь вестибюль и купольный салон круглой или овальной формы можно было оказаться в пейзажном саду, организованном позади дома. Гуляя по парку или саду, можно было наблюдать фасад дома-дворца с ротондальным выступом в форме апсиды. Собственно именно так и был организован план Таврического дворца. Подобная планировочная схема, выработанная французской архитектурной школой, оказалась очень востребованной. Достаточно процитировать ведущего английского архитектора Р. Адама, который не скрывал симпатий в оценке французских архитектурных достижений: «Благородное и удобное оформление жилых апартаментов — это направление искусства, в которых французы опередили все остальные нации».[6]

Несмотря на то, что крупное и ясное решение колоннады Большой галереи обращает нас к многочисленным античным и неопалладианским примерам, тем не менее немало аналогов и среди французских мастеров, использующих подобный эффектный прием. В архитектурном решении парной колоннады ионического ордера во дворцах Старова-Пелле и Таврическом нельзя не отметить сходства с отдельными проектами французских утопистов. Наиболее точно она повторяет[7] исполинский ордер Этьена-Луи Булле на его знаменитых проектах музеума 1783 г. или национального дворца 1792 г. Нереалистичный масштаб и бесконечность колоннад позволяли утвердиться устойчивому определению французского неоклассицизма как «бумажной архитектуры». Опровергнуть это мнение позволяют реализованные замыслы И. Старова, в которых нашли отражение многие из идей парижских мастеров.[8]

Учитывая опыт И. Старова, полученный во Французской ака-

[6] Цит по: *Уоткин Д.* История Западноевропейской архитектуры. San Mauro (Köln), 2001. С. 217.

[7] Примечательно, что после реконструкции Таврического дворца в начале XIX в. новый ордер колоннады Большой галереи еще более точно воспроизводил ордер на указанных проектных видах Э.-Л. Булле.

[8] Среди многочисленных французских увражей с архитектурными проектами наиболее точный аналог планировки Таврического дворца можно видеть в издании: «Plans et dessins tirés de la belle architecture ou repré-

демии в Риме, многие видят в его Таврическом дворце лишь «некое подобие венецианской виллы, разросшейся благодаря дополнительным крыльям и залам. Образующие его объемы самых разнообразных форм восходили как к ренессансным палаццо, так и к помпейским domus и к римским базиликам. Необходимость устройства зимнего сада, который давал бы хозяевам ощущение лета посреди северной зимы».[9] Однако в комбинации сопряжения этих крупных парадных помещений, включающих квадратный в плане вестибюль, восьмиугольный атриум, римский перистиль (большая галерея), согласно «французскому вкусу» ради комфорта здесь организовывали множество потайных комнаток, скрытых лестниц, чердаков и прочих асимметричных мелких пространств, необходимых для инженерных целей. Таким образом, не только на проектном, но и на строительном уровне очевиден механизм инфильтрации идей французского классицизма в русскую архитектурную школу.

Укажем, что 1780-е гг. следует назвать периодом наиболее активного заимствования русскими частными заказчиками архитектурных проектов у французских мастеров. Достигнув апогея, это вскоре оборвалось с началом французской революции. А в 1780-х гг. Г.А. Потемкин обращался за первоначальным проектом будущего Таврического дворца к архитектору Буржуа де Теньеру, Н.П. Шереметев объявлял международный конкурс на проект для своего дома искусств на Никольской ул. в Москве и реализовал лучшие из предложенных идей у себя в Останкино. По мнению ряда исследователей, для дворцового ансамбля в загородной резиденции Кусково он использовал проект Ш. Девайи. Согласно архивным документам, точно известно, что чета Голицыных в сентябре 1780 г. перед отъездом из Парижа в Россию купила у архитектора Жана-Жако Герна проект дворца для своего подмосковного имения Архангельское,[10] где строительство началось в 1784 г.[11] Эти и многочисленные другие факты

---

sentations d'édifices exécutés ou projettés en CXV planches avec les explications nécessaires / par C.L. Stieglitz. Londres: chez A. Dulau. 1801. Pl. IV, V, VI. Проект был гравирован Н. Рансонеттом в Париже в 1798 г.

[9] *Медзанотте Дж.* «Строительная лихорадка» Екатерины II. «Итальянизирующие» архитекторы Москвы и Петербурга // От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма. Лугано; СПб., 2004. С. 225.

[10] «Архитектору Герну за план Архангельского 1200 [ливров] (ГМУ «Архангельское». Инв. № 16359).

[11] В документах Голицына указана только фамилия зодчего. Среди крупных французских архитекторов известен Жан-Жако Герн (Jean-Jacob Guerne). Он родился в Париже в 1743 г. и после успешной учебы окон-

обращения к «галльским» проектам опровергают ошибочно устоявшееся мнение о смене архитектурных предпочтений в России от французской школы к итальянской и английской, как утверждали исследователи, цитируя Екатерину Великую после ее неудачной попытки сотрудничества с Ш.-Л. Клериссо.

Успех двух российских воспитанников Ш. де Вайи — И.Е. Старова и Ф.И. Волкова в создании Таврического дворца признавали не только их соотечественники и многочисленные иностранные путешественники, с интересом осматривавшие резиденцию и оставившие ценные по описанию и содержанию отзывы, анализу которых посвящены специальные научные публикации.[12] В этом контексте примечательно и признание этого произведения французскими представителями высокой архитектурной моды начала XIX столетия Ш. Персье и П.-Ф.-Л. Фонтеном. Наполеоновские мастера отнесли Таврический дворец к числу самых «интересных и приятных» королевских дворцов Европы.[13] В 1808 г. Наполеон предложил устроить в новом корпусе между Лувром и Тюильри зимний сад, повторив его из ансамбля Таврического дворца. А театр из этого северного дворца, по мнению французского императора, должен был стать прототипом для театра в проекте резиденции его наследника — «римского короля».

Бесценно, что ансамбль Таврического дворца, несмотря на все преобразования, сохранился до наших дней. Он по праву занимает особое место как в творчестве И. Старова, так и в истории русского классицизма в целом. Источником для этого программного произведения послужили архитектурные образцы самого разного характера — от неопалладианских форм до моделей, восходящих к греко-римской Античности, во многом воспринятых зодчим сквозь призму утонченного французского неоклассицизма.

чил Королевскую Академию архитектуры в Париже в 1769 г., получив главную премию за конкурсный проект на оформление праздничных торжеств с созданием храма Гименея для королевского венчания. Тема была навеяна браком дофина и Марии Антуанетты. Последующая карьера архитектора связана с Парижем. Однако известно, что во время пребывания в Риме он входил в круг ценителей творчества Андрео Палладио и был знаком с итальянским архитектором Джакомо Кваренги до его отъезда в Россию.

[12] *Кросс Э.Г.* Таврический дворец глазами британских посетителей, 1789—1807 гг. // Таврические чтения 2009. СПб., 2011. Ч. II. С. 20—32.

[13] C. Percier — P.F.L. Fontaine. Residence de Souverains, parallele entre plusieurs Residances des Souverains de France, d'Allemagne, de Suede, de Russie, d'Espagne, et d'Italie. Paris, 1833. (New York, 1973). P. 229.

В.Н. МОРЯХИНА

Таврический дворец как палладианская вилла

Таврический дворец принадлежит к распространенному в середине XVIII — первой половине XIX вв. типу палладианской виллы. Державин называл этот дворец «храмовидным домом». При взгляде на здание прежде всего вспоминается самая известная постройка Андреа Палладио — вилла Ротонда. Учитывая ратные подвиги владельца, Григория Потемкина, но и во многом благодаря самой очевидной черте храмовой архитектуры — куполу, в путеводителе Реймерса 1796 г. Таврический дворец неоднократно называется Пантеоном.[1] Именно римский Пантеон, самая знаменитая ротонда античности, являлся главным прототипом виллы Ротонда. Античные сюжеты, причем не только непосредственно архитектурные, но и содержащиеся в таких литературных описаниях, как письма Плиния Младшего, вдохновляли как творцов шестнадцатого века, так и архитекторов века восемнадцатого. Богатство и многообразие источников, питавших творчество гениального русского архитектора И.Е. Старова, делает процесс их разгадывания и прочтения очень увлекательным, и, вероятно, точка в таком прочтении не будет поставлена никогда.

В наше время приходится проводить мысленную реконструкцию, чтобы понять, в расчете на какое окружение строился дворец. Подобно многим виллам Андреа Палладио, обращенным к воде, он смотрел на Неву. Дворцу было отведено место среди редких построек и невыразительной растительности болотистых берегов. Перед И.Е. Старовым стояла задача строительства загородной виллы, тема, занимавшая умы теоретиков архитектуры со времен античности. И несомненно архитектор выступил достойным продолжателем своих знаменитых предшественников. Здание, распластавшееся покоем вдоль берега Невы, было связано с рекой каналом, заканчивавшимся гаванью в виде ковша. Строгость и прямизну этого канала подчеркивала гранитная облицовка, широко распространившаяся в Петербурге во времена правления Екатерины II. Каналом была задана главная ось ансамбля. Она продолжалась в анфиладе парадных залов, характер и необычность внутреннего оформления которых как раз и составляли главную прелесть постройки Старова.

[1] *Reimers H.C. von.* St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts: mit Rückblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums. Mit kupfern Planen und Karten. SPb., 1805. B. 1. S. 377.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению этой анфилады, расположенной не вдоль вытянутого корпуса здания, а поперек к нему, на главной оси, хочется отметить еще одну особенность, отличающую Таврический дворец от большинства вилл Андреа Палладио и множества дворцовых построек. Парадные залы расположены на первом этаже, находящемся практически на уровне земли. Такое расположение бельэтажа, piano nobile, крайне редко встречается в жилых постройках, не говоря о дворцах. Неотъемлемой чертой палладианских вилл является приподнятость основного объема здания. Эти виллы возносятся над окружающим пространством как будто бы в ожидании венецианского наводнения, чтобы окончательно отделиться от окружения на островке идеальной жизни. Главный вход в здание часто акцентируется дополнительным лестничным маршем, напоминающим специально строившиеся в древней Греции помосты с ведущими на них ступенями, которые использовались для ритуальных танцев во время мистерий. Интересно, что такая деталь большинства палладианских вилл, как центральная протяженная лестница с классицистическими, т.е. довольно высокими, ступенями, была повторена лишь в Английском дворце Джакомо Кваренги, построенном в Петергофе в 1781—1787 гг. Вероятно, множество ступеней, которые без труда мог преодолеть лишь идеальный человек, были одной из причин того, что Екатерина Вторая, заказавшая зодчему эту постройку, так никогда и не въехала в этот самый палладианский из русских дворцов.

Таврический дворец не просто лишен подобных лестниц, он подчеркнуто растянут. Его одноэтажные крылья не были приподняты даже на высоту погребов цокольного подвального полуэтажа, такого привычного для Петербурга. Такая особенность, видимо, была очень дорога архитектору, важна для его замысла. Гармоничное соответствие пологим берегам широкой полноводной реки, слияние с природным окружением захватывало не только гостей, прибывавших к дворцу со стороны его главного фасада, в полной мере оно чувствовалось и внутри главных залов, и со стороны английского пейзажного парка.

Важность принципа взаимопроникновения частей здания, деталей его архитектуры в сад, а частей сада — во дворец была осмыслена еще в эпоху античности. Повторение элементов способствует единству образа, гармонии живой природы и творений рук человеческих. Плиний Младший, описывая достоинства своего поместья, писал: «Около беседки, напротив нее, комната; это соседство делает еще краше и беседку, и комнату. Комната сверкает мрамором; двери открываются в зелень листвы; из одних окон смотришь вверх на зеленый склон, из других вниз. Маленькая, выступающая вперед

веранда кажется частью той же самой комнаты и особой комнатой. Здесь стоит ложе, окна есть со всех сторон, но в комнате полумрак от тени: роскошная лоза, захватив всю крышу, поднимается до самого конька. Ты лежишь там словно в лесу, только не чувствуешь, как в лесу, дождя. Тут есть фонтан, вода в котором то появляется, то иссякает. В парке всюду расставлены мраморные скамьи, на которых, устав от ходьбы, отдыхают, как в спальне. Около скамей фонтанчики».[2] Мечта о саде как собственном доме, и о доме, подобном саду, питала творчество многих архитекторов. К сожалению, смелые замыслы и последовательное воплощение идеала сталкивались с приземленной реальностью. И это касается не только холодной России, но и теплой Италии. Классик искусствоведения Э. Гомбрих о самой знаменитой вилле Андреа Палладио писал: «Как бы ни была красива такая композиция, здание мало пригодно для обитания. Погоня за необычными эффектами вступила в противоречие с утилитарным назначением архитектуры».[3] В 1789 г., когда прошло около пяти лет с момента начала строительства Таврического дворца (здание было возведено между 1783—1789 гг.), управляющий делами Потемкина писал: «В большой галерее черный пол, лежащий на сырой земле, следовательно сыростью досыта напитавшийся, весь сгнил...».[4] Через несколько лет, уже при новых владельцах пол решено было поднять на 60 см, чтобы избежать гибельной сырости.[5]

Андреа Палладио считал, что идеальное здание должно располагаться на открытой, желательно возвышенной местности. Такая свобода соответствовала свободе владельца. В отличие от виллы Ротонда с центральным купольным залом, открытым на все четыре стороны, оформленные одинаковыми портиками с треугольными фронтонами, у Таврического дворца главенствует одна ось. Она являлась продолжением двухсотметрового канала, включала в себя динамично сменяющие друг друга пространства: прямоугольное, восьмиугольное, растянутое поперек с полукруглыми торцовыми стенами. Самое необычное было то, что, проходя через вестибюль и восьмиугольный, завершенный куполом зал, затем через протянувшуюся поперек галерею, главная ось продолжалась в необыкновенном пространстве зимнего сада, таком обширном, что площадь его была сравнима с центральным объемом дворца, если не причислять

[2] Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 36—40.

[3] *Гомбрих Э.* История искусства. М., 2013. С. 363.

[4] *Шуйский В.К.* Таврический дворец в XVIII веке // Таврический дворец. СПб., 2003. С. 29.

[5] Там же. С. 49.

к нему галерею, представляющую собой совершенно особую структуру. На этой оси в зимнем саду располагался круглый храм со статуей Екатерины II, на ней же в полукруглом объеме, подобном апсиде или экседре, был расположен грот. Зеркальный грот представлял собой «нишу, составленную из одиннадцати зеркал» с хрустальным бассейном для рыбок и беломраморной вазой на постаменте, дополнительно украшенной «хрустальной на оной галкою».[6] «Чтобы зрительно более тесно связать оба сада, простенки между окнами зимнего сада украсили пейзажной живописью».[7] Интересно, что не только живопись с садовыми мотивами, но и множество «садовых обитателей» наполнили дворец, начиная с тысячи «хрустальной материи галок», украсивших колонны амфитеатра Концертного зала, располагавшегося в восточном крыле дворца,[8] и заканчивая знаменитыми часами «Павлин».

Планировку пространства, окружающего здание, А. Палладио обычно ограничивал выбором местоположения для своих прекрасных построек. Единственный случай, где архитектор одновременно со зданием проектирует садовые элементы — пескьеру (бассейн для рыб) и грот — это вилла, построенная Палладио в небольшом городке области Венето, Мазер, для своего друга, политика, епископа, образованнейшего человека своего времени, составителя комментариев для издания Витрувия —Даниэле Барбаро. В вилле Барбаро основной тон задают вытянутые одноэтажные корпуса открытых галерей. В Венето такие галереи, где обычно размещались разные службы: комнаты служителей, кухни, конюшни, сенники, склады, ... — называют баркессами. На вилле Барбаро баркессы завершаются слегка выступающими ризалитами, простенки арок которых украшены расположенными в прямоугольных нишах скульптурами Венеры, Вакха, Аполлона, Дианы, Пана, Леды... Ризалиты включают в себя возвышающиеся над крышей одноэтажных галерей прямоугольные объемы голубятен, которые обнаруживают свое назначение лишь при взгляде сбоку. На главный фасад они выходят глухой стеной с вписанными в квадрат круглыми поверхностями солнечных и астрономических часов. Прямоугольные объемы второго этажа ризалитов, немного не доходящие до высоты главного корпуса, увенчаны треугольными фронтонами. Плоскость стен скромного по размерам здания виллы обогащена рустовкой, замко-

[6] *Петров А.Н.* Большая оранжерея и Дом садового мастера Таврического дворца. Архивные выписки. Л., 1955. Рукопись // Архив КГИОП. Н-917. Л. 106.

[7] *Шуйский В.К.* Указ. соч. С. 20.

[8] Там же. С. 28.

вые камни арок включают в себя выпуклые маски. В неразрывной связи со зданием находится грот, его стена огибает полукругом задний двор. Передний двор на проекте Палладио тоже очерчен полукругом. Симметричные прямоугольные площадки двора подняты на один уровень с фундаментом дворца, к ним, также как к галереям здания, ведут ступени. Двор перед дворцом повторяет размеры и очертания плана здания и примыкающего к нему грота. Существование разных структур, расположенных на главной оси: здания и двора с полукруглым гротом, комбинация контрастных по своим очертаниям построек (прямой, плоскостной и вытянутой, и —полукруглой, углубленной, пластичной) прослеживается в римской вилле Джулиа, сооруженной Якопо Бароцци да Виньолой в 1551—1553 гг. непосредственно перед постройкой виллы Барбаро (1554—1560). Эти же принципы воплощены не только в постройке А. Палладио, но и в Таврическом дворце И.Е. Старова.

В композиции архитектурного творения Старова между двух контрастных частей здания находится не открытый двор, как в случае с постройками Виньолы и Палладио, а вытянутая галерея. Удивительно, что и сейчас, после многочисленных перестроек, эта галерея, в которую обращены застекленные окна соседних помещений, похожа на открытое дворовое пространство. Современники тоже высоко оценивали это качество и ощущали необычность этого зала. Державин писал: «При первом шаге представляется длинная овальная зала или, лучше сказать, площадь, пять тысяч человек вместить в себя удобная и разделенная в длину в два ряда еще тридцатью шестью столпами. Кажется, что исполинскими силами вмещена в ней вся природа».[9] Для этой залы важны не только колонны, но и закругленные торцевые стены, Полукруглые части архитектурной композиции очень обогащают строгий геометризм постройки, наполняют ее динамичностью. Благодаря своей протяженности (ее размеры 74 на 15 метров) и закругленным торцам, галерея по форме напоминает ипподром.

Как здесь не вспомнить, что карьера владетельного князя начиналась именно с Конного полка! Случаю со своим норовистым конем Потемкин был обязан тому, что Екатерина II когда-то обратила на него свое благосклонное внимание. Можно себе представить, насколько гармонично подходила форма ипподрома для главной залы дворца, который при жизни Потемкина носил название Конногвардейского дома. Гауард Бернс отмечал, что «огромный зал с гигантскими ионическими колоннами напоминает проект Палладио для дворца палаццо Порта в Виченце или его реконструкцию Базилики

[9] Там же. С. 23.

в Фано, изданную в томе Витрувия в переводе Даниэле Барбаро».[10] Отмечая, что «с такими людьми, как Потемкин и Екатерина, ничего исключать нельзя», исследователь предполагает, что зал «в форме цирка может восходить к такому сооружению, как циркус Максимум или дворец-ипподром внутри императорского дворца на Палатине, план которого был хорошо известен, в частности благодаря плану Римского Форума, который был выполнен Пиранези или благодаря реконструкции в книге Франческо Бьянкини».[11]

Колонный зал И.Э. Грабарь называл главной «диковинкой Таврического дворца», его описывал каждый приезжавший в Петербург иностранец, зал при этом считался шедевром не только русской, но и европейской архитектуры. Последователем И.Е. Старова выступает Джакомо Кваренги в здании Александровского дворца. Здесь мотив двойной колоннады сделан главным и вынесен наружу. Тема взаимопроникновения сада в дом, а дома в сад, и здесь очень важна. Пространство, находящееся под открытым небом между входом во дворец и галереей, с облицовкой пола шашками белого и серого мрамора, достойно парадных дворцовых интерьеров. И здесь, как и у Старова, мы видим не буквальное следование какому-то определенному палладианскому образцу, а творческую переработку идей венецианского архитектора, достойного последователя зодчих эпохи античности. Кажется, что в подобных постройках сквозь формы европейской архитектуры смотрит сама Античность, приближая нас к идеалу.

[10] *Бернс Г.* Преемственность и новаторство в архитектуре Санкт-Петербурга, 1762—1825 // От мифа к проекту. Влияние итальянских и тичинских архитекторов в России эпохи классицизма. Лугано; СПб., 2004. С. 329.

[11] Там же. С. 330.

В.В. МАЛЫГИН

Роль архитектора Ф.И. Волкова в истории создания ансамбля Таврического дворца

В создании ансамбля Таврического дворца в период 1783—1796 гг. участвовали архитекторы И.Е. Старов и Ф.И. Волков, а также садовый мастер В. Гульд, работавший с обоими зодчими.

В 1783 г. И.Е. Старов начал строить Конногвардейский дом для кн. Г.А. Потемкина по плану, представляющему компактное здание без боковых флигелей.[1] (илл. 1).

Факт существования такого дворца, подтверждает картина неизвестного художника «Вид на Таврический дворец со стороны сада».[2] (илл. 2).

Постройка флигелей начата с 1786 гг.[3] Исследователь В.К. Шуйский пишет: «Боковые корпуса достраивал Ф.И. Волков, судя по архивным документам, внесший свои существенные изменения в проект».[4]

Творчество архитектора Федора Ивановича Волкова недостаточно изучено, поскольку уже к концу XIX в. его сооружения были частично утрачены или значительно перестроены. О замечательном даровании зодчего высоко отзывались современники и коллеги по Академии художеств.[5]

Федор Волков обучался у Ж.Б.М. Валлен-Деламота и И.Е. Старова, а в пенсионерские годы за границей в мастерских Т. Теманца в Италии и Ш. де Вайи во Франции. Изучая подлинники Античности и Возрождения, знакомясь на практике со строительными дос-

[1] В музее истории Санкт-Петербурга хранятся копии Д. Кваренги с чертежей И.Е. Старова, датированные В.И. Пилявским предположительно 1784—1785 гг. (*Павелкина А.М.* Джакомо Кваренги. Архитектурная графика. Коллекция Государственного музея истории С.-Петербурга. Научный каталог. СПб., 1998. С. 113).

[2] Таким дворец мог быть только в краткий период до начала пристройки к нему флигелей в 1786 г. Противоречие видится в несоответствии костюмов персонажей, относящихся к первым годам XIX в. Картина воспроизведена в альбоме к книге Д.С. Лихачева «Поэзия садов» (СПб., 2008. С. 66).

[3] *Петров А.Н., Васильева Н.И.* Таврический дворец. Историческая справка. Л., 1953 // Архив КГИОП. Н-779. Л. 17.

[4] *Шуйский В.К.* Золотой век барокко и классицизма в Санкт-Петербурге. М., 2008. С. 94.

[5] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2167. Л. 6 об.

тижениями французского неоклассицизма, он, по приезде на Родину, создал образцы архитектуры, не обычные для Петербурга того времени, без применения ордерных элементов. Этот прием он успешно использовал при составлении типовых проектов общественных зданий, служа первоначально в Казенной палате. Из-за недостатка финансирования в военной обстановке 1780-х гг. строительная деятельность этой организации сильно сократилась, предоставив профессиональную свободу архитектору.

Несомненно, И.Е. Старов, имевший многочисленные государственные и частные заказы в разных городах России, в том числе и у Г.А. Потемкина, нуждаясь в опытном помощнике, рекомендовал князю своего бывшего ученика по Академии художеств. Когда в 1790 г. Старов, по требованию Потемкина, был направлен в Новороссийскую губернию для составления планов новым городам и проектов их застройки, Волков остался единственным архитектором при Конногвардейском доме.

Светлейший князь Таврический — будучи президентом Военной коллегии, командующим в Русско-турецкой войне, руководителем строительства военного и торгового флотов на Черном море, генерал-губернатором в Новороссии, способствовавший созданию там ряда городов, — делил свою активную деятельность между южными губерниями и Петербургом. Он уделял внимание и своей строившейся усадьбе на Неве, одновременно давая архитектору и личные, и государственные заказы.

Сохранилось воспоминание о том периоде: «Он [Волков] также делал многие рисунки для покойного князя Потемкина-Таврического... Можно сказать, что господин и архитектор встретились равно пылкого и обширного воображения; ибо, если первый в вечеру предлагал идеи какому-нибудь важному зданию, которое он намеревался строить, то второй уже по утру на другой день представлял планы и фасады».[6]

В Энциклопедическом лексиконе за 1838 г. отмечено: «Князь Потемкин-Таврический любил Волкова за его редкие дарования и скорость в исполнении программ. Волков много чертил планов и проектов для князя Потемкина; все чертежи его носят отпечаток гениального воображения и разборчивого вкуса. Современники ставили Волкова в число первых русских архитекторов...».[7]

Во время недолгого и последнего пребывания в 1791 г. в столице Потемкин поручил архитектору перестройку Конногвардейского дома.

[6] *Акимов И.А.* Краткое историческое известие о российских художниках // Северный вестник. 1804. Ч. 1. № 1—3. С. 355.

[7] Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Т. 11. С. 352.

Согласно одобренному заказчиком плану, на месте полукругом выступающего помещения зимнего сада должен был находиться обширный квадратный зал с картинной галереей по периметру и колоннадой, заключающей внутри этого пространства «греческий зал» для размещения скульптуры (илл. 3). Переделке подлежали закругленные противоположные концы Большой галереи. На их месте предполагались вестибюли с выходом в сад. Изменения вносились и в садовые фасады переходов от дома к флигелям. Западный флигель должен был соединиться переходом с новой Большой каменной оранжереей.

По проекту оранжерея имела центральный трехэтажный, на три оконные оси, объем. В его высоту, но с единым одноэтажным внутренним пространством, в обе стороны простирались два оранжерейных крыла. Центр садового фасада был отмечен шестиколонным портиком, по сторонам которого расходились застекленные колоннады (илл. 4). При Потемкине начато только строительство Большой оранжереи, но из-за скорой кончины князя проект перестройки дворца не получил осуществления.

Имение с садом наследники продали в 1792 г. в казну.

Новая владелица, Екатерина II, переименовав дом в Таврический дворец, решила устроить здесь усадьбу для пребывания с внуками и Двором в демисезонные периоды. В ее замысел входили не перестройка, а капитальный ремонт неполностью достроенного и «никогда не живалого дворца»,[8] благоустройство территории и дополнительные необходимые постройки. Продолжать здесь старые строительные работы и осваивать новые императрица поручила Ф. Волкову, назначив его архитектором ведомства Кабинета.

В 1792 г. он начал перестраивать бывший дом купца Собакина и обветшавший запасной дворец, расположенные напротив Большой каменной оранжереи, ближе к Неве, объединив их объемы в один двухэтажный павильон и сделав верхний этаж деревянным. По проекту, новый Запасной дворец, предназначенный для великих князей, имел два шестиколонные портика, вальмовые крыши над которыми составляли иллюзию фронтонов. Порталы в виде башен с венецианскими окнами над проездами завершали крылья здания (илл. 5). Вдоль половины дворового фасада шла открытая двухъярусная галерея из колоннад. Очевидно, уже в ходе строительства произошли некоторые изменения, о чем свидетельствует облик здания на более поздних копиях с чертежей.

[8] *Петров А.Н.* Оранжерея и дом садового мастера Таврического дворца. Историческая справка. Приложение IV. Л., 1955 // Архив КГИОП. Н-898/1. Л. 119.

Перпендикулярно к восточному крылу Запасного дворца примыкал деревянный флигель для чиновников и служителей Двора.[9] Флигель длинным фасадом был обращен к гавани в форме ковша, по другую сторону которой располагался похожий флигель (илл. 6).

Большие строительные работы вблизи берегов Невы сопровождались благоустройством набережной. По участку между Таврическим дворцом и Большой каменной оранжереей, с одной стороны, и Запасным дворцом напротив них — проложена улица. От проезжей части парадный двор отделен каменной оградой с чугунной решеткой и урнами на постаментах (илл. 7). Берег укреплен и возвышен (илл. 8).

Из гавани выходил канал, дамбы которого направлены в сторону противоположного берега (илл. 9) к так называемой Горбылевской даче, предназначенной для отдыха и увеселения царской семьи и гостей. Построенные там два дома изображены на картине Патерсена «Вид на Таврический дворец со стороны Охты» (илл. 10). У переднего из них, на уровне второго этажа дворового фасада, виднеется терраса катальной горки и закругленная часть открытой колоннады.

Для художественного облика этого объекта Волков нашел архитектурные элементы, достойные решить сложную задачу объединения в один комплекс близких по назначению, но разделенных друг от друга Невой построек. Единству способствовала гармоничная перекличка четырехколонных портиков, несущих балконы, украшавших и Горбылевский дом, и боковые флигели Таврического дворца. Той же цели служил мотив закругленной колоннады в упомянутом доме на Охте, примененный также в дворцовом саду в плане павильона-беседки под названием «Адмиралтейство». Это утилитарное строение, в котором хранились прогулочные лодки, имело не только функциональное, но и декоративное значение в панораме пейзажа (илл. 11).

Своеобычность художественного решения «Адмиралтейства» заключалась в динамичном сочетании одноэтажных и двухэтажных фрагментов здания, представляющих замкнутые или открытые объемы. Акцент в композиции составляла двухъярусная ротонда из колонн, одним полукругом выступавшая по центру фасада, другим — заглубленная в массив здания в нижнем ярусе. В верхнем венце она возвышалась над крышей, создавая впечатление ажурной беседки.

Мотивы открытой круглой колоннады и глубокой экседры пришли из Античности, и преобразованные в постройках Средневеко-

[9] Именные и объявленные Высочайшие указы за 1793, 1794, 1795 гг. // РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3908. Л. 4.

вья и Возрождения, получили распространение в европейском искусстве как самостоятельные архитектурные формы. Единство этих элементов нашло своеобразную трактовку в произведениях французского неоклассициста Ш.де Вайи, наставника Волкова в годы его пенсионерства и оказавшего влияние на творчество русского ученика.

В 1773 г. де Вайи прислал Екатерине II в подарок авторский альбом с рисунками проекта павильона Наук и Искусств (илл. 12). В сюжетах была особо подчеркнута позиция круглой открытой колоннады, как бы наполовину «вставленной» в глубокую закругленную нишу по центру трехэтажного фасада. Она стояла на ступенчатом стилобате, на уровне только среднего этажа здания на фоне глухой возвышающейся над ней стены экседры.[10]

Идея подобной пластичной комбинации частей фасада, творчески переработанная и усложненная Волковым в облике «Адмиралтейства», получила логически законченную разработку в усадьбе садового мастера В. Гульда, устроенную на северо-западном участке Таврического сада.

Однако замысел, достойный паркового сооружения, получил здесь иную интерпретацию в формах жилого дома в условиях северного климата. Полукругом выступающая колоннада была заменена полуротондой с застекленными окнами в уровень нижнего этажа восточного фасада. Стена второго этажа над ней представляла глубокую нишу такого же радиуса. Окружность, возникшая в месте соприкосновения взаимно противоположных дуг, заключала перекрытие над ротондой в виде круглого балкона-террасы (илл. 13).

Прием вертикальной композиции из выступающих и западающих друг над другом частей здания по центральной его оси составил архитектурную пластику, при которой без применения ордера и дополнительных декоративных украшений садовый фасад здания всегда имел «живописную» игру светотеней.[11]

[10] На проекте ротонда окружала статую Минервы, олицетворяющую образ Екатерины II. Аналогичный мотив со статуей императрицы И.Е. Старов использовал как конструктивный элемент при организации перекрытия большого пространства Зимнего сада в Таврическом дворце (см. воспроизведение акварели Ф. Данилова 1792 г. в книге Н.Н. Белехова и А.Н. Петрова «Иван Старов. Материалы к изучению творчества» (М., 1950. С. 101)).

[11] Такая композиция встречается в русской архитектуре дважды. И.Е. Старов, обучавшийся у де Вайи в 1762—1767 гг., построил в 1774—1776 гг. усадьбу в селе Никольском под Москвой для С.С. Гагарина, в чертах переходного периода от барокко к классицизму. Ф.И. Волков, обучавшийся у де Вайи в 1776—1782 гг., создал в 1792—1794 гг. усадьбу В. Гульда по канонам строгого классицизма.

Постройки компактной, в традиционном «П»-образном плане, усадьбы садового мастера В. Гульда,[12] созданной Волковым, представляли автономный ансамбль, искусно включенный в окружающую среду. Комплекс входил в общую ограду сада, но от парадной его части отделен своими же постройками, поставленными по периметру участка: два симметричных хозяйственных флигеля ограничивали южную и северную стороны; с востока — две небольшие ограды с проездами в сад соединяли флигели и садовый фасад дома, и на общей их «красной» линии эффектно выделялся ризалит полуротонды.

Въезд осуществлялся с западной стороны через ворота, к которым вел каменный мостик, перекинутый через ров. Въезд фланкировали обращенные к улице торцовые фасады служебных флигелей с башенками-мезонинами. Их расположение представлено на картине Ф.Я. Алексеева «Таврическая улица»[13] (илл. 14). Культурный слой за двести с лишним лет поглотил часть фасадов, изменив их пропорции (илл. 15).

Одноэтажные флигели усадьбы, стоявшие по бокам курдонера[14] и отгороженные от него стенами с проходом (илл. 16), создавали впечатление своеобразных пропилей к доминирующему в пространстве двора жилому двухэтажному дому. Строгий фасад дома отмечен ризалитом с портиком из четырех стройных колонн, несущих балкон с балюстрадой (илл. 17).

---

[12] Опытный и талантливый мастер Гульд, много послуживший в усадьбах Потемкина, в том числе в Петербурге, оставлен был при Таврическом дворце для формирования нового расширенного английского парка. Он создал рельефный с прудами пейзаж на равнинном берегу Невы, насаждал здесь деревья, кусты, цветы, выращивал в оранжереях и теплицах персики, ананасы, абрикосы, вишни, огурцы. Ему помогал большой штат подмастерьев, учеников, постоянных и временных работников. При ферме содержались коровы и изготавливалось масло. Императрица ценила Гульда и материально его поощряла. В 1792—1794 гг. в северо-западной части Таврического сада для него построена усадьба.

[13] Ныне — ул. Потемкинская.

[14] Исследователь А.Н. Петров отмечал наличие здесь четырех идентичных флигелей. «Флигели, — писал он, — попарно соединялись друг с другом узкими корпусами, образуя вместе с ними букву «П». Центральная часть каждого из таких П-образных флигелей по поперечной оси ансамбля была повышена. Это впоследствии дало возможность устроить в южном флигеле сквозной проезд, достаточный по высоте» (*Петров А.Н.* Оранжерея и дом садового мастера Таврического дворца. Историческая справка. Л. 1955 // Архив КГИОП. Н-898/1. Л. 63).

Волков и Гульд совместно создавали архитектурно-парковый пейзаж. Каждый год в смету расходов по Кабинету закладывались большие суммы на содержание и оформление сада, пересадку деревьев, «выстил» дерном лугов, подновление дорожек песком и гравием. Украшение ландшафта составляла лодочная флотилия (илл. 18).

В планировке и насаждениях Таврического сада сохранились до наших дней черты первоначального замысла (илл. 19). Эффектные картины природы дополнялись малыми архитектурными формами: на аллеях расставлялись чугунные канапе, берега протоков соединяли мосты, к изготовлению которых Сестрорецкий завод приступил в 1794 г.[15]

В настоящее время к объектам исторического и культурного наследия причислены два моста по проекту Волкова в Таврическом саду.[16]

Приведем профессионально точную характеристику этих мостов исследователя А.Л. Пунина:

«Пролетное строение 10-метрового моста состоит из однородных ребер пологих очертаний. По приемам инженерной компоновки оно выглядит удивительно современно: конструкция моста свидетельствует о том, что автор проекта очень точно представлял себе характер работы конструкции. У более длинного 13-метрового моста основные ребра усилены дополнительными «полуарками», соединенными с основными в жесткую систему вертикальными кольцевыми элементами: этот оригинальный прием увеличения несущей способности тонких арок не имеет аналогов в зарубежных мостах конца XVIII — начала XIX в.»[17] (илл. 20).

Техническое совершенство этих объектов, как и опередившее свое время применение вантового потолка при строительстве Морского кадетского корпуса, позволяли официально характеризовать Волкова как «искусного техника и талантливого художника».[18]

Так в конце XVIII в. трудами художников от архитектуры И.Е. Старова и Ф.И. Волкова и художника ландшафта В. Гульда

[15] Именные и объявленные Высочайшие указы за 1793, 1794, 1795 гг. // РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3909. Л. 253.

[16] Правительство Российской Федерации. Постановление от 10 июля 2001 г. № 527. «О перечне объектов исторического и культурного наследия Федерального (общероссийского) значения, находящихся в г. Санкт-Петербурге» (в ред. Распоряжений Правительства РФ от 02.06.2006 № 801-р, от 13.10.2008 № 1480-р).

[17] *Пунин А.Л.* Архитектура парковых мостов эпохи классицизма // Джакомо Кваренги и неоклассицизм XVIII века. К 250-летию со дня рождения архитектора. Тезисы докладов конференции. СПб., 1994. С. 29.

[18] Словарь. Брокгауз и Ефрон. СПб., 1892. Т. 7. С. 38.4

был создан ансамбль усадьбы Таврического дворца. Он стал не только образцом для подражания в российском усадебном строительстве, но велико его градообразующее значение в панораме Петербурга. Это убедительно представлено в чертах плана столицы, составленном топографами в первой четверти XIX в.[19] (илл. 21).

В формировании Таврической усадьбы архитектором Ф.И. Волковым впервые в пространстве города решалась задача гармоничного комплекса из разрозненных и разновременных зданий. Дальнейшее развитие творческой мысли подсказало зодчему через несколько лет сформировать группы построек по единому художественному замыслу при создании впервые в столице казарм для гвардейских полков.

Таким образом, в конце XVIII в. в городском строительстве была заложена программа архитектурного ансамбля, получившая дальнейшее развитие зодчими в начале XIX в. Точную научную оценку деятельности Волкова в целом дал исследователь А.Н. Петров, изучая весь пласт архитектуры XVIII и XIX вв. Он назвал творчество Ф.И. Волкова «недостающим звеном в общем развитии русского классицизма»[20] от обособленных построек XVIII в. к ансамблям начала XIX в.

В 1864 г. праздновалось столетие вновь учрежденной Академии художеств. По этому случаю на Монетном дворе по модели профессора Академии Реймерса была изготовлена медаль. Имена Ф.И. Волкова и И.Е. Старова в числе избранных, составивших славу Академии, были выгравированы на той юбилейной медали, изображение которой воспроизведено в альбоме «Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц», составленном Ю.Б. Иверсеном (илл. 22).

Список иллюстраций к статье «Роль архитектора Ф.И. Волкова в истории создания ансамбля Таврического дворца»

1) Илл. 1. Старов И.Е. Проекты фасада, разрезов, плана Таврического дворца. Копия Д. Кваренги с чертежей Старова, предположительно 1784—1785 гг. (Павелкина А.М. Джакомо Кваренги. Архитектурная графика. Коллекция Государственного музея истории С.-Петербурга. Научный каталог. СПб., 1998. С. 113).

2) Илл. 2. Неизвестный художник. Вид на Таврический дворец со стороны сада (Лихачев Д.С. «Поэзия садов». Альбом к книге. СПб., 2008. С. 66).

[19] РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 7.

[20] История русского искусства. М., 1961. Т. VI. С. 229.

3) Илл. 3. План Таврического дворца. Чертеж. Последняя четверть XVIII века. Россия. Бумага верже, тушь, акварель. 630×1048 // Государственный музей истории Санкт-Петербурга, инв. № I-А-727-и.

4) Илл. 4. Волков Ф.И. Проект Большой каменной оранжереи. 1791 г. Копия (Планы Большой каменной оранжереи // РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 830. Л. 4).

5) Илл. 5. Волков Ф.И. Запасной дворец при Таврическом дворце (ОР РНБ. Ф. 40. Ед. хр. 147).

6) Илл. 6. Волков Ф.И. Генеральный план корпусов по сторонам ковша (РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 857. Л. 1).

7) Илл. 7. Волков Ф.И. Ограда перед Таврическим дворцом. 1794 г. Фрагмент. Шпалерная ул., д. 47 (Фото автора. 2014).

8) Илл. 8. Патерсен В. Таврический дворец со стороны Невы. 1797 г. (Комелова Г.Н., Принцева Г.А., Котельникова И.Г. Петербург в произведениях Патерсена. М., 1978. Табл. 109).

9) Илл. 9. Неелов Ф.К. Вид Таврического дворца со стороны Невы. 1803 г. (Лурье Ф.М. Блистательный Петербург. СПб., 2002. С. 262).

10) Илл. 10. Патерсен В. Вид на Таврический дворец со стороны Охты. 1799 г. (Комелова Г.Н., Принцева Г.А., Котельникова И.Г. Петербург в произведениях Патерсена. М., 1978. Табл. 107).

11) Илл. 11. Волков Ф.И. Павильон «Адмиралтейство». 1794. Копия Висконти. Сер. XIX в. (Фасад беседки в Таврическом саду // РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 828. Л. 1); Копия Кузьмина. Сер. XIX в. (Поэтажные планы павильона // РГИА. Ф. 458. Оп. 2. Д. 827. Л. 1).

12) Илл. 12. Вайи Ш., де. Проект Павильона Наук и Искусств в Английском парке. До 1773 г. (Воронихина А. Каталог выставки «Проекты и рисунки французских архитекторов и орнаменталистов XVIII — начала XIX века». Л., 1971. Таб. 14).

13) Илл. 13. Волков Ф.И. Усадьба садового мастера В. Гульда. Восточный фасад главного дома. 1792—1794 гг. Потемкинская ул., д. 2 (Фото автора. 2014); Планы первого и второго этажей главного дома усадьбы садового мастера В. Гульда. Копия архитектора Кузьмина. Сер. XIX в. (РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 840. Л. 2).

14) Илл. 14. Алексеев Ф.Я. (?). Таврическая улица (ныне Потемкинская) (Васильева Г.Б., Житорчук К.В., Павелкина А.М. Старый Петербург. Столица и окрестности. СПб., 2011. С. 63).

15) Илл. 15. Волков Ф.И. Усадьба садового мастера В. Гульда. Юго-западный фасад флигеля. 1792—1794 гг. Потемкинская ул., д. 2 (Фото автора. 2014).

16) Илл. 16. Волков Ф.И. Усадьба садового мастера В. Гульда. Северный флигель. Потемкинская ул., д. 2 (Фото автора. 2014).

17) Илл. 17. Волков Ф.И. Усадьба садового мастера В. Гуль-

да. Западный фасад главного дома. 1792—1794 гг. Потемкинская ул., д. 2 (Фото автора. 2014).

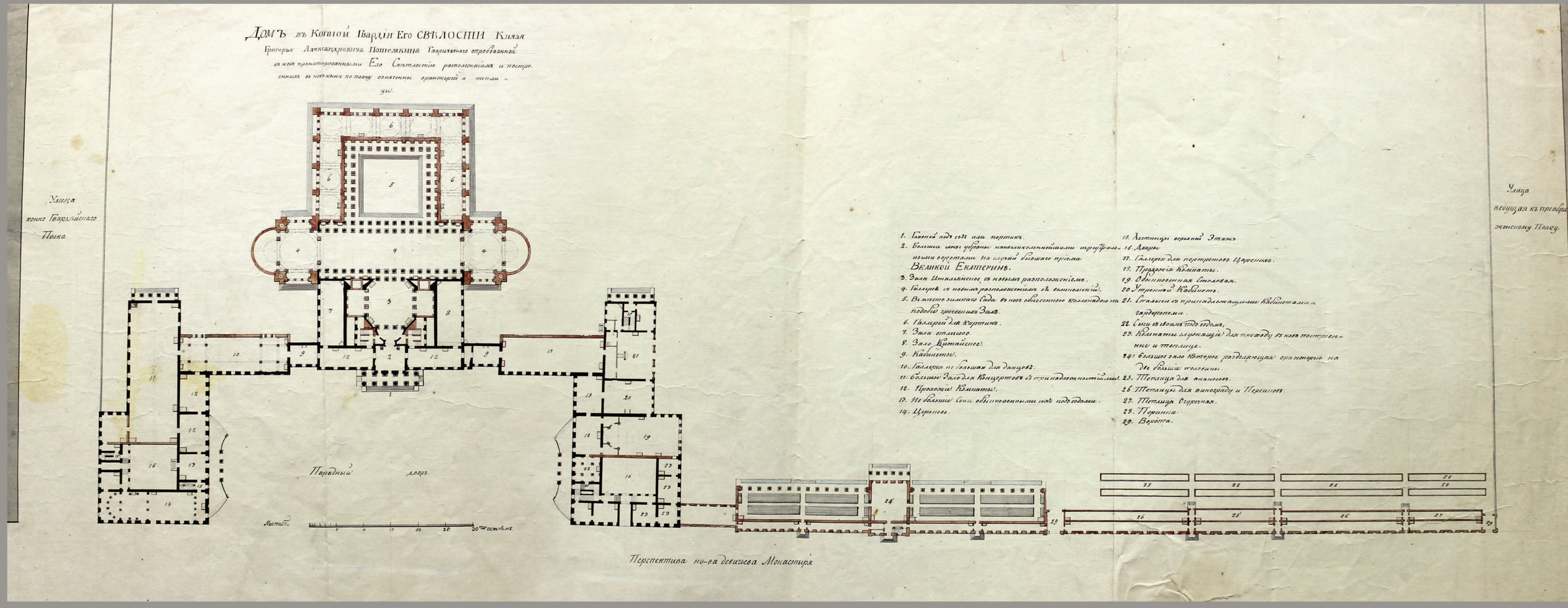
18) Илл. 18. Патерсен В. Таврический дворец со стороны сада. До 1797 г. (Комелова Г.Н., Принцева Г.А., Котельникова И.Г. Петербург в произведениях Патерсена. М., 1978. Табл. 111).

19) Илл. 19. Гульд В. Таврический сад. 1783—1796 гг. Кирочная ул., д. 50 (Фото автора. 2014).

20) Илл. 20. Волков Ф.И. Мост в Таврическом саду (Фото автора. 2014).

21) Илл. 21. План Таврического дворца, сада и прилежащей территории (Подробный план столичного города Санкт-Петербурга снятый по масштабу 1/4200 под начальством генерал-майора Шуберта. 1828 г. // РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 7).

22) Илл. 22. Реймерс. Юбилейная медаль к 100-летию Императорской Академии художеств. 1764 г. (Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1877. Вып. 1. Таб. III. № 3).



План Таврического дворца. *Чертеж. Последняя четверть XVIII века. Россия. Бумага верже, тушь, акварель. 630x1048*
(илл. 3 к докладу В.В. Малыгина «Роль архитектора Ф.И. Волкова в истории создания ансамбля Таврического дворца»)
Государственный музей истории Санкт-Петербурга, инв. № I-А-727-и

И.Г. ЛАНДЕР

Английские архитектурные книги из собрания Г.А. Потемкина (К истории формирования ансамбля Таврического дворца)

Григорий Александрович Потемкин слыл одним из самых прославленных англоманов екатерининской поры. В 1792 г. по указу Екатерины II у наследников князя было приобретено его художественное собрание, в которое входили две картины Рейнолдса, знаменитые часы «Павлин», изделия из серебра и библиотека.[1] Тогда же была сделана «Опись домов и движимого имущества князя Потемкина-Таврического», опубликованная через столетие в Общем архиве Министерства императорского двора. Английские предметы занимают в этой описи почетное место.

История книжных собраний Потемкина становилась предметом исследования Н.Ю. Болотиной,[2] коллег из Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета,[3] но, к сожалению, вопросы бытования архитектурных изданий они не затрагивали. Сложность исторической реконструкции иностранной части библиотеки Потемкина заключается в отсутствии владельческих знаков (экслибрисов) на книгах, несовершенстве Посмертной описи, в которой английские книги названы по-французски, в названиях и фамилиях авторов допущены ошибки, а о гравюрах приводятся самые общие сведения, например, 74 листа «Grands Estampes Angloises».[4] Кроме того, судьба иностранной части архитектурных книг из библиотеки Потемкина достаточно сложна. Книги хранились в нескольких местах — в личных комнатах князя в Зимнем дворце, Конногвардейском доме (Таврическом дворце), предположительно в других

[1] Catalogue des tableaux de feu Monseigneur le Prince Potemkin-Taurida, qui se trouvent au Palais d'hiver de Sa Majeste l'Imperatrice ded toutes les Russies // Описи домов и движимого имущества князя Потемкина-Таврического, купленные у наследников его Императрицею Екатериною II. М., 1892. С. 39.

[2] *Болотина Н.Ю.* Библиотека светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического // Книга. Исследования и материалы. М., 1995. Вып. 71. С. 253—265.

[3] Библиотека светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического / Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского. Коллекции ОРРК [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://lslold.ksu.ru/i8361.htm.

[4] Catalogue des tableaux de feu Monseigneur le Prince Potemkin-Taurida. С. 62.

имениях князя. В настоящее время несколько книг находятся в Научной библиотеке Казанского университета («Коллекция этрусских древностей» У. Гамильтона, 11 томов гравюр Пиранези), куда они попали по указу Павла I.[5] По нашему мнению, экземпляры книг, о которых пойдет речь в сообщении, могут быть атрибутированы как книги Научной библиотеки Эрмитажа, отделения гравюр Отдела западноевропейского изобразительного искусства Эрмитажа, Научной библиотеки Института путей сообщения, библиотеки Хельсинского университета, Российской национальной библиотеки. Перечисленные библиотеки являются местами распределения архитектурных книг Иностранной библиотеки Эрмитажа в XIX—XX вв.

Можно предположить, что перечисленные в описи 1792 г. иностранные архитектурные книги в свое время служили И.Е. Старову при проектировании Таврического дворца.

Если обратиться к ранним проектам И. Старова, то можно увидеть, что он во многом повторяет находки английских архитекторов братьев Адамов, нашедших удивительное, зачастую парадоксальное сочетание классицизма, китайщины и неоготики. Классицистическое направление в творчестве архитекторов братьев Роберта и Джеймса Адамов сформировали годы учебы в Италии, зарисовки и обмеры античных памятников. Братья создали огромное количество рисунков, которыми пользовались проектировщики мебели и декораторы интерьеров, художники по металлу, тканям, фарфору и керамике. Созданный ими художественный язык получил название «стиля Адамов». Итогом их общего творчества стало издание двухтомного увража «Труды по архитектуре» (1775—1779).[6] В своем творчестве Адамы отдавали должное, казалось бы, чуждым для них рококо, «китайщине», «японщине». Адамы придавали большое значение окружавшему ландшафту: «Для того, чтобы вписать строение в пейзаж, необходим не только вкус, но и личное мнение художника».[7] В России стиль Адамов во многом повлиял на архитектурный классицизм, а их «Труды» хранились во многих российских книжных собраниях.

[5] Каталог Главной библиотеки Императорского Казанского университета: A—Z. Иностранные книги. В 7 т. Казань, 1893—1900. Иностранные книги A—B. С. 168: Antiquites etrusques, grecques et romains. Collection of Etruscan, Greek and Romain antiquites from the Cabinet of the Honorable W, Hamilton. Naples. Т. 1—4. Иностранные книги A—B. С. 623: Bruce J. Voyage et en Abysinie. 1768—1773. Иностранные книги M—Q. С. 634—635: Piranesi [11 томов].

[6] The works in architecture of Robert and James Adam, esquires: Vol. 1—2. London, 1778.

[7] Ibid. N. 3. Ill. 3.

В одном из ранних проектов И. Старова «Усадьбы Тайцы» (1770-е) можно проследить приемы Адамов. Усадебный дом Александра Григорьевича Демидова решен в палладианском духе, а парковые павильоны иллюстрируют «просвещенческое путешествие» по разным странам и эпохам. В Таицком парке были антикизированные постройки (ротонда Белого павильона), китайская и готическая беседки, готические ворота. Подобные затеи были и в увеселительном парке Павла Григорьевича Демидова «Сиворицы» — павильоны, беседки-ротонды, палладианские мосты.

Иван Егорович Старов (1744—1808) — соученик Потемкина по гимназии при Московском университете, продолжил образование в Петербурге, в архитектурном классе Академии художеств. В 1762 г. он заслуживает пенсионерскую поездку в Париж, где учится у архитекторов Шарля де Вайи и Жана Франсуа Блонделя, принимает участие в конкурсах, посылает рисунки в Петербург. В 1767—1768 гг. путешествует по Италии.

С середины 1770-х гг. Старов много проектирует для Потемкина: увеселительный загородный дом в Островках в виде англизированного готического замка с руинированными павильонами в парке (1784—1786), дом в Озерках и дворец в Осиновой роще (1777—1778), «итальянский павильон» в саду Аничкова дворца. В 1782 г. он приступает к проекту «Конной гвардии дворца и сада».

Казалось бы, что «китайщина» и готика не соответствует строгому классицистическому замыслу будущего Таврического дворца. Но ведь перед архитектором стояла задача постройки загородного усадебного дома, одной из функций которого было развлечение, увеселение хозяина и гостей. Еще в Тайцах он создает китайскую беседку над каскадом и турецкий павильон. Он создает подобную беседку и в парке Таврического дворца. В самом Конногвардейском доме Старов спроектировал китайскую гостиную (позже — Кавалерская) с лаковыми китайскими комодами, шкафами и столиком, золоченым канапе, креслами и стульями «шинуазри». На пруду парка Таврического дворца гости могли кататься в китайской джонке. У Потемкина была коллекция китайского фарфора, а также книги на русском языке об экзотической стране.[8]

В личном собрании Потемкина значатся несколько английских книг и альбомов гравюр, в которые включены виды и архитектурные проекты в готическом и китайском стилях.

[8] Среди книг Потемкина — рукопись «Известие о Китае» — автограф переводчика Л. Разсохина, посланного в Пекин в 1729 г.; «Джун Юн, т.е. закон непреложный» (перевод китайского философа Кун Дзы), книга «Сы шу геи» и др.

В середине XVIII в. в Великобритании нарастает интерес к искусству Средневековья. Появляются коллекционеры предметов декоративно-прикладного искусства (витражей, иллюминованных рукописей), начинается изучение отечественной церковной архитектуры, памятники которой были разрушены в XVI в. В последней четверти XVIII в. художники совершают пешие путешествия, зарисовывая руины аббатств Англии, Шотландии, Уэллса. Они тиражируют свои рисунки в виде гравированных тетрадей. Тогда же готические мотивы проникают и в современную архитектуру. Хрестоматийный пример — поместье «Строберри Хилл» писателя и политического деятеля, знатока искусства и коллекционера Хорэса Уолпола, запечатленное на многих гравюрах и в книге владельца «Описание поместья Строберри Хилл».[9] Заказчики, согласно новой моде, вкрапляют готические элементы в палладианские постройки и садовые украшения.

Самые первые систематические зарисовки руин средневековых замков и аббатств Англии и Уэллса начали создавать в 1724 г. братья Самюэль (1696—1779) и Натаниэль (?—1759/1774) Бак. За тридцать лет они зарисовали более 500 древних памятников. В 1726 г. они приступили к выпуску гравюр «Виды руин замков и аббатств Англии»,[10] которые выходили до 1742 г. Братья обошли пешком множество графств, зарисовывая здания, разрушенные во времена религиозных гонений Кромвеля. Гравюры стали очень популярными и их стали просто называть «Пейзажи братьев Бак». Ценность начинания этих энтузиастов заключена не в художественных достоинствах гравюр, а в их историческом значении. С годами братья начали включать стаффаж, или жанровые сценки, который разнообразили видовые листы. «Почтенные» руины более, чем 400 замков, монастырей, дворцов Англии и Уэллса вдохновляли архитекторов следующих поколений на создание парковых построек.

Шинуазри — одно из направлений английского рококо XVIII в.[11] Вначале англичане знакомились с европейской китайщиной по гравюрам голландских путешественников и художников XVII в. и французским графическим фантазиям XVIII в. А уже в середине XVIII в.

[9] *Walpole H.* A Description of the Villa of Mr. Horace WalPole, youngest Son of Sir Robert Walpole, Earl of Orford, at Strawberry Hill, near Twickenham, Middlesex; with an Inventory of the Furniture, Pictures, Curiosities, &c.' Printed by Thomas Kirgate. 1784.

[10] *Samuel* and *Nathaniel Buck*. Views of Ruins of Castles & Abbeys in England, 1726—1742.

[11] *Максимова М.С.* Искусство шинуазри в контексте европейской художественной практики XVIII столетия: Дисс. ... к. иск. СПб., 2009.

британцы сами становятся законодателями этой архитектурной моды,[12] благодаря в первую очередь, деятельности Уильяма Чеймберса. В 1757 г. в Англии был издан альбом «Рисунки китайских построек, мебели, костюмов, механизмов и утвари. Награвировано с оригинальных рисунков, сделанных в Китае господином Чеймберсом, архитектором... К коим прибавлено описание их храмов, особняков и садов»,[13] оказавший влияние на европейское искусство шинуазри. Автор альбома У. Чеймберс (1723—1796), сын шотландского купца, жившего в Швеции, в 1740-х гг. служил в шведском отделении Ист-Индской кампании, совершил три плавания в Индию и Китай, практически закрытый для европейцев. В 1749 г. У. Чеймберс оставил морскую службу и уехал учиться в Парижскую школу искусств (Academie d'architectes) к Жаку Франсуа Блонделю, придворному архитектору Людовика XV. В 1750-х гг. провел пять лет в Италии, где общался с французскими архитекторами, знакомился с архитектурой Рима, Неаполя, Венеции, Виченцы.

Альбом «Рисунки китайских построек, мебели, костюмов» — уникальное собрание подлинных зарисовок Чеймберса, сопровождавшихся его комментариями. Альбом вышел в Лондоне двумя тиражами, по-английски и по-французски, что послужило его популярности в Европе. Чеймберс предстает талантливым и наблюдательным художником, замечательным писателем, архитектурным теоретиком. О популярности в Европе «Рисунков китайских построек...» свидетельствует их переиздания и переводы, в том числе и на русский язык.[14]

Чеймберс привнес в Европу китайскую идею о том, что сад должен быть спланирован как ряд меняющихся сцен, вызывающих у зрителя разнообразные эмоции — от ужаса до смеха. Одна картина сменялась другою, разнообразие их должно было вызывать смену настроений у путника, смена настроений — смену размышлений.

[12] *Соколов Б.* Английская теория пейзажного парка в XVIII столетии и ее русская интерпретация [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: www.gardenhistory.ru

[13] *Chambers W.* Desseins des edifices, meubles, habits, machines, et ustenciles des Chinois. Graves sur les originaux dessines a la Chine par Mr Chambers, architecte... Auxquels est ajoutee une descri ption de leurs temples, de leurs maisons, de leurs jardins & c. Londres, 1757.

[14] О китайских садах. Перевод из книги, сочиненной г. Чамберсом, содержащей в себе описание китайских строений, домашних их уборов, махин и инструментов. СПб., 1771. Возможно, что этот перевод использовался при проектировании Китайской деревни в Царском Селе (*Ландер И.Г.* Переводы на русский язык английских архитектурных книг XVIII века // Россия-Англия: Страницы диалога: Крат. содерж. V Царскосельской науч. конф. СПб., 1999. С. 159—161).

В Лондоне Чеймберс был представлен ко Двору, а в 1755 г. получил королевский заказ на проектирование павильонов в саду Кью в «восточном и классическом стилях». Увлечение шинаузри захватило все общество, августейше же оно было поддержано строительством в парке Кью пагоды и «дома Конфуция» для принца Уэльского Фредерика. Свои документальные зарисовки Чеймберс использовал при работе над альбомом «Планы и фасады, детали и перспективные виды садов и строений в Кью в графстве Серрей» (1763).[15] На листах альбома запечатлены уголки королевского парка с экзотическими растениями, и разнообразными павильонами — мечетью, храмом Беллоны, альгамброй. Сценки из альбома Чеймберса тиражировались на обоях и декоративных тканях, веерах и фарфоровой посуде; их использовали при проектировании садовых павильонов и домашних интерьеров с «китайскими» гостиными и уголками.

Признание книг Чеймберса нашло продолжение в репрезентативном французском альбоме Ж.-Л. Леружа «Модные английские сады в китайском стиле».[16] Архитектор, картограф и гравер Жорж Луи Леруж (ок. 1712—1780) родился в Ганновере, обучался военно-инженерному делу, служил топографом. Около 1740 г. Леруж перебирается в Париж, работает гравером, открывает собственное издательство и лавку по продаже книг и географических карт. Уроженец Германии, живший во Франции, Леруж тем не менее был завзятым англофилом, переводил английские книги на французский. За свою сорокалетнюю издательскую деятельность он издал тысячи карт городов, стран, планы военных сражений, морские атласы, многие из которых были основаны на британских источниках. В 1776 г. он переиздает альбом У. Чеймберса «Рисунки китайских построек, мебели, костюмов».[17] Леруж задолго до Хорэса Уолпола ввел термин «англо-китайские сады»,[18] назвав так 21 тетрадь, в

[15] *Chambers W.* Plans, Elevations, Sections and Perspective Views of the Gardens and Buildings at Kew in Surrey. London, 1763.

[16] Le Rouge, Georges Louis. Jardins anglo-chinois a la mode. 1775—1778.

[17] *Chambers W.* Traitй des йdifices, meubles, habits, machines et ustensiles des Chinois gravйs sur les originaux dessinйs a la Chine par M. Chambers, architecte anglois; compris une descri ption de leurs temples, maisons, jardins, &c. Paris, 1776.

[18] Термин «Англо-китайские сады» возвращен в отечественный научный оборот по отношению к части европейских садов пейзажного стиля в диссертации: *Голосова Е.В.* Проблемы формирования и становлении восточноазиатских и западноевропейских садов и парков под влиянием садоводческих традиций Китая (на примере Китая, Японии и Великобритании): Автореф. дисс. ... д. сельхознаук. М., 2011.

которые включены 492 большеформатные гравюры с изображениями европейских садов и парков в этом стиле (1775—1778). Издатель представляет нам пейзажные сады Англии, Франции, Германии, Австрии, в которые включены искусственно созданные «естественные» ландшафты с рукотворными ручьями, озерами, горами и «китайскими» павильонами. Кроме общепризнанного Лондонского Кью Леруж публикует планы и изображения французских пейзажных парков — «Уединение в Реце» Франсуа Расина де Монвилля (Désert de Retz), Эрменонвиля (Ermenonville), спроектированного маркизом Рене Луи де Жирарденом при участи художника Юбера Робера.

Десятая тетрадь альбома Леружа посвящена нынешнему парижскому парку Монсо, созданному на землях Луи Филиппа Жозефа Орлеанского, герцога Шартрского. В 1773—1778 гг. архитектор и театральный художник Луи Кармонтель (1717—1806) для этого заказчика создает пейзажный парк с китайским павильоном и мостиком, искусственным прудом и речкой. Кармонтель поместил в парк турецкий павильон и египетскую пирамиду, голландскую мельницу и средневековые руины, античные статуи и итальянский виноградник, храм Марса и прелестный грот. Дополнительной затеей стали слуги в ориентальных костюмах, экзотические животные. Кармонтель хотел в игровой, театрализованной форме представить все времена и все страны.

Шестая и седьмая тетрадь издания Леружа описывает работы, которые проходили в 1770—1780-х гг. в Версале близ Малого Трианона. По желанию Марии-Антуанетты архитектор Ришар Мик с помощью художника Юбера Робера и ботаника Клода Ришара разбивают пейзажный парк с искусственным озером и речкой, пещерой, храмом любви, бельведером. Руссоистская идея близости к природе поддержана затеей с фермой. Коттедж, молочня, мельница, голубятня были спроектированы на основе английских пейзажных гравюр.

Леруж убедительно показывает как, следуя новейшим английским веяниям, европейские мастера переделывали регулярные парки. В 18 и 19-й тетрадях Леружа говорится о парке «Штайнфуртер Багно»[19] близ городка Бургенштейфурт (земля Северный Рейн-Вестфалия). Парк был основан в 1765 г. как летняя резиденция Карла Пауля Эрнеста графа Бентем-Штейнфурта во французском стиле. Однако в 1780-х гг. прямые аллеи парка заменяют на извилистые тропинки, создают искусственные каскады, высаживают экзотические деревья. Парк открывают для посещений, и перед зрителями со

[19] Парк получил свое название от одноэтажного банного домика (ital. «il bagno»), сооруженного в середине XVIII в.

всей Европы предстают различные павильоны, имитирующие греческие и римские храмы, турецкую мечеть, китайские постройки и мостики. В этих зданиях проводили театрализованные представления, давали концерты, по искусственному озеру плавали лодки, гости могли полюбоваться иллюминацией и фейерверками.

Собственно китайские сады и загородные резиденции императора Поднебесной представлены в четырех тетрадях (с 14 по 17-ю) Ж.-Л. Леружа «Модные английские сады в китайском стиле».

В собрании Потемкина хранилась «Новая книга китайских рисунков, собранных для улучшения вкуса»[20] М. Дарли и Дж. Эдвардса. Мэттью Дарли (ок.1720—1781?) начинал свою карьеру как архитектор, профессионально занимался гравированием — выпускал обои в китайском стиле, орнаментальные паспарту для коллекций эстампов. Кроме того, он проектировал мебель и выпускал гравюры. Как гравер он иллюстрировал пособие мебельного мастера Томаса Чиппендейла «Руководство джентльмену и краснодеревщику» (1754). Тогда же вместе с орнитологом Джорджем Эдвардсом (1694—1773) Дарли гравирует по собственным рисункам иллюстрации для «Новой книги китайских рисунков». Английские садовые мастера, архитекторы, художники-декораторы заботились и о создании садовой мебели в новом стиле. Так, М. Дарли проектирует «стулья и столы из корней» — причудливую садовую мебель, созданную из сучковатых ветвей. Книгу украшают офорты с изображениями уголков китайского сада — ограды с характерным геометрическим орнаментом и деревом с кроной, формованной в «природном стиле», пруда с рыболовом, китайскими джонками и островом с пагодой, мостиками и беседками. Один лист изображает птиц «в китайском стиле». Альбом Дарли наряду с увражем У. Чеймберса и сюитой гравюр Поля Деккера «Гражданская и декоративная китайская архитектура»[21] стали источниками для создания орнаментальных работ в китайском стиле и использовались в проектировании зданий, интерьеров, мебели, декоративных тканей и обоев.

[20] Darly, Matthew. A New Book of Chinese Designs Calculated to Improve the present Taste, consisting of Figures, Buildings, & Furniture, Landskips, Birds, Beasts, Flow [sic]rs and Ornaments, &c. By Messrs Edwards And Darly. Published according to Act of Parliament, & Sold by the Authors, the first House on the right hand in Northumberland Court, in the Strand, & by the Print & Booksellers in Town & Country. London, 1754.

[21] *Decker Paul.* Chinese architecture civil and ornamental. London, 1759. В России в XIX в. на основе альбома Деккера издавались литографированные альбомы К. Шрейдера «Собрание полезных рисунков для внешнего и внутреннего украшения жилищ» (1847) и «Архитектурные фантазии» (1846).

В библиотеке Потемкина значатся и знаменитые английские архитектурно-археологические увражи и среди них — «Афинские древности, обмеренные и зарисованные Джеймсом Стюартом и Николасом Реветтом, живописцами и архитекторами» (Лондон, 1762).[22]

Шотландский архитектор, археолог, знаток древних языков Джеймс Стюарт и английский археолог, живописец и график Николас Реветт заканчивали свое образование в Риме. По заданию и на деньги английских любителей античного искусства из Общества дилетанти (любителей искусства) они отправились обмерять и зарисовывать Афинские древности. Исследователи пришли к сенсационному для своего времени выводу о том, что «именно Греция была колыбелью искусства, а что касается Рима, то он был не более чем ее последователем. ... Наиболее прекрасные здания, которые украшают Вечный город, являются повторением греческих оригиналов».[23] С 1762 г. Стюарт и Реветт начали публикацию серии альбомов «Афинские древности», которая завершилась лишь в первой трети XIX в., после смерти авторов.[24] Уже в первом томе был выработан тот ритм иллюстраций, который сохранился и в последующих выпусках: сначала приводится общий вид сооружения, затем — его план и детали. Стюарт и Реветт — замечательные пейзажисты-ведутисты и создатели жанровых зарисовок. Реветт и Стюарт фиксировали древнегреческие портики, которые облепили мусульманские дома, лавки, кофейни. Издание было дорогостоящим, на него объявили предварительную подписку. Среди подписчиков были Дж. Рейнолдс, Д. Гаррик, Х. Уолпол, братья Адамы, а также многие британские университеты и колледжи. Во вступлении к изданию говорится: «В то время как мир уже пресыщен публикациями римских древностей, мы подумали, что эта работа станет полезной любителям архитектуры и пополнит их коллекции примерами древностей Греции; и мы утвердились в нашем мнении о том, что именно Греция была колыбелью искусств, а что касается Рима, то он был не более чем ее последователем... Наиболее прекрасные здания, которые украшают Вечный город, являются повторением греческих оригиналов».

«Вид Башни ветров, сделанный из окна медресе Эффенди», представляет восьмиугольную метеорологическую постройку астронома Андроника Кирретского, украшенную мраморными рельефами с

[22] The Antiquities of Athens measured and delineated by James Stuart ... and Nicolas Revett. Painters and Architects. The First volume. London, 1762.

[23] *Stuart J., Revett N.* The Antiquities of Athens. London, 1762. Vol. 1. Preface.

[24] Второй том, посвященный Акрополю, вышел в 1787 г., третий — в 1795 г., четвертый — в 1816 г., пятый, справочный том, — в 1830 г.

изображением основных ветров: Северного Борея, северо-восточного Кайкиаса, восточного Апелиотеса, юго-восточного Эвруса, южного Эвруса, юго-западного Либса, западного Зефира, северо-западного Скирона. Купольный зал Таврического дворца освещался так же как и Башня ветров, светом из окон барабана. Одна из глав Афинских древностей посвящена «Руинам храма Юпитера Олимпийского», колоннами которого Екатерина II хотела украсить парк в Пелле.

В описи имущества Потемкина 1792 г. значатся издания Бойделлей. Искусный гравер и рисовальщик, государственный деятель и популяризатор британского искусства Джон Бойделл (1718—1804) и его племянник, совладелец издательства и гравер меццотинто Джозайа Бойделл (1752—1817), организовали в Лондоне невиданные по размаху издательство и торговлю гравюрами. Одним из направлений просветительской деятельности издателей была публикация пейзажных гравюр. Так, в собрании Потемкина хранились Бойделевские альбомы с видами Англии и Уэллса, пейзажами Рейна, гравюрами С. Миддимена. Кроме того, в описи 1792 г. упомянуты четыре фолианта «Collection complete de Boydellee» и пять томов собрания сочинений Шекспира.

Даже краткий обзор английских архитектурных изданий, принадлежавших Потемкину, дает возможность по-новому взглянуть на источники проектирования ансамбля Таврического дворца и парка.

Т.Д. ИСМАГУЛОВА

Таврический дворец после Потемкина: приют великой императрицы и ее «последнего фаворита»

С Потемкиным связана парадная сторона Таврического дворца, его роскошные залы. Сады завершали уже после смерти «светлейшего», в 1790-е гг., когда дворец перешел в казну, и, по словам В. Богдан, сюда, в свою любимую резиденцию «уже в сентябре 1792»[1] переехала императрица Екатерина. Сопровождал ее так называемый «последний» фаворит, Платон Александрович Зубов. Эта «садовая» панорама Таврического запечатлена на двух известных акварелях Бенджамина Патерсена, символично, что он же показал на другой акварели первоначальный вид «Зубовского особняка» на Исаакиевской площади (дом 5), хозяином которого был А.П. Нащокин, а снимала его любимая фрейлина Екатерины, Анна Никитична Нарышкина, благодаря протекции которой в покоях Екатерины появился ее самый молодой любимец. Сюда, в этот дом, владельцами которого впоследствии станут его потомки, по некоторым свидетельствам, приезжал с «благодарственным» визитом Платон Зубов: привозил своей «благодетельнице» золотые часы.

Первый вопрос — почему «последний фаворит» оказался действительно «последним», несмотря на попытки самых могущественных людей, в том числе Потемкина, по слухам ее тайного мужа, удалить Платона Зубова, «вырвать» этот мешающий многим «зуб»? Почему их связь длилась почти восемь лет (дольше было только «супружество» с Орловым) и, возможно, продолжалась бы далее, если бы не внезапная кончина «великой» Екатерины? А также почему сама Екатерина, старательно достраивая и «обживая» Таврический дворец, во что бы то ни стало желала, чтобы здесь находился именно Платон Зубов: даже когда она только навещала его неотделанные залы, в ее экипаже непременно находился молодой фаворит?

Вспомним начало истории — только что разыгрался последний акт спектакля с Дмитриевым-Мамоновым, в котором Екатерина повела себя так, как никогда не вели себя правители. Она позволила возлюбленному жениться на молоденькой девушке, фрейлине Щербатовой, которую он страстно полюбил. Но как должна была себя чувствовать Екатерина? Она казалась себе брошенной, старой,

[1] *Богдан В.* Из истории росписей Таврического дворца // Третьяковская галерея. 2014. № 4 (45) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www/tg-m.ru/articles/4-2014-45/iz-istorii-rospisei-tavricheskogo-dvortsa

думала, что она, вероятно, просто покупала привязанность молодых людей. Наступило отчаяние, и Храповицкий несколько раз отмечал в своем дневнике, что «плачет» по ночам. Ее подруга, фрейлина Анна Никитична Нарышкина (урожденная Румянцева, племянница полководца), о которой в «Записках» Екатерина писала, что «судьбы наши похожи», осуждала Мамонова, раз даже жестоко «разбранила» его, о чем Екатерина упоминала в письмах. И сейчас преданная фрейлина представила Екатерине юного офицера, Платона Зубова, который в нее «давно влюблен». Эта «любовь» вызывала у придворного окружения большие сомнения, начиная от Храповицкого и Гарновского, который в «Записках» отпустил ехидное замечание: «Анна Никитична... уверяет, что Зубов до смерти влюблен, и сие весьма много способствует его благополучию...».[2] Придворные трактовали ситуацию как коллизию Мольера. Но ведь одним из главных достоинств Екатерины было умение распознавать людей, недаром ее памятники создавались вместе с блистательным кругом талантливых деятелей, которым она позволила проявить себя. И сейчас уже достаточно опытная женщина и правительница дала обвести себя вокруг пальца юному конногвардейцу, который успешно продолжал это на протяжении восьми лет? Сейчас, когда мне неплохо известна вся биография Платона Александровича Зубова, графа, потом светлейшего князя, хочется поверить мудрой Анне Никитичне Нарышкиной. Похоже, что всю жизнь он любил только Екатерину, женился очень поздно, когда явно необходим был законный наследник, умер за месяц до рождения дочери, светлейшей княжны Александры. Жил уединенно, сохранились записи разговоров его со своим управляющим, напечатанные неточно и фрагментарно.[3] По ним он и незадолго до смерти говорил только о ней, своей императрице.

А что Екатерина? Что ее могло привлечь в этом молодом человеке? Невероятной красотой он не отличался, хотя был собой хорош, его многочисленные портреты кисти Лампи и других художников дают доказательства этому. Приметна его грустная, «вольтеровская» улыбка. Его младший брат, жизнерадостный Валериан, по общему признанию был красивей. Если поверить в «старческую развращенность» великой императрицы, что мешало ей после 22-летнего Платона найти 18-летнего и так далее? Допустим, все же, что Екатерина ценила искреннее чувство молодого человека, ей нравились не только его образованность (он в совершенстве знал французский и итальянский языки), но и готовность учиться дальше. Кроме того, у

[2] Записки Михаила Гарновского: императрица Екатерина II-я и ее двор в 1787—1790 гг. // Русская старина. 1876. Т. XVI—XVII. С. 410.
[3] РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 276.

него было то, что безумно раздражало придворных, но было необходимо императрице — большое и дружное семейство. Родственники любимого фаворита становились ее семьей, так было с Орловыми, так было и с Потемкиными. Так стало и с Зубовыми. По возрасту братья Зубовы органично вошли в состав «младшего двора», то есть великих князей Александра и Константина, с которыми Екатерина обожала проводить время.

Если рассматривать объективные источники (камер-фурьерские журналы, письма, факты, приведенные мемуаристами), картина отношений Екатерины с самым юным своим фаворитом будет очень далека от мифа. По сведениям камер-фурьеров он скромно нес службу, хотя его уже «приглашали» на обеды, и вдруг исчез из записей на месяц. Молодой офицер заболел. Гарновский записал: «Сегодня, так как вчерась и третьего дня, Зубов, по слабости в груди и по причине насморку, лежит в постели, и понеже сии болезненные припадки приписаны сырости нижнего этажа покоев, то для поправления здоровья перевели его в средний этаж, где жил граф Александр Матвеевич (Мамонов); но я сомневаюсь, чтоб новая квартира в состоянии была поправить здоровье человека, по примечанию докторскому, наклонности к чахотке имеющего».[4]

Но вот строки из письма Екатерины Потемкину от 10 января 1790 г.: «Твой кавалергардский корнет, о котором просишь прикрасу и которой оной, право, достоин, шестой день как лежит в постели. Думали — горячка. И теперь слаб и худ, таков, что на себя не похож: сущая простуда, и за ушами жилы опухли».[5] То, что императрица ухаживала[6] за «кавалергардским корнетом», сомнений нет, даже знала про опухшие лимфатические узлы, что бывает при сильном воспалительном процессе. И болезненный вид фаворита к удивлению окружающих не вызвал у нее ожидаемого охлаждения. Гарновский: «Между тем Зубов успевает. Привязанность к нему усиливается...».[7]

А вскоре серьезно заболела сама императрица. Вот что в последний день написала Екатерина Потемкину: «Извини, мой друг, что я дурно и коротко пишу: я не очень здорова, кашель у меня, и грудь, и спина очень болят. Я два дни лежала на постеле, думала перевести все сие, держась в испарине, а теперь слаба и неловко писать. Твой

[4] Записки Михаила Гарновского. С. 406.

[5] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791. М., 1997. С. 393.

[6] Это же подтвердил и Гарновский: «Государыня скучна; кроме дел финляндских, не по желанию идущих, слабое здоровье г-на Зубова должно быть не менее неприятно. Нередко и ночи препровождаются в бессоннице и в беспокойствиях...» (Записки Михаила Гарновского. С. 419).

[7] Записки Михаила Гарновского. С. 406.

корнет за мной ходит и такое попечение имеет, что довольно не могу ему спасиба сказать».[8]

Теперь роли поменялись: она больна, и он преданно ухаживал за ней. Вероятно, эти два трогательных эпизода и создали между ними такую связь и доверие, которые не смогли разрушить ни сам Потемкин, ни другие. Нужно иметь в виду, что мемуаристы этого времени, и Гарновский, и Храповицкий, люди Потемкина. Храповицкий очень долго на страницах своего «Дневника» Зубова просто не замечал, но иногда тщательно фиксировал слова Екатерины, смысл которых прочитывается. Например, 3 июня 1790 г. запись: «Ходя со мною в колоннаде, говорили, что ее любят».[9] Далее: Храповицкий подробно записывал о «занятиях» Екатерины Плутархом, но ведь из писем Гримму известно, что Плутарха она переводила вместе со своим юным фаворитом, который еще «читал Полибия».[10] Возможно он разделял увлечение императрицы грандиозным «греческим проектом», который реализовывался вначале в театрально-научных формах (пьеса-опера «Начальное управление Олега», к которой, вероятно, не случайно хоры Сарти Потемкин посылал через Платона Зубова, изучение антиков, а потом русской истории).

Кроме того, нигде в исследованиях не был обозначен тот факт, что с первых дней своего «случая» Платон активно занимался дипломатическими переговорами и театром. Впрочем, это иногда совпадало. «В сей же вечер в покоях Его Превосходительства Платона Александровича Зубова для некоторых знатных Российских обоего пола персон был вечерний стол, к которому приглашен был Римско-Императорский Посол граф Кобенцель, а до стола в сделанном в покоях Его Превосходительства небольшом театре представлена французская комедия придворными актерами».[11]

Но как развивались отношения молодого фаворита с «самим» Потемкиным, для которого он был нежелательным сюрпризом, поскольку все предыдущие приближенные были креатурой самого свет-

[8] Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 436.

[9] *Храповицкий А.В.* Дневник. М., 1901. С. 196.

[10] В письме, написанном в сентябре 1790 года, Екатерина писала: «Хотите знать, что г. Зубов и я делали это лето в Царском Селе в свободные часы при громе пушек? Ну, вот наш секрет: мы переводили том Плутарха на русский язык. Зато мы были спокойны и счастливы во время сумятицы. Кроме того, он читал Полибия» (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XXXIII. № 4. Екатерина II в переписке с Гриммом. Статья Третья академика Я.К. Грота. СПб., 1884. С. 185).

[11] Запись от 4 декабря // Камер-фурьерский журнал. 1789 г. СПб., 1888. С. 552. Привожу одну из многих подобных.

лейшего князя. К его несчастью обстоятельства разрыва императрицы с Дмитриевым-Мамоновым были таковы, что он не мог открыто возражать против Платона Зубова, о котором Екатерина упоминала в каждом письме к нему и в самом благожелательном тоне. Так что, несмотря на уверения, что «вырвать» мешающий светлейшему «зуб» будет нетрудно, он очевидно так и не решился высказать в лицо императрице требование удалить юного фаворита. Прав В. Лопатин, который посчитал запись об их разговоре в «Дневнике» Храповицкого не препирательством об удалении Зубова, как ранее считалось, а спором о письме королю Пруссии, которое Екатерина отказывалась написать, несмотря на требования и даже «ругань» Потемкина, хотя и со слезами.

Нам известно, что Потемкин и Зубов любезно переписывались (письма не сохранились), по просьбе императрицы Потемкин оказывал покровительство и братьям фаворита (старшему Николаю и младшему Валериану), посылая их «в дело» и отправляя курьерами в Санкт-Петербург. Но неудачи преследовали князя и тут: 19-летний Валериан принял участие в штурме Измаила, где ему удалось успешно отбить неприятельскую батарею (это при том, что при штурме погибло две трети офицерского состава русской армии). Юного, на редкость красивого героя восторженно принимали в дамских салонах, и здесь ему удалось добиться успеха там, где сам светлейший потерпел поражение. Валериана Зубова застали у княгини Екатерины Федоровны Долгоруковой (рожденной княжны Барятинской), для которой Потемкин заказал легендарный бриллиантовый цветок, а когда капризная красавица его отвергла, бросил его под копыта своего коня и растоптал. Валериан был спешно отправлен с донесением, но, очевидно, слухи все-таки дошли до императрицы. Когда светлейший весной 1791 г. прибыл в столицу и появился при дворе, Екатерина представила ему самого Платона Зубова и всю его семью, но тактично ни разу не позвала на прием в присутствии Потемкина младшего, Валериана. Неприятным сюрпризом было для Екатерины приглашение на праздник в Таврический дворец с условием, что там не должно быть никого из Зубовых. Раздосадованная Екатерина решительно дала понять хозяину Таврического дворца, что не намерена ему уступать, и когда он снова появился при дворе, то встретил уже всех представителей семейства Зубовых, включая Валериана.[12]

[12] Впервые при Григории Александровиче Потемкине Валериан Зубов появился 2 мая 1791 г. вместе с братом, камер-юнкером Дмитрием Зубовым. А уже 4 мая снова в присутствии светлейшего «Господа министры приглашены были в покои Его Превосходительства Платона Александровича Зубова, и тамо угощены ужином...», что также достаточно красноречиво (Записи от 2 и 4 мая // Камер-фурьерский журнал. 1791 г. СПб., 1890. С. 287, 296).

Следует отметить, что когда Екатерина потеряла своего, по слухам, тайного мужа, она думала о том, кто способен его заменить. Конечно, молодой Платон Зубов не мог реально выполнять то, что делал светлейший, тем более, что Екатерина почти не отпускала его от себя. Но у него были братья, старший Николай сражался в Северной войне со Швецией, участвовал в суворовском сражении на реке Рымник, чудом не погиб во время польских событий в Варшаве. Младший Валериан, герой Измаила, получил тяжелую рану во время польской кампании, но после отказа Суворова возглавил «Персидский поход», проведя самую успешную для России войну на Кавказе.[13] Тут интересно дарование всему семейству графов Зубовых «с нисходящим потомством» титула графов Священной Римской Империи в 1793 г. Этого Екатерина не сделала даже для Потемкина, его многочисленное семейство осталось без звания — единственный прецедент — графы Орловы.

Как известно, граф Платон Зубов посещал Таврический дворец вместе с императрицей и когда его только «отделывали» (возможно, он участвовал в создании «таврических садов», позже во дворце Рундале, архитектора Растрелли, он занимался посадкой садов и великолепным розарием), и когда двор переезжал сюда весной и осенью. Отсюда он ездил в карете Екатерины в Александро-Невскую лавру, где императрица хотела быть похороненной, «если умрет в Петербурге». Интересно, что в документе-завещании, обнаруженном Храповицким, два совпадения: «если умру в Петергофе» похоронить в Троице-Сергиевской пустыни (там Платоном и Николаем Зубовыми была создана семейная усыпальница в храме святого Валериана архитектора Луиджи Руска), а «если умру в Москве», то в Донском монастыре (там также есть церковь Святого Александра Свирского и семейная усыпальница графов Зубовых, созданная Николаем Зубовым над могилой отца).

В 1793 г., когда Российский двор получал сообщения из Франции о неудачном побеге, суде и казни короля, а потом и королевы, а после принимал в Петербурге графа д'Артуа, брата французского монарха, переезд в Таврический дворец был совершен в канун страстной недели. 17 апреля от Эрмитажа «четырехместная карета» увезла троих: императрицу, статс-даму, графиню Браницкую, племянницу Потемкина, присутствовавшую при его кончине, и графа Платона

[13] См. подробнее: *Исмагулова Т.Д.* «Персидский поход» графа В.А. Зубова как часть восточного проекта Екатерины Великой: победы, поражения, влияние // Россия — Восток. Контакт и конфликт мировоззрений. Мат-лы XV Царскосельск. научн конф. Сб. научн. ст.: в 2-х ч. СПб., 2009. Ч. 1. С. 174—193.

Александровича Зубова. Последний здесь, в Таврическом, «представлял» Екатерине двух посланцев от генерал-поручика Кречетникова, подполковника Дурасова, а затем своего старшего брата, полковника Николая Александровича Зубова, с известием «о сдаче польского города Каменец-Подольца под Российскую державу без всякого сопротивления», а также привез ключи от города и его план.

В эти же майские дни в стенах дворца торжественно праздновалось обручение великого князя Александра Павловича и его невесты принцессы Баденской, принявшей после крещения имя Елизаветы. На торжестве присутствовали все три брата Зубовы, старший Николай, который через два года будет сам венчаться здесь с дочерью Александра Суворова, и младший Валериан, которого императрица пригласит в том же году в Таврический дворец после его тяжелого ранения в Польше. «Я посоветовала графу Валериану Зубову поселиться, пока я здесь живу, в Таврическом дворце: он послушал меня, и это ему было в пользу: надеюсь, что он в течение лета поправится; он только все вздыхает о своей деревянной ноге, которую ему употреблять еще не позволяют»,[14] — писала Екатерина Гримму.

Связующим звеном между Потемкиным и Зубовым был, как ни странно, известный австрийский художник Иоганн-Баптист Лампи. Он работал в Польше, рисовал «светлейшего», понравился и был приглашен в столицу к императорскому двору. Там он несколько раз писал императрицу, в том числе создал эрмитажный шедевр, в котором передал, не скрывая истинных лет великой Екатерины, ее неистощимую «детскость». Здесь он также подружился с противником его прежнего покровителя Платоном Зубовым. Живописец любил «двойные» портреты молодых людей (например, известны его композиции цесаревичей, Александра и Константина, а также братьев Зубовых). Удивительно, что в художественном собрании графов Зубовых во дворце на Исаакиевской площади присутствовали не только разнообразные портреты молодого фаворита его кисти, в том числе довольно неожиданные, но и «семейный» портрет самого художника. Возможно, это свидетельство близких отношений художника и его «модели». Младших Зубовых Лампи рисовал много раз. Их портреты находятся в постоянных экспозициях Государственного Русского Музея, Третьяковской галереи, Эрмитажа. Но в семейной коллекции Зубовых есть малоизвестные, но не менее интересные работы художника. Например, на одной из них Платон Зубов выглядит меланхоличным и болезненным, что напоминает коллизию начала его отношений с Екатериной. Русский музей считает это полотно этюдом к известному портрету. Сам этот портрет

[14] Сборник отделения русского языка и словесности. С. 262.

сейчас известен в двух идентичных вариантах, находящихся в ГРМ и ГТГ. Очевидно, художнику сразу были заказаны две реплики: для императрицы (можно догадаться какой из них, по пышной богатой раме) и для самого Зубова. У каждого своя история.[15]

Но самая удивительная судьба у большого эрмитажного портрета Зубова. Начнем с того, что датирован он 1802 г., когда Лампи давно уже не было в России. Ему посвящена отдельная статья,[16] здесь коротко: у него два этюда (ранний сейчас в Саратове),[17] второй, более поздний, в Вене. В это же время, заказчики, «лифляндское дворянство», обратились в придворную контору с просьбой портрет не заканчивать, «почитая для лифляндского дворянства не пристойным, чтоб сей портрет был доделан»,[18] а отпустить его дешевле оговоренной суммы. К чести художника он не стал продавать свое произведение «по дешевке», а увез с собой в Вену, где завершил его по памяти, узнав о совершившемся в России перевороте, более того не захотел с ним расстаться позже, даже когда сам Платон Зубов[19] просил продать полотно (отсюда появление его копии, выполненной художником Червинским[20]). Только после смерти художника великому князю Николаю Михайловичу удалось купить у наследников этот портрет. Из его коллекции после революции он и попал в Эрмитаж. Но когда несколько лет назад я работала над статьей об этом портрете, я не задумалась ЗАЧЕМ «лифляндское дворянство» заказало огромный портрет (явно предназначенный для большого помещения вроде зала заседаний) модному и дорогому художнику? Ответ нашелся неожиданно, когда в Риге был найден

[15] См. подробнее: *Исмагулова Т.Д.* Император Николай I и «одиссея» портретов графов Зубовых // Новый Эрмитаж. 150 лет со дня создания. Мат-лы юбил. научн. конф. «Новый Эрмитаж», сост. 19—21 февраля 2002 г. СПб., 2003. С. 121—127.

[16] См.: *Исмагулова Т.Д.* Странствия и загадки портрета последнего фаворита Екатерины Великой, светлейшего князя Платона Александровича Зубова // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники. Мат-лы XIII Царскосельск. научн. конф. СПб., 2007. С. 195—207.

[17] Он попал в коллекцию князя С.Б. Мещерского. После революции был взят в Гос. музейный фонд, а оттуда в 1922 г. перешел в Саратовский музей

[18] РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1462. 2 лл. и обл.

[19] Существует письмо князя П.А. Зубова к братьям из Вены, датированное 12 июня 1803, с отдельной припиской Николаю (РО ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2123. Л. 32).

[20] Портрет светлейшего князя Платона Александровича Зубова (1767—1822). 1808. Копия портрета 1802 г. Работы И.Б. Лампи-старшего. Справа на камне: Червинской 1808.

дом, который Екатерина велела купить для Платона Зубова, рядом — стена к стене! — находится так называемый «дом Петра Великого», где тот останавливался, тогда вся мозаика сложилась: заказанный портрет, купленный для Платона дом, имение Рундале, пожалованное его брату Валериану, построенное для герцога Бирона, элементы герба Бирона в КНЯЖЕСКОМ гербе Зубовых. Императрица готовила для него роль правителя, по функциям близкую к власти Бирона в Прибалтике, должность, которую в свое время желал получить сам Потемкин.

К 1795 г. Платон Александрович Зубов уже был шефом Кавалергардского корпуса, как когда-то Потемкин, генерал-губернатором Екатеринославского наместничества, а также генерал-губернатором Таврической области,[21] что было адекватно титулу великого гетмана казацких и екатеринославских и черноморских войск, который получил Григорий Александрович в 1790 г. Кроме того, Зубов возглавил Артиллерийский корпус в звании генерала-фельдцехмейстера, а также Инженерный как генерал-директор. Это позволило ему позже великолепно наладить вооружение и снабжение «персидской» армии под командованием Валериана Зубова, предопределив ее успешные действия, о которых Екатерина восхищенно писала Гримму: «И надо знать, что граф Зубов сделал в два месяца то, для чего Петру I потребовалось два похода, и притом он встретил более сопротивления, чем император...».[22]

Невозможно не упомянуть поразительный факт. В ряду негативных сведений о «последнем фаворите» есть возмущенный рассказ, что Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов приходил рано утром в покои Зубова, чтобы варить ему особым образом кофе потурецки. Не понимаю, в чем вина фаворита, но сведения заставили предположить какие-то дружеские отношения между персонажами и заняться фондом Кутузова в Пушкинском Доме. Там находится альбом с надписью: письма великих людей. В него вклеены письма Григория Александровича Потемкина и Платона Александровича Зубова. Датировка 1810-е годы, Зубов уже не «при власти».

На восстановленном в 2007 г. в Одессе памятнике[23] Зубов и Потемкин так же мирно и достойно стоят рядом, как и в альбоме Куту-

[21] Платон Зубов писал «о растениях в Таврической области» (см.: Письмо графа П.А. Зубова к Габлицу о совещании с профессором Палласом о растениях в Таврической области от 16 июля 1795 г. / Приложения // Камер-фурьерский журнал. 1795 г. СПб., 1894. С. 191—192). Не собирался ли он использовать их для сада Таврического дворца?

[22] Сборник отделения русского языка и словесности. С. 294.

[23] Был воздвигнут в 1900 г. В 1920 г. демонтирован. Восстановлен в 2007 г.

зова. Знаменательно, что на памятнике «Основателям Одессы» не могли не поставить второго светлейшего князя (вспомним, что именно Зубов придумал название города, и до сих пор набережная там называется «Платоновской» в его честь).

И, наконец, еще раз вспомним, что в Таврическом дворце Зубов хранил свою известную коллекцию рисунков (за это, возможно, он был назначен почетным общником, по другим сведениям — почетным любителем Академии художеств). Какая-то часть его собрания находилась и в Царском Селе (Зубовском флигеле), а после опалы он перевез картины и библиотеку в имение Рундале, к югу от Риги. Дворец пострадал во время войны 1812 года. Карлик Якубовский вспоминал: «Теперь мы поехали в свой замок Ревенталь. Что мы там нашли! Ужасное разорение: библиотеку всю разграбили, бумаги на полу было надрано на аршин, и ходить едва можно. Вот тут князь был очень печален и сказал: «Я много потерял, но это ничего; но библиотеку не могу такую иметь». Это ему императрица Екатерина подарила, несколько тысяч было волюмов. Вот князь вышел из библиотеки и слезы были на глазах: «Жаль мне ее».[24] В архиве Эрмитажа находится «Опись Эрмитажным рисункам и тканым картинам, находящимся в Таврическом дворце» (Ф. 1. Оп. 7. Литера «Г». № 2). Интереса у исследователей она не вызвала и ни разу не была востребована, возможно потому, что неверно датирована (ее официальная дата — середина XIX в., 1850-е годы), хотя в самой описи назывались комнаты «императрицы Елизаветы Алексеевны», а следовательно, речь идет не о середине, а о начале века. Так вот, покои государыни декорированы необычно, и почти исключительно рисунками. (В «Диванной» комнате, например, перечислены 17 пастелей). Может быть, это также осколки коллекции рисунков «последнего фаворита», память о которой хотела сохранить принцесса Баденская, тепло относившаяся к светлейшему князю Зубову и называвшая его в письмах матери «Зодиак», желала сохранить тепло прежнего дворца, который был приютом не только великой императрицы, но и ее «последнего фаворита».

[24] Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего Князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим». Мюнхен, 1968. С. 119.

Т.И. НИКОЛАЕВА

Театр в Таврическом дворце — свидетель роскоши и величия

В развитии театральной архитектуры и искусства Петербурга определенную роль сыграли театры, устроенные в дворцовых зданиях. К ним относятся Зимний дворец, возведенный для Анны Иоанновны Ф.Б. Растрелли на набережной Невы в 30-е гг. XVIII в., большой Зимний каменный дворец (1754—1762), строительством которого зодчий завершил свою деятельность в столице. В нем играли придворные кавалеры, фрейлины, а в качестве драматурга выступала Екатерина II.

Театральный зал был устроен при Итальянском доме на берегу Фонтанки, а также в бывшем Меншиковском дворце, где располагался Сухопутный шляхетский корпус.

Во второй половине XVIII в. театры появляются еще в нескольких учебных заведениях: при Академии художеств, Институте благородных девиц в Смольном.

В Каменноостровском дворце, предназначенном для Павла I, также находился театр. В 1783 г. Екатерина II подписала указ о постройке при Эрмитаже каменного театра по проекту Д. Кваренги на месте старого здания «Зимнего дома». В основе построения зала лежал принцип античного театра. Зрительный зал образовал правильный полукруг диаметром 19 метров. Места для зрителей располагались амфитеатром в шесть рядов. Десять трехчетвертных колонн коринфского ордера выступали из плоскости стены, отделанной искусственным мрамором. Парные колонны оформляли портал. Архитектурное единство решения зала и портала сцены придало интерьеру цельность и гармоничность. Отметим черты новизны в виде большой перспективной сцены-коробки, равной по высоте залу. Такой театр, построенный за четыре года с частичным включением старых зданий, служил образцом для подражания.

Несомненно его влияние и на «театральные» преобразования в Таврическом дворце, первоначально называвшимся Конногвардейским домом. Ему отводилась роль образца усадебного строительства в стиле строгого классицизма, где по проекту архитектора И.Е. Старова существовал концертный зал в восточном крыле здания. Этот зал, прямоугольный в плане, мог служить также для балов и маскарадов, устраиваемых его владельцем князем Г.А. Потемкиным (илл. 1).

Почти одновременно с проведением во дворце 28 апреля 1791 г. знаменитого праздника по случаю взятия Измаила, Г.А. Потемкин отдал распоряжение о перестройке концертного зала под театр по-

мощнику Старова Федору Волкову. Еще в Академии художеств как ученик он прошел у Старова серьезную подготовку. Свое мастерство талантливый юноша совершенствовал в Италии, обмеряя памятники Возрождения и участвуя в конкурсах. В мастерскую Шарля де Вайи в Париже, у которого приобретали профессиональный опыт В.И. Баженов и И.Е. Старов, молодой архитектор поступил в 1776 г. Навыки театрального строительства Ф. Волков получил, работая помощником при возведении театра Французской комедии — Одеон, построенного Ш. де Вайи и М.Ж. Пейром. Через шесть лет, уезжая из Парижа, архитектор «строением одного тамошнего театра приобрел в молодых своих летах не только похвалу себе, но и честь Отечеству».[1]

Согласно описанию, составленному Г.Р. Державиным и описи 1792 года, которую приводят авторы исторической справки о дворце, театральный зал имел в длину 50 метров (26 саж), а ширину 20 метров (9 саж. 1. арш).[2] Вход был устроен в западной стене зала, а выход в сад — в южной. Остальная часть концертного зала отошла под жилые покои. В северной части зала по проекту Волкова располагалось амфитеатральное возвышение, к которому вели четыре ступени. В глубине возвышался портал в виде триумфальной арки. По ее сторонам находились по две симметричные колоннады из девяти дорических колонн, устроенные по полукругу. Причем две крайние колонны были сближены. «Перспективная живопись» стен придавала помещению черты парадности. Написание декорации в театр связано с именем художника Градици.[3] Хоры, предназначенные для музыкантов, располагались с южной стороны. Их украсили белыми миткалевыми фестонами со шнурами, бахромой и кистями. Здесь же установили светильники — урны из разноцветного стекла.

4 сентября 1792 г. Екатерина II осмотрела все комнаты дворца и распорядилась через три дня о переименовании Конногвардейского дома в Таврический дворец в честь полученного Г.А. Потемкиным титула после присоединения Крыма (Тавриды) к России. Тогда же, почти через год после кончины владельца, она избрала дворец своей осенней резиденцией. 15 сентября для императрицы успешно разыгрывали в театре французскую комедию, побеждая ее осеннюю хандру, навеянную потерей «роскошного князя Тавриды»[4;5].

[1] *Мурашева Н.В.* Федор Волков // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. Л., 1997. С. 903.

[2] *Петров А.Н., Васильева Н.И.* Таврический дворец // Архив КГИОП. Н-779. Л. 117.

[3] Там же. Л. 19.

[4] Там же. Л. 33.

[5] РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (500/2727). Д. 76. Л. 6.

3 июня 1796 г. Ф. Волков рапортовал о необходимости разборки всего театра из-за гнилости и отстройки его вновь. В нем предполагалось сохранить форму зала, разобрать хоры и сделать новые деревянные колонны. Смерть Екатерины II помешала осуществить этот замысел. По указу Павла I от 11 апреля 1799 г. залы дворца приспосабливают под казармы. Театр теряет свои отличительные признаки.

При Александре I началось возрождение дворца. С 1801 г. его перестройкой руководил архитектор Луиджи Руска. «Новый театр по характеру форм и типу декораций соответствует древним формам и современным вкусам», — писал Руска, ранее участвовавший в строительстве Эрмитажного театра[6] (илл. 2).

Перестройка Таврического дворца требовала поисков качественного материала. Для пола, колонн и балок использовались бревна длиной от 3 до 5 сажен, а шириной 7—8 вершков.[7] Для сцены на балки закупили бруски длиной 4 сажени, а толщиной 4,5 вершков.[8] Работы скромно оплачивались. На плотничье ремесло были следующие расценки: черный пол, 12 деревянных колонн, потолки, перегородки между колоннами — 800 рублей. За сложение двух изразцовых печей уплатили 200 рублей. За капители «карентические» — 360 руб. (по 30 руб. каждая), базы под колонны по 12 рублей — 120 руб., медальоны на карнизе — 175 руб.[9] Смета, составленная Л. Руска, включала живописные работы на 1500 руб., оплату сукна на амфитеатр — 1200 руб., 400 аршин холстины — 200 руб.,100 пудов волоса на подушки для сидений — 1100 руб., на покрытие скамеек — 600 руб., шторы на окна — 150 руб. Общая сметная стоимость составила 16 040 руб.[10]

По указу его императорского величества от 15 ноября 1802 г. деньги предполагалось использовать из сумм Государственного казначейства.[11] Лес продавали «тихфинский» купец Трифон Пешневский и крестьянин Иван Иванов. Из архивного документа, что работали 25 человек путиловских штукатуров во главе с Фадеем Григорьевичем Лисиным. К плотничьим работам был привлечен Феклист Пудик, получивший 200 руб. за постановку колонн, обшивку их досками, подложку балок под полог. Под балки и под колонны вновь установили 46 столбов и 2 больших столба. Архитектор отдавал пред-

[6] *Александрова Л.Б.* Луиджи Руска. Л., 1990. С. 69.
[7] РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (133/567). Д. 4. Л. 80 об.
[8] Там же.
[9] Там же. Л. 4.
[10] Там же. Л. 4 об.
[11] Там же. Л. 7.

почтение рижскому алебастру, белой боровицкой извести. Штукатурные работы велись с 16 декабря 1802 по 12 февраля 1803 гг. Заметим, что капители колонн и порезки делали лепного дела мастера Беро и Солдати, получившие 1000 руб. за исполнение.[12]

В замечательном исследовании М.З. Тарановской «Архитектура театров Ленинграда», изданной в 1988 г., роль Ф. Волкова в преобразованиях театрального помещения не нашла отражения, а первоначальная перестройка концертного зала приписывалась Л. Руска.

В период высокого классицизма как следующего этапа развития продолжается освоение наследия античности. Проектируя во дворце, Л. Руска также использовал форму античного театра, усиливая ордер. Полуциркульное в плане помещение окружала колоннада коринфского ордера, подчеркивающая особую значимость и представительность интерьера.[13] Если Кваренги в Эрмитажном театре использовал трехчетвертные колонны, то Руска, как и Ф. Волков сделал акцент на отдельно стоящие. Между колоннами были устроены ложи. Устраивая балкон с местами для зрителей, он выделил его балюстрадой, а фриз лепными розетками и кронштейнами. Узор растительного характера украсил плоскость стен. Веерообразная роспись плафона вносила элемент иллюзорной сводчатости, а ее яркие краски контрастировали с цветом стен и колонн. Гирлянды, женские фигуры с изысканными движениями, заполняющие воздушное пространство плафона, воплощали идеи внутренней гармонии (илл. 3, 4, 5).

Гений Славы над порталом, музы трагедии и комедии по сторонам составили усилиями художника Дж. Феррари вечный гимн происходящему на сцене. Значительная глубина сцены 18,5 метров и ширина 22 метра, равная залу, способствовали решению различных сценических задач. Сцена, квадратная в плане, была выделена двумя парами коринфских колонн, между которыми находились аллегорические женские статуи. Два входа со ступенями позволяли войти и выйти во двор, а один в сад.

Французские архитекторы Ш. Персье и Ф. Фонтен, представители стиля ампир, законодатели вкусов при Наполеоне I, выделили в своем уникальном издании Таврический дворец среди европейских резиденций.[14] Это единственное зарубежное издание, вышед-

[12] РГИА. Ф. 470. Оп. 2 (133/567). Д. 4. Л. 80 об.

[13] Там же. Ф. 485. Оп. 2. Д. 819.

[14] *Charles Percier.* Résidences de souverains: parallèle entre plusieurs résidences de souverains de France, d'Allemagne, de Suède, de Russie, etc...// Charles Percier — A Paris, 1833. P. 228.

шее в Париже в 1833 г., в котором достаточно подробно и с восхищением описывается театр (илл. 9). Они отметили его хорошие пропорции и декоративное убранство. По их мнению, театр мог бы быть образцом для дворца римского короля. Им понравился принцип распределения мест, когда партер предназначался для двора, балкон — для сановников, а ложи между колоннами — для приглашенных гостей. Такое разделение избавляло от решения различных проблем этикета. Свое отношение к театру выразил император Наполеон, назвав его прекрасным.

Работа Л. Руска в Таврическом дворце вдохновила его на создание неосуществленного проекта театра на участке между Аничковым дворцом и Публичной библиотекой на месте Александринского театра.

Театр использовался также для светских раутов и ужинов. Так, 17 января 1824 г. поступило распоряжение его императорского величества изучить журналы о бывших празднествах в Таврическом дворце во время пребывания здесь короля Прусского и торжествах 1816 г. и повторить их при подготовке очередного приема.[15]

31 августа 1826 г. в Таврическом дворце состоялся маскарад по случаю коронации Николая Павловича и Александры Федоровны. Присутствующие слушали роговую музыку, хор Конной гвардии и Лейб-гвардии Гренадерского полка. Их сменяли театральные исполнители, певчие и полковые музыканты.[16]

В найденном архивном деле за 1870 г. упоминаются публичные концерты, которые даются во дворце.[17] Об определенном упадке Таврического дворца в 1890-е гг. свидетельствует устройство Дирекцией императорских театров в Большой галерее мастерской для писания декораций, а в Зимнем саду их склада. Для этого еще в конце 1889 г. планировалось: «1) поставить две перегородки, для отделения зала от зимнего сада и ротонды 2) устроить площадку для осмотра декораций 3) отгородить кладовую для хранения декорационных материалов 4) сделать отдельный ход в стене здания, обращенной на Потемкинскую улицу и 5) устроить газовое освящение зала».[18]

В связи с передачей дворца под временное помещение Государственной думы, как свидетельствует документ, посланный П.А. Столыпину 11 сентября 1906 г.: «Государю императору благоугодно было выразить пожелание, чтобы в нем допускались приспособления, не нарушающие художественной целостности этого памятника

[15] РГИА. Ф. 519. Оп. 6. Д. 386. Л. 12.
[16] Там же. Оп. 9. Д. 357. ЛЛ. 11—11 об.
[17] Там же. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 829. Л. 1.
[18] Там же. Ф. 497. Оп. 10. Д. 263. Л. 3.

старины и легко впоследствии устранимые из него».[19] Столыпин предложил внести на обсуждение Совета министров проект переустройства дворца.[20]

В другом документе от 8 мая 1907 г. сообщается, что канцелярия Государственной думы «терпит крайние неудобства в виду недостаточности места как для самих чиновников, так и для размещения того огромного количества печатных материала, который поступает из Министерства и главных управлений, а также Государственной типографии. Канцелярия настолько загромождена столами и тюками разного рода печатных материалов, что в значительной степени затрудняет свободный проход по ней; недостаточность помещения в особенности ощущается, когда гг. члены Думы приходят в канцелярию для получения справок и печатных материалов... в первую очередь возможно было использовать помещение театра в здании Таврического дворца, открыв там несколько окон и разделив зал театра на две части и два яруса».[21]

24 мая 1907 г. министр императорского двора барон В.Б. Фредерикс свидетельствовал, что «государю императору благоугодно разрешить проектируемое переустройство лишь в том случае, если не представится никакой возможности обеспечить названную канцелярию достаточным помещением каким-либо иным путем. При этом его императорское величество изволил указать на желательность в виду исторического значения театрального зала в Таврическом дворце, производство работ по приспособлению его для надобностей Государственной думы вести с таким расчетом, чтобы означенный зал мог быть восстановлен в первоначальном его виде».[22]

«Новое время» остро отреагировало на происходящее: «Театр станет архивом, в архив сдадут его историческое прошлое, и старая живопись исчезнет под пылью деловых документов среди полок и нумерованных шкафов думского книгохранилища. По этому поводу мне (корреспондент «НВ» — Т.Н.) пришлось говорить с архитектором Таврического дворца А.А. Бруни. Живопись театра не представляет ничего особенного и замечательного, — сказал мне А.А. Бруни. Вряд ли стоит сохранять ее. Самый театр был сооружен не И.Е. Старовым, строителем Потемкинского дворца, а итальянцем Джиакомо Русска, который вряд ли был архитектором ... Г[осударственная] дума располагает множеством важных документов, ценных книг и изданий. Ей присылаются труды всех парламентов мира, —

[19] РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. 1906. Д. 13. Л. 8 об.
[20] Там же. Л. 7.
[21] Там же. Оп. 1. 1907. Д. 82. ЛЛ. 1—1 об.
[22] Там же. ЛЛ. 4—4 об.

чуть ли не до Новозеландского включительно. Необходимо устроить книгохранилище. Строительная комиссия нашла наиболее удобным приспособить для этой цели старый дворцовый театр, теперь совершенно заброшенный. Наверху будет библиотека, внизу — архив».[23]

Сохранились свидетельства озабоченности общественности вопросом сохранения исторического наследия. Председатель Общества архитекторов-художников П.Ю. Сюзор 27 июня 1908 г. обратился с просьбой к министру императорского двора, чтобы при перестройке зрительный зал, существующий в первоначальном виде и представляющий исторический и художественный интерес, был сохранен, а библиотека устроена на пространстве, занимаемом сценой и арьерсценой. «Такое ходатайство Общества архитекторов должно встретить особое внимание вашего высокопревосходительства, так как Дума считает необходимым возвести новое здание, вполне отвечающее требованиям подобного законодательного учреждения, и потому, несомненно, через некоторое время Таврическому дворцу будет возвращено его значение, ввиду сего не представляется никакого основания уничтожать или искажать такие части этого здания, которые, напротив, в виду их художественных достоинств, подлежат тщательной охране».[24]

Создается комиссия в составе архитекторов А.И. фон Гогена, Л.Н. Бенуа, А.А. Бруни, представителя контроля Министерства императорского двора Беляевского, депутатов III Государственной думы В.Н. Проценко, А.Н. Ткачева, Я.Г. Гололобова и графа А.А. Уварова, которая 25 июня 1908 г. осмотрела театр. «При осмотре выяснилось: Зрительный зал огражден от коридоров деревянными перегородками, потолок поддержан колоссальными деревянными колоннами, на которых поддерживается деревянный верхний ярус театра. Места, устроенные амфитеатром, тоже досчатые на деревянном основании. Потолки зрительного зала, первой и второй сцены и стенка, отделяющая сцену от зала, также деревянные.

Зал оштукатурен и в обоих ярусах расписан по штукатурке и кое-где по полотну, наклеенному на штукатурку. Все конструктивные части (колонны, перегородка, отделяющая зал от коридоров, подставки пола под сценою) снизу подгнили и находятся в настоящее время в таком положении, что требуют капитального ремонта в непродолжительном времени. Все перекрытия означенных помещений, потолки, стропила деревянные. Отделка зала, штукатурка и живопись стен и потолка сохранилась достаточно хорошо; декоративная живопись, по сведениям, имеющимся в Дворцовом управле-

[23] Новое время. 1908. 5 июля.

[24] РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (500/2727). 1908. Д. 76. ЛЛ. 1—1 об.

нии, времен начала царствования императора Александра I. Роспись стен и потолков не особенно высокого качества, совершенно не гармонирует и вообще не может идти в сравнение с ближайшими помещениями дворца и имеет характер временного и на дешевую руку отделанного помещения, совершенно лишенного монументального характера, и вообще особого интереса в художественном отношении по своему исполнению не представляет...

Комиссия, осмотрев помещения, признала возможным предоставить помещение театра под назначаемые Государственною думою помещения, убрать ветхие части отделки, предварительно сняв точным обмером планы и разрезы разбираемых частей, сняв фотографии зала в общем и в деталях (с декоративной живописи) с плафонов и стен и сохранив части отделки капители, канделябры и все, что возможно из живописи, и затем разобрать все ветхое и деревянное, предоставив переустроить помещение согласно представленному эскизу, который признается удовлетворяющим назначению. В случае возвращения дворца в ведение Дворцового управления прежняя отделка, при требовании Управления, должна быть восстановлена».[25]

Знаменитый петербургский журнал для любителей искусства и старины «Старые годы» призывал в своей публикации «Кто может, вступитесь за Таврический дворец!».[26] Газета «Новое время» отмечала в это же время: «два года назад его реставрировали, так как только у нас это делают: без жалости, без уважения к красоте. С добросовестностью ремесленников, уничтожая труд художника, чтобы выполнить "заказ". Из "заново" выбеленных зал вынесли великолепные вазы, убрали гобелены и рисунки великих княжен — именитый подарок внучек их великой бабушке, императрице Екатерине... Теперь готовится новое покушение на бедный дворец. В нем есть театр, много повидавший на своем веку, свидетель роскоши и величия времен "Северной Семирамиды"...Пока театр весь прекрасно сохранился и блестит своими гирляндами цветов на потолке, очаровывает взор рядом стройных колонн в полукруге против сцены, красивой балюстрадой верхнего балкона. Никто еще не успел выбелить его расписных стен... И весь Таврический дворец, и этот милый театр в нем строил И. Старов,— тот самый архитектор, который построил также изящный собор Александро-Невской лавры в Петербурге и прекрасную церковь св. Софии за Царским Селом. Он умер в 1808 году, и таким образом разрушением его детища будет отпразднован его столетний юбилей...».[27]

[25] РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (500/2727). 1908. Д. 76. ЛЛ. 1—1 об.
[26] Старые годы. 1908. Июнь. С. 344.
[27] РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (500/2727). Д. 76. Л. 4.

Постройку нового здания для Думы А. Бруни считал немыслимой, обращаясь к примеру берлинского Рейхстага — колоссального сооружения с бронзовыми статуями рыцарей на фронтоне Это сооружение обошлось Германии в 15 миллионов. С его точки зрения России потребуется не меньше. «По необходимости надо довольствоваться старым Таврическим дворцом, приспособив его для современных требований».[28]

Современник задавался вопросом: «Как А.А. Бруни соорудит здесь свой двойной свет? Небезопасно трогать древние стены и возводить новое на старом фундаменте. Дворец, в самом деле, смотрит ветхим стариком, славным инвалидом екатерининских времен...Я поднялся к дверям театра...Заветной стариной повеяло на меня от коринфских колонн, их облупившейся извести, полотна на потолке с сохранившимися фресками. Мельпомена и Талия еще сторожили свой храм. Изображения муз, медальоны, цветные гирлянды украшали обветшалые стены, но краски были еще ярки и жизненны. Может быть, живопись не имеет большой художественной ценности, но ее жаль утратить, эту милую реликвию прошлого. Историей и сумраком пахнуло на меня из глубины театра».[29]

Журнал «Старые годы» выступал единомышленником, продолжая констатировать: «...потолки театра предлагают снести и поставить стеклянные крыши; вероятно, снесут и “зареставрируют” отделку. Жалости ждать нельзя, когда нет понимания старины. Есть государственная необходимость? Государственная необходимость не вяжется с отрицанием культуры, с разрушением остатков художественной старины».[30]

Комиссию по обмерам театра возглавил В.А. Щуко. Подлинные росписи сняли и передали Музею Академии художеств.

В 1908 г. Александр Александрович Бруни перестроил театр под библиотеку и книгохранилище.[31] (илл. 6, 7). Над библиотекой был устроен стеклянный фонарь. По периметру библиотеки установили колонны ионического ордера, устроили круговой балкон, на который вела винтовая лестница (илл. 8).

Прошлому отвели роль пророка.

---

[28] РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (500/2727). Д. 76. Л. 4.

[29] Там же.

[30] Старые годы. 1908. Июнь. С. 344.

[31] РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. 1905. Д. 54.

Список иллюстраций к статье «Театр в Таврическом дворце — свидетель роскоши и величия»

1) Илл. 1. Вид Таврического дворца со стороны Невы. Литография. Лист из альбома «Saint-Petersburg» А.А. Плюшара. Первая половина XIX в.

2) Илл. 2. Театр. Фото нач. XX в. (Новое время. 1908. 5 июля).

3) Илл. 3. Деталь росписи. Фото нач. XX в. (Столица и усадьба. 1914. № 7. С. 70).

4) Илл. 4. Роспись плафона. Фото нач. XX в. (Столица и усадьба. 1914. № 7. С. 11).

5) Илл. 5. Верхний ярус театрального зала. Фото нач. XX в. (Столица и усадьба.1914. № 7. С. 10).

6) Илл. 6. План Таврического дворца. Л. Руска. 1802 (Тарановская М.З. Архитектура театров Ленинграда. Л., 1988. С. 45).

7) Илл. 7. Фиксационный план дворца 1912 г. Инж. Пиотровский. Фото. (Архив КГИОП. П-157. № 25559).

8) Илл. 8. Библиотека. Фото 1954 г. (Архив КГИОП. П-157. А-788. № 46944).

9) Илл. 9. Титульный лист книги: Percier C. Résidences de souverains. Paris, 1833.

А.Г. РАЗУМОВСКАЯ

«Вот здесь, в Таврическом, под сенью мощных ив...»: сад в русской литературной традиции

Таврический сад — один из прекрасных зеленых оазисов Петербурга. Первым из садов столицы вошедший в литературное сознание, он весьма часто описывался или упоминался русскими литераторами, начиная с XVIII в., переживая периоды как повышенного внимания, так и почти полного забвения.

Начало литературному осмыслению сада было положено в к. XVIII — н. XIX вв., когда резиденция князя Г.А. Потемкина-Таврического сравнивалась с Эдемом. Г.Р. Державин, побывавший здесь на праздничном приеме (1791), в восхищении назвал Таврический сад вертоградом, подчеркнув не только великолепие, но и необычайный вкус, воплощенный в творении садового мастера: «С первого взгляда усомнишься и помыслишь, что сие есть действие очарования, или, по крайней мере, живописи и оптики; но приступив ближе, увидишь живыя лавры, мирты и другия благорастворенных климатов древа, не токмо растущия, но иныя цветами, а другия плодами обремененныя. Под мирною тению их, инде как бархат стелется дерн зеленый; там цветы пестреют; здесь излучистыя песчаные дороги пролегают; возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просеки, блистают стеклянные водоемы; везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями Природы. Плавает дух в удовольствии!»[1] Впечатление райской, неземной красоты сада Державин усилил передачей садовых звуков и запахов: «При том сладкогласное пение птиц, приятное благовоние ароматов, соделывая сие жилище некоею новою поднебесностию, или волшебною страною, заставляют каждого в восторге самого себя вопрошать: не се ли Едем?»[2]

В то же время Таврический сад изображался пасторальным, незамысловатым пространством, созвучным эмоциональным переживаниям человека. Таким изобразил его А. Измайлов (1800), в духе сентиментализма окрасив в меланхолические тона:

[1] *Державин Г.Р.* Описание празднества, бывшего по случаю взятия Измаила, у Его Светлости Господина Генерал-Фельдмаршала и Великого Гетмана Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, в присутствии Ея Императорского Величества и Их Императорских Высочеств, в Петербурге в доме его близ Конной Гвардии, 1791 года Апреля 28 дня. СПб., 1792. С. 4—6.

[2] Там же. С. 7.

Сад Таврической прекрасной!
Как люблю в тебе я быть,
Хоть тоски моей ужасной
И не можешь истребить.
Только лишь одной природы
Ты имеешь красоты,
Просто все в тебе: и воды,
И деревья, и цветы.

Просто все в тебе и мило,
Для меня ты лучший сад.
Как приятно и уныло
Твой, лиясь, шумит каскад! [3]

С одной стороны, поэт, определяя лежащий в основе планировки сада принцип естественности («Просто все в тебе»), детально описал его незамысловатую красоту, упоминая цветы, деревья, воды, льющиеся каскадом, искривленные тропинки, аллеи. С другой стороны, в стихотворении подчеркивалась благодатная возможность уединения в саду и свободного выражения эмоций: «Сад Таврической прекрасной! / Нету мне в тебе утех, / Но зато в тебе, несчастной, / Можно плакать без помех».[4] Таврический сад у Измайлова предстал пасторальным пространством, местом любовных коллизий, но это уже не была счастливая Аркадия.

Б. Федоров, также воспринимая его садом любви, сместил акценты в сторону романтического восприятия пейзажа: «Я видел сад Таврической / Любимой Ореадами; / Я в нем гулял с Лилетою / Во время полдня знойного...».[5] В стихотворении (1815) поэт акцентировал внимание на свободной живописности, непрерывной смене картин во время прогулки по саду: «Там мостик чрез извивистой / Ручей волной играющий, / Там виден павильон в цветах — / Везде вкруг улыбаются / Среди пригорков рощицы, / И путника приветствуют — / Под сень свою прохладную, / А там бежит каскад седой / С утеса в камнех с пеной / Там ивы наклоненные, / В которых отражаются / Их ветви сплетшись с листьями. — / Там поле бирюзовое / Шумит травою гибкою...» Перечислены примечательные черты Таврического сада: его тенистость, извивистый ручей, мостик, па-

[3] Петербург в русской поэзии XVIII — первой четверти XX века: Поэтическая антология. СПб., 2002. С. 68.

[4] Там же.

[5] Стихотворение приводится по изданию: Кабинет Аспазии. 1815. № 4—7. С. 56—59.

вильон в цветах, среди пригорков рощицы, каскад седой, луг. В то же время автор описывал флору, лишенную помпезности, «домашнюю»: липы, синель (сирень лиловую с белой), ивы, траву. Передавая свое восхищение, Федоров сравнивал этот «храм вкуса и приятностей» с волшебными садами Армиды:

Тебя не позабуду я,
Когда и в храме роскоши
Увидев с восхищением
Эрота в камне дышущим —
Паду к ногам Псишеиным!

Таким образом, этот рай Эрота, сад любви и красоты тоже мыслился идеальной средой обитания, сотворенной человеком: «Природе храм поставленной / Рукой искусства щедрого».

К началу XX в. от великолепной утопии Таврического сада реально мало что сохранилось, но зато, как это ни парадоксально, шел активный процесс его интенсивной мифологизации. Правда, символисты, регулярно собиравшиеся на «башне» Вяч. Иванова, обошли сад поэтическим вниманием, зато акмеисты и их окружение осваивали этот топос, придав ему эзотерический характер. Так, у Г. Иванова Таврический сад наделен приметами Эдема: «Видел сон я: как будто стою / В золотом и прохладном раю.// И похож этот рай и закат / На тенистый Таврический сад. // Только больше цветов и воды, / И висят золотые плоды // На ветвистых деревьях его,/ И кругом — тишина, торжество. // <...> // Отчего же в душе, отчего / Тишина, благодать, торжество? // Словно ты прилетела ко мне / В этом солнечном лиственном сне, / Словно ты прилетела сказать, / Что не долго уже ожидать».[6] Он ассоциируется с вечностью, в которой сольются души влюбленных. Являясь «мыслимым», «воображаемым» местом, Таврический сад уже не сопровождался непосредственными визуально-обонятельными впечатлениями, которые имели значение для предшественников.

У эмигрантов сад связан с петербургской весной и молодостью, он предстает прекрасным видением прошлого, например, у Натальи Русской:

Санкт-Петербург... Весна...
Пленяет взор влюбленный
В стальной кольчуге вод могучая Нева.
Сквозь дымку, вдалеке, синеют Острова.

[6] *Иванов Г.В.* Собрание соч. в 3-х тт. М., 1994. Т. 1. С. 55—56.

В Таврическом Саду узорчатые клены
Сплетают на песке в аллее отдаленной
Сиреневых теней резные кружева.[7]

У Е. Вадимова «в белой мгле — весь сад Таврический», благоухающий сиренью, символизировал «и жизнь, и смерть, и вдохновенье...».[8]

А для советских поэтов сад ассоциируется со свободой и естественной природностью, как, например, в стихотворении М. Троицкого (1934): «Таврический сад совершенно внезапен — / Как будто деревья по улицам шли, / Нигде не оставив следов и царапин, / Нигде на камнях не просыпав земли. // Как будто сегодня неслышной походкой / Пришли, а надолго ль останутся тут?.. / Спокойно стоят за железной решеткой, / Стоят добровольно и завтра уйдут».[9] В этом саду не чувствуется насилие человека над природой, потому даже решетки здесь не держат деревья в своем плену.

Разнообразно представлен Таврический сад в современной массовой поэзии. То он выступает как топос счастливой любви, настоящей или прошедшей, то является местом радостных воспоминаний. В самых последних стихах, не всегда совершенных, находит место и идиллическая интонация, и сопоставление прошлого великолепия с современной невзрачностью, и творческие интенции.[10] Следовательно, с садом по-прежнему связываются универсальные представления.

Но если выделять ведущую тенденцию в интерпретации сада профессиональными литераторами конца XX — начала XXI вв., то сад довольно часто ассоциируется с самим бытием, точнее мир уподобляется саду. Герой книги В. Рецептера «Ворон в Таврическом» (2009) испытывает в столице одиночество, отверженность, даже изгойство и потому устремляется к благословенной деревенской утопии, в парк Тригорского, на Савкину горку, в Михайловское. Городской сад со своим «потертым газоном», стареющими деревьями реален и одновременно сверхреален, являясь хранителем памяти и источником творческой свободы: «Все лето в Таврическом ходишь пешком, / да глазом космическим косишь тишком».[11]

[7] Цит. по: Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна). СПб., 2006. С. 15.

[8] Цит. по: Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 164.

[9] Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии: Антология. СПб., 1999. С. 460.

[10] См. национальный сервер современной поэзии: Стихи.ру.

[11] *Рецептер В.Э.* Ворон в Таврическом. Книга стихов 2006—2008. СПб., 2009. С. 63.

Сад и у предшественников выступал пространством снов, мечтаний, фантастических событий: здесь прогуливался нос майора Ковалева, происходила встреча с Крокодилом в сказке «Мойдодыр», туда бежал герой Д. Хармса, мучимый бессонницей. В романе О. Мандельштама «Египетская марка» рассказчик во сне убегает в Таврический сад, захватив любимую детскую игрушку — оплывший стеарином подсвечник, который сопровождает героя в его «странствиях» по саду. Само название сада — Таврический — вводит античный «код», отсылая к Вяч. Иванову и мистериям, фантазиям, играм на его «башне». Благодаря этому сад выступает зоной творческого воображения.[12]

У А.С. Кушнера, самого последовательного певца сада, он выступает в привычной роли оазиса любви (например, в стихотворении 1992 года «Где теперь? Где-нибудь на Тобаго теперь, в Тринидаде...»). Но главное — вслед за О. Мандельштамом Таврический сад является метафорой творческих снов, подвергающих трансформации обыденное существование:

Тем и нравится сад, что к Тавриде склоняется он,
Через тысячи верст до отрогов ее доставая.
Тем и нравится сад, что долинам ее посвящен,
Среди северных зим — берегам позлащенного края.
И когда от Потемкинской сквозь его дебри домой
Выбегаю к Таврической, кажется мне, за оградой
Ждет меня тонкорунное с желтой, как шерсть, бахромой,
И клубится во мгле, и лазурное, грезит Элладой.[13]

Сад дает простор воспоминаниям (личным, историческим, культурным), которые определяют ассоциативный ход поэтических размышлений: Таврида, тепло, море, руно, Эллада. В результате герой, выбегающий от Потемкинской к Таврической, приобщается к энергии российской истории и мировой культуры, его привычный маршрут становится путем метафизическим. Так Кушнер утверждает: волшебство сада не утрачено, но оно таится не в зримой роскоши и красоте, а в магическом кристалле поэзии, который преображает мир.

Истинному поэту доступно сокрытое за внешним покровом жизни. Его творческое сознание в пределах парка прозревает сонм ви-

[12] Любопытно, что первым связал Таврический сад с поэзией еще Д. Хвостов в 1832 г., назвав А.С. Пушкина соловьем этого сада (Избранные сочинения графа Хвостова. М., 1997. С. 72).

[13] *Кушнер А.С.* Стихотворения. Л., 1986. С. 77.

дений из прошлого — как, например, в стихотворении 2003 года «Сад»:

Через сад с его кленами старыми,
Мимо жимолости и сирени
В одиночку идите и парами,
Дорогие, любимые тени.

Распушились листочки весенние,
Словно по Достоевскому, клейки.
Пусть один из вас сердцебиение
Переждет на садовой скамейке.

А другой, соблазнившись прохладою,
Пусть в аллею свернет боковую
И строку свою вспомнит крылатую
Про хмельную мечту молодую.[14]

Он хотел бы присоединить и свою тень к любимым поэтам XX в. — И. Анненскому, А. Блоку. К тому же сад, вблизи которого Кушнер проживает, прельщает его своим непринужденным характером:

Мне нравится, что он разбит по образцу
Английскому, а не расчерчен по-французски,
Что светел он, тенист, неровен, кое-где
Взбирается на холм, спускается в низину,
Что уточек скользит армада по воде,
Безмолвен старый дуб и гол наполовину.[15]

Таврический сад погружает автора в состояние «домашней» раскованности, что является непременным условием творческой свободы.

В стихотворении А. Леонтьева (2005) Таврический дворец предстает недоступным, огражденным, а потому манящим, загадочным пространством:

Тот чертог Таврический, та сторона дворца,
Где твоя нога, если сам ты не VIP-персона,

[14] *Кушнер А.С.* В новом веке. Стихотворения. М., 2006. С. 306.
[15] *Кушнер А.С.* Тень // Звезда. 2006. № 1. С. 5—6.

Не ступала, всегда манила к себе пловца
Недоступностью сада, ограды стальной, торца,
Где плакучие ивы стоят в пруду полусонно.
<...>
Сколько раз, прохожий, я с мостика проникал,
Набивая оскомину взгляду, минуя воду,
В замок Иф, расположенный, помнится, между скал,
Доморощенным Монте-Кристо его алкал,
С той лишь разницей, мнилось, что там обрету свободу.[16]

С тонкой иронией лирический герой передает свое стремление к реализации мечты. Он переплывает водную преграду, движимый отчаянным любопытством, однако неожиданно открывает для себя волшебство не в воображаемом «замке Иф», а в «земных моментах», в бытии природы, в самой жизни:

И, быть может, у наших страхов ночных глаза
Велики, — деревца-то перерастут некрополь
Президентских табличек, а темные небеса
Голубыми станут — уже через два часа!
До свиданья, ива. Верни мои вещи, тополь.

И у Е. Ушаковой герой в саду совершает открытие природного мира и свою гармонию с ним. Он испытывает трепетное, лирическое чувство к деревьям, их душе, сопереживает стойкому страданию «мощных ив» — своих древесных собратьев. Постигая окружающий мир и свое родство с ним, он обретает в саду самого себя:

Здесь я чувствую наедине с собой
Ту жизнь тишайшую, немую,
Что связываю я с древесною душой,
А в повседневности миную,

Ту жизнь, ту скрытую, подобную мечте,
Что в нас незримо существует,
Не хочет, легкая, томиться в темноте
И, как кузнечик, крылышкует;

Вот здесь, где лиственная в небе снасть,
Где тень во всякую погоду,

[16] Цит. по: *Невзглядова Е.* Сады в русской поэзии // Звезда. 2013. № 10. С. 197.

Она является, готовая совпасть
С собой, как лист, слетевший в воду.[17]

Итак, поиск идеала в реальности приводит поэтов в зеленый оазис в центре большого города — Таврический сад. Ансамбль Таврического дворца является памятником триумфальной победе России в Крыму, однако в литературном сознании он почти не ассоциируется с именем гр. Потемкина. Зато пейзаж парка насыщен творческой энергией и дает человеку импульс к рождению второй реальности. Название «Таврический сад» и близость к одному из «мифологических» центров Петербурга усиливает культурную ауру топоса.

[17] *Ушакова Е.* Вот здесь, в Таврическом, под сенью мощных ив... // Звезда. 2009. № 3. С. 5.

О.А. ПАТРИКЕЕВА

Подготовка Императорского Таврического дворца к работе Государственной думы Российской империи

Таврический дворец, как известно, был построен выдающимся русским архитектором И.Е. Старовым для всесильного фаворита императрицы Екатерины II князя Г.А. Потемкина-Таврического 225 лет назад. За эти годы дворец, ставший эталоном облика русских усадеб, пережил как периоды блестящего подъема, так и долгие десятилетия забвения. В 1861 г. у берега Невы была возведена высокая кирпичная водонапорная башня. Ее поставили прямо напротив Таврического дворца. В градостроительном отношении это решение оказалось крайне неудачным: массив башни и прилегающие к ней строения отрезали дворец от Невы, нарушив ансамбль, созданный в конце XVIII в.

На рубеже XIX—XX вв. Таврический занимал довольно скромное место в жизни столицы империи. У дворца не было строго определенного предназначения. Он стал приютом для пожилых фрейлин, в его залах ремонтировались декорации Императорских театров, реставрировались произведения живописи Эрмитажа, проводились выставки исторических портретов. Таврический дворец все более напоминал «склад забытых вещей и людей».

Однако осенью 1905 г. в судьбе дворца произошел крутой перелом. Здесь решено было поместить первый российский парламент. Для «направления работ» по приспособлению здания Императорского Таврического дворца под размещение в нем будущей Государственной думы учреждалась Особая комиссия. Председателем ее назначили статс-секретаря Н.Ф. Дерюжинского, а общее руководство возложили на госсекретаря барона Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта. Перестройкой внутреннего пространства руководил архитектор П.И. Шестов. При этом сохранялась надежда, что рано или поздно для Государственной думы будет построено специальное помещение. 6 октября 1905 г. Ю.А. Икскуль писал министру императорского двора барону В.Б. Фридериксу: «Имея в виду, что помещение Государственной думы в Таврическом дворце можно рассматривать лишь как меру временную, впредь до возведения для нее особого здания, я нашел нужным дать комиссии надлежащие указания, ...даже наиболее капитальные переделки во дворце должны быть... исполняемы с таким расчетом, чтобы впоследствии дворец мог быть без особых затруднений приведен в прежний вид».[1] Все работы по

[1] РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

реставрации здания проводились на тендерной основе. Реконструкцией Таврического дворца занимались лучшие предприятия Российской империи.

Для заседаний Государственной думы отводился зал дворца, служивший ранее зимним садом. Образцом внутреннего устройства зала заседаний послужила французская палата депутатов. В полукруглом амфитеатре располагались 13 рядов кресел для членов Думы. Заказ на поставку мебели получила мебельно-столярная фабрика «Ф. Мельцер и К» — крупнейшее мебельное производство России. Предприятие выпускало дорогую высокохудожественную мебель, материалом для которой служили лучшие сорта древесины. Фабрика имела звание «поставщика Императорского двора» и выполняла заказы как для частных лиц, так и для всякого рода учреждений и организаций.

Зал заседаний был рассчитан на 560 мест, где каждому депутату предназначалось мягкое, обитое козьей кожей кресло с пюпитром из светлого дуба. Фирму «Ф. Мельцер и К» попросили не оснащать откидные столики углублениями для чернильниц: «А то будут ими бросаться!».[2] Депутатов же обязали использовать для записей не ручки, а карандаши. (Народные избранники быстро нашли выход: неугодных ораторов стали изгонять с трибуны не только криками, но и грохотом пюпитров).

На специальном возвышении подготовили места для председателя Государственной думы и двух его заместителей. У основания возвышения установили трибуну для ораторов. «Кого искренне жаль, так это председателя, — делилась впечатлениями известная столичная журналистка С.И. Смирнова, посетившая одно из первых заседаний Думы. — Депутаты уходят курить, пить чай, а он, как привинченный, сидит на своем возвышении. Издали, кажется, что он сидит в сундуке: его место обнесено дубовой загородкой».[3]

Для украшения думского зала потребовался портрет императора, написать который поручили знаменитому русскому живописцу И.Е. Репину. «В каком формате желательно изобразить его величество, в каком месте, если это не безразлично для комиссии»? — просил указать художник. Николая II он написал стоящим на площадке беломраморной лестницы Ливадийского дворца. За спиной государя простиралось море. Свою работу Илья Ефимович оценил в 3 000 рублей.[4]

Значительно дороже обошлась рама для портрета. Ее спроектировали в виде отдельного сооружения, примыкающего к председательской трибуне. Раму изготовили на фабрике «Ф. Мельцер и К»,

[2] РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48. Л. 355.

[3] Там же. Л. 419.

[4] РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об.

учитывая, что всю меблировку и оборудование для зала заседаний выполняла именно эта фирма в строго определенном стиле. «За одну раму к портрету столяр запросил 18 000 рублей. Отбросив лишние украшения, сторговались на четырех тысячах»,[5] — сообщала популярная столичная газета «Новое время». Фирма обязалась изготовить постамент и раму из лучшего сухого дерева и «вызолотить их червонным золотом».

Первоначально зал заседаний не имел глухой стены, разделяющей пространство бывшего зимнего сада на два изолированных помещения. В этот период императорский портрет в монументальной раме стоял свободно между колонн, которыми поддерживались перекрытия. Позднее из драпировок создали временную перегородку, а затем и глухую стену, отделив амфитеатр с депутатскими местами от зала для баллотировки.[6]

Поставкой оконных стекол и зеркал в Таврический дворец занималось знаменитое Северное стекольно-промышленное общество братьев А. и М. Франк. (Напомним, в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже витражи этой фирмы были признаны лучшими в мире). В одном только зале Общих собраний понадобилось установить 23 оконных блока.

Затянувшийся ремонт Таврического дворца препятствовал своевременному открытию российского парламента. В начале апреля 1906 г. его посетил знаменитый сотрудник газеты «Новое время» М.О. Меньшиков. «Кроме зала заседаний сейчас в Таврическом дворце нечего смотреть. Ничего не готово, — свидетельствовал публицист. — Меня, как журналиста, остановила оригинальная картина. Стены многих огромных комнат оклеены петербургскими газетами, очевидно — под обои. Отовсюду глядят знакомые заголовки: “Новое время”, “Сын Отечества”, “Правительственный вестник” Необъятная, как в океане, рябь газетных строчек. С грустью увидал я собственный фельетон и, как раз, посвященный парламенту. Вот судьба наша — публицистов! В конце концов, наше вдохновение идет на подклейку парламентских обоев. Что же — и это служба. ...Без этих распятых на стенах парламента неисчислимых фельетонов, статей, заметок не было бы и самого парламента».[7]

[5] *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. В святая святых // Новое время. 1906. 9 апреля.

[6] См. подробнее: *Рейман А.Л.* 1) Забытый портрет из Таврического дворца // Илья Ефимович Репин: сб. ст. СПб., 1995. С. 150—154; 2) «Сцены у фонтана изменились до неузнаваемости» // Ардис. 2006. № 2 (30). С. 45—47.

[7] *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. В святая святых // Новое время. 1906. 9 апреля.

Реставрационная комиссия просила продлить сроки ремонтных работ ввиду их «чрезвычайной сложности». На темпы реставрации здания существенно влияла и политическая ситуация в стране. К обустройству Таврического дворца для заседаний Государственной думы приступили еще в сентябре 1905 г. в самый разгар революционных событий. Так, поставщик мебели Ф. Мельцер, жалуясь на постоянные забастовки рабочих на своем предприятии, заранее предупреждал о возможном срыве сроков выполнения заказа.[8]

Корреспондента «Торгово-промышленной газеты», побывавшего в Думе накануне ее открытия, заинтересовала технология укладки паркета в зале заседаний. Дубовый паркет настелили на слой асфальта, и звук шагов по нему стал абсолютно не слышен. Связка ключей, брошенная на пол, «даже не звякнула», а упала «словно на ковер». Журналист с удовлетворением отмечал, что Думский зал вдвое больше палаты общин в Англии. «Вся зала белая, — писал он. — Белые стены, по карнизам расписанные фресками потемкинского времени, ныне подновленными, белого дуба трибуны и ложи, кресла и пюпитры, белого дуба паркет производят впечатление какой-то свежести, новизны».[9]

Специальная ложа в зале заседаний Таврического дворца отводилась думским журналистам. Для нее фирма «Ф. Мельцер и К» изготовила 34 удобных кресла. Однако накануне открытия I Думы под напором прессы количество парламентских корреспондентов пришлось удвоить. Понадобилось спешно оборудовать на хорах зала заседаний дополнительную «верхнюю ложу», уставив ее жесткими венскими стульями. Журналисты, вынужденные сидеть под потолком, жаловались на духоту и плохую акустику. Акустические условия зала заседаний Государственной думы и вправду были крайне неудовлетворительными. «С акустикой этой много возились, ставили перегородки, снимали их, вешали занавески и тоже снимали, — вспоминал депутат С.И. Шидловский. — Была образована даже научная комиссия для нахождения способов улучшения акустики, ...но это ни к чему не привело, и акустика оставалась такая же невозможная».[10]

После перестройки летом 1910 г. восточной части Таврического дворца и без того не слишком хорошая слышимость в зале Общих собраний значительно ухудшилась: произносимое с трибуны слово оставалось слышимым в течение приблизительно 5 секунд. За это

[8] РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 55. Л. 19.

[9] *Ф.Д.* Два часа в Государственной думе // Торгово-промышленная газета. 1906. 18 февраля.

[10] *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. I. С. 114.

время оратор успевал сказать еще 12—15 слов, и потому речь звучала невнятно и неразборчиво.

Узнав о проблемах с акустикой в Таврическом дворце, американский физик У. Сэбин любезно предложил свои услуги.[11] Сэбин прославился как основатель архитектурной акустики. В то время он как раз занимался улучшением акустических условий Конгресса США. Сэбин сформулировал понятие времени реверберации, которое до сих пор является самой важной характеристикой помещения. (Реверберация — это процесс постепенного уменьшения интенсивности звука при его многократных отражениях). Однако средств для приглашения именитого заокеанского ученого найти не удалось.

Улучшением акустики зала заседаний Государственной думы занялся профессор Н.Г. Егоров — управляющий палатой мер и весов Российской империи. Ознакомившись с устройством большого зала германского рейхстага, Н.Г. Егоров распорядился «покрыть стену против трибун» специальными холщевыми панно, окрашенными масляной краской. Подобная конструкция, по его расчетам, способна была поглощать звук раз в 10—12 сильнее гладких оштукатуренных стен.[12]

2 марта 1907 г. в зале Государственной думы вместе со штукатуркой и люстрами рухнула потолочная обшивка. «Неожиданное вмешательство архитектуры в политику»,[13] — иронизировала пресса того времени. Заседания Государственной думы пришлось на время перенести в здание Дворянского собрания столицы. Чтобы возобновить работу парламента, три сотни рабочих сутки напролет приводили пострадавшее помещение в порядок. Для уборки помещений Таврического дворца за 300 рублей был приобретен «пылевсасывательный аппарат “Атом”» — новинка бытовой техники начала XX в.[14]

На следующий год архитектор А.А. Бруни разработал проект замены деревянных перекрытий над залом на железобетонные конструкции. Заказ был сделан Санкт-Петербургскому металлическому заводу, а изготовление стеклянного фонаря поручено Северному стекольно-промышленному обществу братьев М. и А. Франк.

В начале октября 1910 г. все работы по реконструкции зала заседаний Таврического дворца завершились, и в таком виде он просуществовал до Октябрьской революции 1917 г.

Как видим, специальное здание для Государственной думы так и не было построено. Таврический дворец, временное пристанище российского парламента, в целом, достойно справился с этой задачей.

[11] РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 124. Л. 18.

[12] Там же. Л. 77 об.

[13] Хроника // Речь. 1907. 6 марта.

[14] РГИА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 1. Л. 237 об.

Т.И. РЫБАКОВА

Особенности реставрации фрагментов росписей Таврического дворца, хранящихся в собрании Научно-исследовательского музея Российской академии художеств, Санкт-Петербург

Данная статья — это возможность поделиться опытом, приобретенным при реставрации нескольких фрагментов оригинальной живописи из Таврического дворца, большая часть которых хранится в фондах живописи Научно-исследовательского музея Российской академии художеств с 20-х гг. прошлого столетия.

Как известно, в 2013 г. исполнялось четырехсотлетие династии Романовых, которое наш музей отметил выставкой «Романовы — царственные покровители искусства». Было принято решение показать на ней отдельные экспонаты этой группы памятников. Им требовалась реставрация, и фрагменты живописи поступили в реставрационную мастерскую.

Среди этих работ, представляющих собой самостоятельные сюжеты, живопись начала XIX в. Джованни Скотти из комнаты № 11 подпотолочной росписи «Психея» в овале и Архитектурный пейзаж из Комитетской комнаты, а также две работы Дж. Феррари из Театральной комнаты: «Муза трагедии» и «Муза комедии» (илл. 1, 2, 3, 4).

Три работы имеют размеры около 200 х 100 см, «Психея» в овале — примерно 70 х 50 см. Все работы выполнены в технике холст, клеевая краска.

До реставрации эти уникальные произведения представляли собой печальное зрелище, то есть их состояние сохранности отразило на себе все перипетии времени.

Фрагменты живописи хранились в свободном состоянии — т.е. не натянутыми на подрамники. Будучи разноформатными, они десятилетиями хранились в рундуках сравнительно небольшого размера, что приводило к необходимости их сложения в 2—3 раза, а это в свою очередь, с течением времени привело к образованию глубоких, устойчивых изломов с утратами красочного слоя до грунта и основания. Были и мелкие изломы с потертостями живописи, что мешало цельности восприятия. Холсты, поступившие в отдел реставрации, имели также гвоздевые отверстия, кнопочные проколы, утраты холста, а также сложные фигурные и простые затеки (илл. 5—26).

На оборотной стороне живописных фрагментов — следы штукатурки, оставшиеся после снятия холстов со стен (о чем говорит и характер изломов на некоторых фрагментах живописи). Но наибо-

лее существенные повреждения фрагментов живописи Таврического дворца, которые не прекращаются и могут привести к потере памятников, связаны с разрушением красочного слоя, вызванным пересыханием связующего в клеевой краске, что приводит к «отмучиванию» поверхностного слоя, характерного скорее для гуаши и пастели, чем для клеевой живописи. Пересыхание связующего приводит к шелушению и утратам красочного слоя по всей поверхности. Поэтому наиболее важной задачей, стоящей перед реставратором, было закрепление красочного слоя, причем укрепленная поверхность должна была оставаться такой же бархатистой, то есть не иметь клеевого блеска.

Затем надо было поставить пластыри с оборотной стороны в местах нарушения основы, подвести кромки, натянуть холсты на подрамники и перейти от технической реставрации к ее завершающей живописной фазе — тонированию мест утрат красочного слоя.

Учитывая технику, в которой выполнены экспонаты, а также «отмучивание» живописной поверхности, о котором говорилось выше, обеспылить работы с лицевой стороны было невозможно. Поэтому удаление поверхностных загрязнений проводилось без увлажнения, с оборота, как и остатков штукатурки.

Пластыри на холсты были поставлены на поливинил бутираль, разведенный спиртом, а мелкие утраты и проколы укреплены бумажными наклейками из японской бумаги на пшеничный крахмал.

Наступила одна из важнейших стадий реставрационного процесса — закрепление красочного слоя. Оно проводилось водным раствором КМЦ (карбокси-метил-целлюлозой) со спиртом. Этот клей широко используется в реставрации. Его применение связано с тем, что он не содержит питательной среды для микроорганизмов, что предохраняет в дальнейшем обработанную поверхность от различного рода грибков. Введение спирта в клей необходимо для проникновения клеевого раствора в красочный слой, который разрушился от времени, как говорилось выше.

Важно было подобрать такое соотношение клея и спирта, которое, с одной стороны, сможет связать пигмент и предотвратить дальнейшее разрушение живописи, а с другой стороны, не создать блестящую клеевую пленку. Сделанные пробы дали, наконец, положительный результат. И вдруг неожиданный сюрприз: при закреплении архитектурного пейзажа Джованни Скотти с ним произошла следующая метаморфоза. Он, будучи первоначально легким и пастельным в своем цветовом решении с небольшими градациями бледно-зеленых и разбеленных зелено-синих тонов, после закрепления изменил цветовую гамму на крайне агрессивно-интенсивную, которая сохранилась и после высыхания. Блестящей клеевой пленки не было,

значит, клей вошел в красочный слой. Надо было определиться — оставить активное цветовое решение или искать пути возвращения «Архитектурного пейзажа» к первоначальному пастельному виду.

К сожалению, измененное цветовое решение не удалось зафиксировать после закрепления — надо было принимать решение. В реставрации, как известно, после стабилизации какого-либо процесса потом трудно что-либо изменить.

Напрашивалось мнение, что это авторская задумка. Но реставрируемый объект был одним из сюжетов, составляющих потолочный фриз Комитетской комнаты. Причем, эти разноформатные сюжеты, различные по тематике, отличные по цвету объединяет приглушенная цветовая гамма. До реставрации «Архитектурного пейзажа» в мастерской музея уже были отреставрированы другие аналогичные произведения, не изменившие кардинально интенсивности цветовой окраски.

Было решено сделать попытку погасить яркость цвета на «Архитектурном пейзаже» после закрепления. Это удалось сделать после помещения его во влажную среду. Причем появилось ощущение чистоты, «промытости» изображения в то время как известно, что произведения такой техники промыть невозможно.

Полученный опыт закрепления клеевой живописи с помещением ее во влажную среду был благополучно использован в дальнейшей работе над другими подобными произведениями. В частности, при реставрации двух большеформатных панно кисти Феррари из Театральной комнаты (илл. 27—56).

После того, как к работам были подведены кромки и живопись была натянута на подрамники, начался заключительный долговременный этап тонировок мест утрат красочного слоя.

Хочу обратить внимание на стенные панно Феррари. На обеих работах помимо вышеуказанных повреждений находились фигурные сквозные затеки с темной стекловидной границей. Попытки удалить их разными способами не привели к положительным результатам. Решено было их тонировать. Тонировки на всех фрагментах живописи проводились гуашью, в редких случаях корректировались мокрой пастелью.

Отреставрированные семь фрагментов живописи XVIII в. из Таврического дворца экспонировались на выставке «Романовы — царственные покровители искусств» и вызвали интерес у зрителей.

Хочется надеяться, что планы музея позволят продолжить реставрацию этих уникальных памятников прошлого нашей отечественной культуры и сохранить их для потомков.

Список иллюстраций к статье
«Особенности реставрации фрагментов росписей Таврического дворца, хранящихся в собрании Научно-исследовательского музея Российской академии художеств, Санкт-Петербург»

1) Илл. 1. Дж. Б. Скотти. Психея. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 x 52,0. До реставрации.

2) Илл. 2. Дж. Феррари. Муза трагедии. Общий вид. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 176,0 x 110,5. До реставрации.

3) Илл. 3. Дж. Феррари. Муза комедии. Общий вид. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 177,0 x 110,5. До реставрации.

4) Илл. 4. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. 144,0 x 175,0. До реставрации.

5) Илл. 5. Дж. Б. Скотти. Психея. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 x 52,0. До реставрации.

6) Илл. 6. Дж. Б. Скотти. Психея. Оборот. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 x 52,0. До реставрации.

7) Илл. 7. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 x 52,0. До реставрации.

8) Илл. 8. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент средней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 x 52,0. До реставрации.

9) Илл. 9. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 x 52,0. До реставрации.

10) Илл. 10. Дж. Феррари. Муза трагедии. Общий вид, Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 176,0 x 110,5. До реставрации.

11) Илл. 11. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент верхнего левого угла. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

12) Илл. 12. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент средней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

13) Илл. 13. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент правой средней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического

дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

14) Илл. 14. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

15) Илл. 15. Дж. Феррари. Муза комедии. Общий вид. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 177,0 х 110,5 До реставрации.

16) Илл. 16. Дж. Феррари. Муза комедии. Фрагмент левой верхней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

17) Илл. 17. Дж. Феррари. Муза комедии. Фрагмент левого верхнего угла. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

18) Илл. 18. Дж. Феррари. Муза комедии. Фрагмент нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

19) Илл. 19. Дж. Феррари. Муза комедии. Фрагмент правой нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

20) Илл. 20. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. 144,0 х 175,0. До реставрации.

21) Илл. 21. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент левого верхнего угла. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

22) Илл. 22. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент левой нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

23) Илл. 23. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент верхней средней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

24) Илл. 24. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент правой верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

25) Илл. 25. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейза-

жем. Фрагмент правой нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

26) Илл. 26. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Оборот. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

27) Илл. 27. Дж. Феррари. Муза комедии. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 177,0 х 110,5. В процессе реставрации. До и после закрепления красочного слоя.

28) Илл. 28. Дж. Б. Скотти. Психея. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. 73,0 х 52,0. Общий вид до и после реставрации.

29) Илл. 29. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. До реставрации.

30) Илл. 30. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. После реставрации.

31) Илл. 31. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент средней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. До реставрации.

32) Илл. 32. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент средней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. После реставрации.

33) Илл. 33. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. До реставрации.

34) Илл. 34. Дж. Б. Скотти. Психея. Фрагмент нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комната № 11. Холст, клеевая краска. После реставрации.

35) Илл. 35. Дж. Феррари. Муза трагедии. Общий вид. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 176,0 х 110,5. До и после реставрации.

36) Илл. 36. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент левой верхней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До и после реставрации.

37) Илл. 37. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент средней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

38) Илл. 38. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент средней

части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

39) Илл. 39. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

40) Илл. 40. Дж. Феррари. Муза трагедии. Фрагмент нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

41) Илл. 41. Дж. Феррари. Муза комедии. Общий вид. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска 177,0 х 110,5. До и после реставрации.

42) Илл. 42. Дж. Феррари. Муза комедии. Фрагмент левой верхней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До и после реставрации.

43) Илл. 43. Дж. Феррари. Муза комедии. Фрагмент нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

44) Илл. 44. Дж. Феррари. Муза комедии Фрагмент нижней части. Стенное панно. Фрагмент росписи Таврического дворца. Театральная комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

45) Илл. 45. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. 144,0 х 175,0. До реставрации.

46) Илл. 46. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Общий вид. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. 144,0 х 175,0. После реставрации.

47) Илл. 47. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент левой верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

48) Илл. 48. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент левой верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

49) Илл. 49. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент левой нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

50) Илл. 50. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейза-

жем. Фрагмент левой нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

51) Илл. 51. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент правой верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

52) Илл. 52. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент правой верхней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

53) Илл. 53. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент правой нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

54) Илл. 54. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент правой нижней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

55) Илл. 55. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент верхней средней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. До реставрации.

56) Илл. 56. Дж. Б. Скотти. Панно с архитектурным пейзажем. Фрагмент верхней средней части. Фрагмент росписи Таврического дворца. Комитетская комната. Холст, клеевая краска. После реставрации.

Думские выборы в начале XX века

А.В. КОСТЫЛЕВ

Выборы в I Государственную думу Российской империи в Санкт-Петербургской губернии

Выборы в Государственные думы Российской империи представляют собой важную страницу истории российского парламентаризма. Это был первый, если не считать земских выборов, опыт участия широких масс населения в формировании народного представительства в общероссийском масштабе. По-разному прошли избирательные кампании в различных местностях, их результаты заметно отличались по каждому из четырех созывов Думы. Это было следствием действия значительного спектра факторов: колебаний политических настроений масс, группировки избирателей по цензово-сословному принципу, избирательного законодательства, общего состояния партийных организаций в том или ином регионе в разные периоды. В рамках изучения общедумского электорального процесса будет небезынтересно затронуть региональный аспект проблемы, в данном конкретном случае — избирательную кампанию в I Государственную думу в Петербургской губернии. В этом отношении столичная губерния представляла собой, если так можно выразиться, нетипичный типичный случай. С одной стороны, результаты выборов в ней вполне точно демонстрируют общую тенденцию всех избирательных кампаний, сама группировка избирателей и выборщиков соответствовала изменениям в избирательном законодательстве; с другой — близость столицы с ее крупнейшими партийными организациями обуславливала куда большую, чем в других губерниях партийно-агитационную составляющую выборов и, следовательно, конкурентность вотума. Несмотря на очень небольшое количество депутатов (от губернского избирательного собрания избиралось 3 (в I—II Думы) и 4 (в III—IV) парламентария), голосо-

вание в столичной губернии имело крупное общественно-политическое значение.

Как известно, думское избирательное право основывалось на сочетании цензового и сословного представительства. Выборы в Думу проходили на предварительных стадиях в рамках отдельных избирательных групп — курий. Первоначально по закону 6 августа 1905 г. таких курий образовывалось три: крестьянская, землевладельческая и городская. Позднее по закону 11 декабря к ним прибавлялась четвертая — рабочая. Подобная система «избирательных стойл», как ее называли оппозиционные публицисты, мало способствовала выдвижению в Думу ярких, активных, широко известных деятелей. Им предпочитались представители местных интересов, нередко политически индифферентные, зато попавшие в выборщики в своем уезде. Лишь на последней стадии голосования — в губернских избирательных собраниях выборщики от всех курий совместно выбирали депутатов. При этом количество выборщиков от каждой курии было заранее предопределено приложением к избирательному закону, который предоставлял некоторое преимущество крестьянским выборщикам, которые в целом по стране составляли (с учетом казаков) 42 % членов губернских избирательных собраний. Примерно треть выборщиков избирали землевладельцы, чуть более пятой части (22, 5 %) — горожане. Представительство рабочих было практически символическим — они избирали чуть более 2 % выборщиков. Разумеется, долевое участие выборщиков в каждой отдельной губернии было разным. Так, значительный процент городского населения в столичной губернии и его экономический вес обусловил большее долевое участие горожан в губернском собрании: по первоначальному расписанию выборщиков они избирали 15 из 47, а затем, на самих выборах, это количество возросло до 19. Землевладельцы Петербургской губернии делегировали 18 выборщиков, а крестьяне — еще 14.[1] Многочисленный пролетариат пригородов Петербурга и губернии уже в период выборов избрал только 8 выборщиков.

Неравенство избирательного права отчасти компенсировалось его относительной шириной: по крестьянской курии в выборах десятидворных — участников волостных сходов могли участвовать практически все мужчины-домохозяева. При этом даже не требовалось обязательного проживания в деревне — достаточно было быть формально приписанным к крестьянскому сословию волости. В Петербургской губернии таких «крестьян», давно покинувших деревню, занимавшихся умственным трудом и предпринимательством в городе было

[1] Свод законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1908. Т. XXV. Отд. II. С. 393.

очень много, что и обусловило на самих выборах большое количество выборщиков-интеллигентов от крестьян. В городах избирательное право по декабрьскому закону получили практически все средние слои населения — чиновники, мелкие предприниматели, торговцы, лица интеллигентных профессий. Самым обширным был квартирный ценз: чтобы стать избирателем достаточно было в течение 1 года снимать квартиру на собственное имя. У землевладельцев имел место вроде бы самый высокий ценз: например, в Петербургской губернии в зависимости от местности для участия в уездных съездах избирателю требовалось владеть от 175 до 275 десятин, но при этом каждый частный собственник земли без различия сословного происхождения мог участвовать в предварительных съездах, избиравших на съезды крупных землевладельцев количество участников, соответствующее совокупному количеству их цензов. Данное правило в случае стопроцентного участия мелких землевладельцев в выборах грозило утопить голоса помещиков в море мелкого, в основном крестьянского землевладения.

Голосование было многостепенным. По крестьянской курии предусматривались четырехстепенные выборы: избрание десятидворных, уполномоченных волостных сходов, далее на уездных съездах — выборщиков, которые и участвовали в избрании депутатов. Для рабочих и мелких землевладельцев предусматривалось трехстепенное голосование, для горожан и крупных землевладельцев — двухстепенное. Политическая ставка авторов законодательства на крестьянство, отмечаемая как современниками, так и всеми исследователями, помимо распределения мест выборщиков, воплощалась в даровании крестьянам права избрания отдельного сословного депутата от каждой губернии.

Выборы в I Государственную думу состоялись в феврале — апреле 1906 г. Это была самая оживленная и более-менее свободная избирательная кампания из всех думских. Пульс ей задавало избирательное противостояние между двумя ведущими российскими либеральными партиями — кадетами и октябристами в столицах. Выборы в Санкт-Петербурге и Москве проходили ранее, чем в большинстве губерний, поэтому избиратели могли вполне ориентироваться на их ход и результаты. Разумеется, столичные губернии были самым тесным образом связаны с упомянутыми центрами. Главные руководящие органы партий уделяли пристальное внимание выборам Петербургской губернии. Партийная литература и агитационные материалы из Петербурга беспрепятственно и быстро оказывались у избирателей столичного региона. Лидеры партий несколько раз выезжали в крупнейшие пригороды и участвовали там в дебатах. Кроме того, губерния, особенно ее городская курия, рассматривалась

как избирательный трамплин для прохождения в Думу некоторых лидеров. Например, бессменный лидер кадетов П.Н. Милюков и авторитетный юрист, партийный эксперт в этой области В.М. Гессен баллотировались в выборщики как раз по петербургскому уезду. Именно городская курия стала главным полем предвыборной борьбы. И кадеты, и октябристы обзавелись местными комитетами во всех 8 уездах губернии. В уездные города направлялись большие объемы печатной агитации. Некоторые брошюры и избирательные бюллетени печатались на местах.

Кадеты, имевшие обширную книгоиздательскую базу, явно обошли в объемах и качестве подобной продукции своих конкурентов. В воззвании «От кадетской партии», в брошюре «Чего хочет конституционно-демократическая партия» они настойчиво проводили мысль о надклассовости своей организации. «Мы хотим, чтобы всему народу жилось хорошо, хорошо по возможности, жилось трудящемуся народу — крестьянам и рабочим», — указывалось там.[2] Простым и доступным языком в брошюрах излагались основные положения партийной программы, а также содержались настойчивые призывы вступать в члены партии и голосовать за кадетских кандидатов. В конце почти каждой подобной книжицы приводились адреса центральных и губернских комитетов, чтобы при желании можно было связаться с их активистами.

Авторы агитационной литературы буквально в нескольких понятных всем предложениях умели выразить самую суть партийного «исповедания веры». В брошюре «Простое слово к избирателям от партии Народной свободы» указывалось: «Наша партия приглашает в свои ряды всех граждан, желающих на смену самовластного чиновничьего управления установить управление народного представительства через выборных излюбленных людей. Это управление должно опираться на нерушимый основной закон всего русского народа в Государственной думе и утвержденный государем».[3] Кадеты всеми возможными аргументами пытались убедить избирателей в закономерности и необходимости реформирования государственного устройства России.

Масса изданий носила полемический характер и была призвана нейтрализовать обвинения октябристов и правых в «распродаже России» и потворстве евреям, а заодно познакомить читателей с действительными взглядами партии на столь животрепещущие проблемы как национальная автономия и еврейский вопрос.

[2] Чего хочет конституционно-демократическая партия. СПб., 1906. С. 1.

[3] Простое слово к избирателям от партии Народной свободы. М., 1906. С. 1.

В отличие от своих основных конкурентов, «Союз 17 октября» рекламировал себя как партию «государственного равновесия», выступающую за осторожные, постепенные реформы и всецело стоящую на почве законности. В воззвании от Санкт-Петербургского комитета партии подчеркивалось: «Бороться против насилия насилием мы не должны; наша первая обязанность уважать закон, а не увеличивать смуту. [...] Союз стремится к единственной необходимой, по его убеждению цели: утвердить в стране основы государственного порядка, дарованного Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г. Основы же эти суть: царь, народное представительство и права гражданской свободы».[4]

Большое значение для результатов выборов имело заключение предвыборных блоков и соглашений. Кадеты в этом отношении действовали куда активнее октябристов. Для выборов в Петербургской губернии большое значение имело заключение предвыборных соглашений между партией народной свободы и «Союзом для достижения полноправия еврейского народа в России», различными национальными предвыборными комитетами (польским, эстонским, латышским и др.) Евреи, например, составляли довольно весомую долю избирателей в Царском Селе, Гатчине, Петергофе. Октябристы же, в отличие от своих многих региональных организаций, во многих уездных центрах губернии не смогли договориться даже со своим традиционным союзником, партией правового порядка. Например, на выборах в Царском Селе, где голосовали также жители Павловска, Колпина и Гатчины, они даже уступили ей второе место. Лучший «правопорядчик» собрал 427 голоса, а октябрист — только 413. В то же время, за показавшего наименьшие результаты кадета проголосовало 929 человек,[5] т.е. в случае совместного выступления октябристов и «правового порядка» они вполне бы могли завязать борьбу хотя бы за одно место выборщика.

В целом ход избирательной кампании в I Думу в Санкт-Петербургской губернии продемонстрировал те же тенденции, которые господствовали в целом по стране. Крестьяне в большинстве своем рассматривали выборы как возможность заявить власти о своих требованиях, главным образом по поводу ожидаемой «прирезки» земли. Среди уполномоченных от волостных сходов преобладали середняки, многие из которых участвовали в волостном самоуправлении. Последнее, впрочем, не делало их игрушкой в руках начальства. Довольно много наблюдалось в деревне в период выборов и образованных выходцев из крестьянства, придерживавшихся народничес-

[4] ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 14. ЛЛ. 135—136.

[5] Вестник партии народной свободы. 1906. № 5. С. 297.

кой или прокадетской ориентации. Их общедолевое представительство заметно увеличивалось на последующей стадии выборов — избрании выборщиков от уездов. Особенностью крестьянских выборов в столичной губернии являлись спорадические попытки бойкотистской агитации на волостных сходах. Их можно приписать деятельности местных выходцев из крестьян, постоянно работающих в городах и фактически превратившихся в профессиональных пролетариев, участвующих в социал-демократическом рабочем движении. В этом плане показательны выборы в Сестрорецком волостном сходе Петербургской губернии. Рабочие (только числившиеся крестьянами) избрали здесь председателя из своей среды, тот обратился «за разъяснением» к уже готовым к тому двум таким же «крестьянам», которые высказали, что «Государственная дума есть не что иное, как обман со стороны Правительства, что нужно учредительное собрание, а Думу следует бойкотировать и выборных туда не посылать». Тут же не успевшим опомниться местным земледельцам была вручена заранее подготовленная и якобы принятая ими «единогласно» резолюция, а сход закрыт.[6] Такие попытки лишь приводили к опротестовыванию выборов, новым перевыборам или недобору уполномоченных от волостей, но существенного влияния на их ход даже в рамках отдельного уезда не имели. В целом все 14 положенных от крестьян выборщиков были избраны. Все они, за отдельными исключениями, являлись беспартийными, но по данным кадетов, «прогрессивного», в том числе «левого» направления. Впрочем, реально идентифицировать их политические взгляды трудно, ведь нередко единственным критерием выступала поддержка идеи принудительного отчуждения помещичьих земель.

Выборы по рабочей курии характеризовались массовой кампанией бойкота. Как известно, Таммерфорсская (Первая) конференция РСДРП большинством голосов приняла резолюцию о бойкоте выборов в Думу и общее для всех социалистов требование добиваться созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. Аналогичное решение было принято на I съезде партии социалистов-революционеров. На практике, впрочем, полного бойкота придерживались только большевики и эсеры, в то время как меньшевики участвовали на первых стадиях выборов, отказавшись от участия в выборах депутатов. Выборы на заводах Петербурга и пригородов продемонстрировали безуспешность попыток их срыва. В то время как меньшинство «сознательных» (т.е. левых) рабочих бойкотировало выборы, аморфное большинство все равно избирало уполномоченных. В отдельных случаях при

[6] РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. Л. 51 об.

поддержке полиции активисты проправительственных партий даже действенно противостояли бойкоту. В Колпино на Адмиралтейских Ижорских заводах имел место случай, когда рабочие сами задержали и сдали полиции агитатора, обращавшегося к ним с речью о бойкоте Думы.[7] Предприятия, чей пролетариат хотя бы частично находился под влиянием «черной сотни», впрочем, были отнюдь не так редки. Центром агитации правых в рабочей среде был, например, Путиловский завод (приписанный на выборах к губернии), где «Союз русского народа» имел весьма многочисленную и активную организацию. Благодаря тактике бойкота в числе уполномоченных от заводов как раз оказывалось много подобного элемента. На состоявшихся 19 марта 1906 г. выборах выборщиков от рабочих в губернское собрание избрали 8 человек: 4-х черносотенцев-путиловцев и 4-х беспартийных неопределенного направления.[8]

На городских выборах, как и в самой столице, блестящую победу одержали кадеты. Во всех крупнейших городах губернии (Царском Селе, Петергофе, Шлиссельбурге, Кронштадте) подавляющим большинством голосов прошли их кандидаты. Даже в отдаленном и захолустном Гдове был избран видный кадет, друг В.И. Вернадского, земский деятель Л.А. Обольянинов. Эта победа стала возможной не только благодаря общему политическому настроению средних городских слоев, но и активнейшей агитационной кампании кадетов, технической подготовке к электоральному процессу. Кадеты, например, почти повсеместно раздавали избирателям бюллетени с уже отпечатанными именами кандидатов в выборщики. Всего по городской курии в выборщики было избрано 13 кадетов, 1 сочувствующий им прогрессист, 3 октябриста и 2 умеренных или правых.[9] Именно городские выборщики составили актив кадетской группы в губернском избирательном собрании.

Выборы по землевладельческой курии начинались со съездов мелких землевладельцев. Их организация представляла значительные сложности ввиду огромного количества избирателей, неточностей в избирательных списках. Почти во всех уездах на первых выборах эти съезды не дробились, а созывался только один съезд в уездном городе. Это фактически лишало права голоса тех мелких землевладельцев (в огромном большинстве крестьян), которые проживали в отдалении от городов. Например, по огромному Гдовскому уезду (200 верст в длину и 80 верст в ширину) насчитывалось почти 7,5 тыс. избирателей, а на выборы приехало только около 500. Из них к

[7] ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 9. Л. 271 об.

[8] Вестник партии народной свободы. 1906. № 5. С. 291.

[9] Там же. № 6. С. 463.

голосованию допустили только 359 чел. В результате выборов на съезд крупных землевладельцев было делегировано только 35 уполномоченных, хотя при высокой явке их могло быть в несколько раз больше. Как и в некоторых других уездах, в данном случае имела место национальная группировка избирателей: в уполномоченные избрали 19 русских и 16 эстонцев,[10] в подавляющем большинстве крестьян. Характерно, что не был избран ни один священник. Такой массовый недобор имел место повсеместно и значительно увеличивал шансы на землевладельческих выборах помещиков. Впрочем, на уездные съезды попало достаточно много крестьян для того, чтобы несколько из них могли пройти в выборщики. На съездах крупных землевладельцев уже наметилась та блокировка между кадетским помещичьим меньшинством и крестьянами, которая позволила кадетам одержать победу на губернских выборах. В том случае, если в выборщики грозили попасть октябристы, то кадеты голосовали за крестьян, а если крестьян было слишком мало, то они предпочитали голосовать скорее за кадетов, ведь именно последние на предвыборных совещаниях избирателей обещали им столь долгожданного перераспределения земли. Не в последнюю очередь благодаря этому пока еще слабо оформленному блокированию на уездных съездах октябристы потерпели сокрушительное поражение: из 14 выборщиков от землевладельцев было избрано только 3 октябриста и 1 правый. Кадеты провели 5 кандидатов, из 7 беспартийных «прогрессивного направления» большая часть представляла крестьян.

Одним из средств давления на выборы со стороны власти являлась практика устранения неугодных кандидатов с помощью опротестовывания их ценза или заведения на них уголовных дел (в основном по 129 ст. Уголовного уложения — преступная пропаганда). Кадетская «Речь» в статье с красноречивым названием «Разъяснительные сюрпризы» справедливо отмечала: «С удивительным постоянством комиссии (избирательные — А.К.) находят дефекты только в тех выборах, на которых прошли кандидаты оппозиции. [...] Администрация имеет право и возможность «разъяснить» и «устранить» любое, неугодное ей лицо».[11] Если в последующих избирательных кампаниях такие «разъяснения» происходили как правило на предварительных стадиях, то на выборах в I Думу очень часто уже избранные выборщики просто отстранялись от участия в губернских избирательных собраниях. Все это чрезвычайно скандализировало электоральный процесс. Так, на выборах в Петербургской губернии накануне избирательного собрания совершенно «неожиданно» ока-

[10] Вестник партии народной свободы. 1906. № 5. С. 291.

[11] Речь. 1907. 2 октября.

залось, что кадетские кандидаты в депутаты П.Н. Милюков и В.М. Гессен, уже благополучно избранные выборщиками по городской курии столичного уезда, находятся под судом по упомянутой 129-й статье. Более того, они были совершенно незаконно заменены октябристами, хотя закон допускал замену только в случае их добровольного отказа. Именно поэтому предварительное совещание выборщиков началось с единогласного протеста, который подписали даже выборщики-октябристы. Протест, конечно, не был главной целью предварительных совещаний. На них происходило знакомство выборщиков друг с другом, выяснялось политическое направление беспартийных, возможные точки соприкосновения. Предвыборные совещания являлись настоящими клубами политической грамотности не только для крестьян, но и других «диких» выборщиков. Здесь, как и на предварительных стадиях выборов, широко обсуждались основные проблемы политической жизни России, пропагандировались партийные программы и т.д. В Петербургской губернии в губернском собрании сформировалась многочисленная, но не имевшая абсолютного большинства группа кадетов, составлявшая порядка 20 выборщиков. Вместе с выборщиками различных мелких либеральных партий и беспартийными прогрессистами их было 24—25 человек. Другую значительную группу составляли беспартийные крестьяне (около 20 человек). Октябристы и беспартийные правые насчитывали лишь 7—8 человек[12] и могли рассчитывать на проведение хотя бы одного кандидата только в случае затяжной неподготовленной баллотировки. Наконец, среди 8 рабочих преобладали правые, поэтому кадеты практически сразу отказались от предоставления им даже 1 места. Разумеется, в этих условиях результаты выборов зависели от заключения договоренности между кадетами и крестьянами или хотя бы умелой популяризации своих кандидатов в крестьянской среде.

Как раз этому и были посвящены несколько предвыборных совещаний выборщиков, главным обсуждаемым вопросом на которых был аграрный. На собраниях выступали намечаемые кадетами кандидаты в депутаты А.С. Ломшаков, Н.В. Павлов и др. Связующим звеном между кадетами и крестьянами стал молодой крестьянский выборщик от Ямбургского уезда Павел Александрович Быстров, закончивший учительскую семинарию, преподававший в земских школах и накануне выборов устроившийся помощником классного наставника 1-го реального училища в Санкт-Петербурге. На основе популяризации кадетской программы партийным активистам удалось склонить значительную часть крестьян на свою сторону. Хотя

[12] См.: РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 37а. ЛЛ. 116—123.

кадетам и не удалось провести всех заранее намеченных кандидатов, тем не менее, результаты выборов были благоприятны чрезвычайно благоприятны для них: депутатами Думы стали 2 кадета, избранные по городской курии и упомянутый Быстров, избранный в качестве отдельного крестьянского представителя. В Думе он присоединился к кадетской фракции. Партийными депутатами были: член ЦК кадетов, профессор Политехнического университета А.С. Ломшаков, фигурировавший в числе намеченных кандидатов и прошедший относительным большинством земский врач из Царского Села Н.А. Колпаков, избрание которого явилось неожиданностью для самих кадетов. Выборы последнего можно объяснить скорее личными симпатиями и необходимостью избрать все положенное количество депутатов, чем заранее организованным голосованием.

Победа кадетов на выборах в I Государственную думу в Санкт-Петербургской губернии явилась следствием множества факторов: подготовленностью партийного актива к проведению широкомасштабной агитационной кампании, значительной свободы агитации (особенно по сравнению с последующими выборами), лучшей, чем у противников организованностью партийных структур и, несомненно, созвучности партийных лозунгов протестному настроению избирателей.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Электоральный союз правых и октябристов во второй думской избирательной кампании на примере Владимирской губернии [1]

Во время выборов в первую Думу ни октябристы, ни правые лавры себе не снискали. Эта неудача вынудила обе политические силы во второй избирательной кампании попытаться пойти на сближение. К этому шагу их активно подталкивало и правительство, глава которого П.А. Столыпин, обещавший собрать «работоспособную» Думу, в сентябре 1906 г. заявил председателю Русской монархической партии (РМП) В.А. Грингмуту, «что выборы в новую Думу будут производиться по тому же закону, как и в первую, с тою только разницей, что тогда правительство совсем устранилось от выборов, а теперь — наоборот, будет стараться, чтобы выборы дали хороших людей», и попросил помочь ему.[2] Речь, видимо, как раз и шла о создании проправительственной коалиции правых и октябристов.

В.А. Грингмут согласился, но в переговорах о создании блока с «Союзом 17 октября» камнем преткновения стал еврейский вопрос. Говоря о возможном союзе с октябристами, лидер РМП потребовал от последних «высказаться ясно» против еврейского равноправия.[3] В январе 1907 г. В.А. Грингмут предложил своим потенциальным союзниками устроить идеологический диспут, чтобы те могли оправдаться по обвинениям «1) в полном равнодушии к Православной Церкви; 2) в желании ограничить самодержавие русского царя и 3) в стремлении предоставить евреям неограниченное равноправие во всей России». По его мнению, «эти три вопроса кладут такой резкий предел между всеми существующими в России партиями, с одной стороны», и монархистами с другой, что ни о каком слиянии правых с октябристами «и речи быть не может».[4] Однако «Союз 17 октября» отказался от политических дебатов, что дало В.А. Грингмуту повод заявить, что «октябристы увильнули», и возложить на них вину за возможную победу «кадетов» и «трудовиков».[5]

[1] Исследование выполнено при поддержке РГНФ проект № 14-11-33002.

[2] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 401.

[3] *Патрикеева О.А.* Правые на выборах во II Государственную думу: поиски союзников в предвыборной борьбе // Клио. 2003. № 3. С. 88.

[4] Собрание статей В.А. Грингмута. М., 1908. Вып. 4. С. 299—300.

[5] Там же. С. 303, 305.

Руководство «Союза 17 октября» также выражало определенные сомнения по поводу возможной коалиции с правыми. А.И. Гучков не без ехидства писал своему соратнику по партии Ю.Н. Милютину: «Истинно-русские люди совсем погубят просто русских».[6] А в интервью корреспонденту «Нового времени» он заявил: «Я лично только тогда не возражал бы против блока с монархистами, если бы эти последние... Как бы выразиться поточнее? — Ну, почистились бы что ли...». В.А. Грингмут отплатил А.И. Гучкову той же монетой: «Против вас, — сказал он, — мы решительно ничего не имеем; когда вы к нам придете, мы вам будем очень рады, но только сначала всем вам надо очень и очень почиститься». Оппозиционный журналист язвил по поводу этого инцидента: «Я не берусь, конечно, судить, в какой мере вообще возможен этот «банный блок», но полагаю, что ни Петрушка-октябрист, ни Петрушка-монархист ни на какие уступки идти не склоны» и значит «будущий историк русского парламента, отмечая неудачу правых партий при выборах во вторую Государственную думу, получит возможность сказать: Если бы г. Грингмут не отверг мочалки октябристов, а г. Гучков не отринул веника монархистов, то ход русской истории мог быть и иным...».[7]

П.А. Столыпин попытался склонить к блоку с октябристами и крайне правый СРН. В начале сентября 1906 г. в Петербурге завершился съезд председателей отделов Союза, резолюции которого, ввиду отсутствия на тот момент императора, отдыхавшего в Финляндских шхерах, были представлены П.А. Столыпину. Последний предложил союзникам создать предвыборный блок с октябристами, правда, попросив присутствующих «не оглашать слышанного от него».[8] Однако съезд несколькими днями ранее уже отверг эту идею. Не поддержал ее и Главный Совет СРН. И здесь яблоком раздора стал еврейский вопрос. «“Союз 17 октября” стоит за равноправие евреев», — поясняло «Русское знамя».[9] А в декабре это издание констатировало: «Вступать в “блок” с партией «17 октября» Союзу нет ни малейшего основания, и вряд ли этот “блок” сможет повлиять на выборы в желательном для него смысле... Не нам вовсе нужен этот “блок”, а октябристам, которые отлично сознают, что они без посторонней помощи проникнуть в Думу не могут, так как с одной стороны, они не пользуются, как “Союз русского народа” сочувствием народных масс, а с другой — в применении всякого рода тактичес-

[6] *Патрикеева О.А.* Указ. соч. С. 88.

[7] Владимирец. 1906. 15 декабря.

[8] *Соколов В.П.* Страшная правда: обзор управления П.А. Столыпина. СПб., 1907. С. 13.

[9] Русское знамя. 1906. 21 ноября.

ких приемов они не дошли еще до той степени виртуозности, как партии, стоящие левее их».[10]

И хотя политические оппоненты правых и октябристов не видели между ними особой разницы (В.И. Ленин писал, что накануне выборов трудно определить, где «кончается черносотенец и начинается октябрист»[11]) все же идеологические разногласия и личные амбиции партийных лидеров стали непреодолимым барьером на пути межпартийного соглашения СРН и «Союза 17 октября». Однако на региональном уровне дело обстояло несколько иначе. Обе стороны на местах, сознавая, насколько малы их шансы одолеть оппозицию, стремились их увеличить созданием избирательных блоков. Руководство правых, не в силах повлиять на этот процесс (а может, и не особенно желая этого), вынуждено было постфактум одобрить местные соглашения, объясняя это наличием в рядах октябристов «массы членов, которые веруют также, как и чистые монархисты» (А.И. Дубровин) или хотя бы «тайных или бессознательных монархистов», которых следует привлечь на свою сторону (В.А. Грингмут).[12]

Одним из регионов, в которых была предпринята попытка создания предвыборной коалиции правых и октябристов, стала Владимирская губерния. К началу второй думской избирательной кампании во Владимире действовали отдел СРН (председатель В.М. Корякин, открыт 14 февраля 1906 г.)[13] и отдел «Союза 17 октября» (председатель Н.Н. Сомов, открыт в марте 1906 г.).[14] К осени 1906 г. между владимирскими октябристами и монархистами установились достаточно близкие отношения. С ноября 1906 г. они начали совместное издание печатного органа — газеты «Владимирский край». Редактором издания сначала был октябрист А.П. Виноградов, а с 23 ноября 1906 г. (с № 17) — правый П.И. Протасевич.

23 ноября газета с тревогой сообщила, что на предстоящих выборах «местные отделы кадетской и с.-демократической партий будут действовать заодно и решили одно место в Думу от губернии уступить непременно эсдеку»,[15] и предложила объединить свои силы правым и октябристам. 3 декабря на областном съезде СРН, председателем которого вместо отказавшегося В.М. Карякина был избран П.И. Протасевич, этот вопрос был вынесен на обсуждение. Мно-

[10] Русское знамя. 1906. 6 декабря.

[11] *Ленин В.И.* ПСС. М., 1960. Т. 14. С. 26.

[12] Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 268, 290.

[13] ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2797. Л. 4.

[14] Владимирский край. 1907. 9 января.

[15] Владимирский край. 1906. 23 ноября.

гие представители низовых организаций, не зная позиции руководства губернского отдела, выступали против создания коалиции с октябристами. В кулуарах звучали довольно резкие высказывания: «Октябристы все буржуи, купцы, — говорили русские люди, — нам их не надо».[16] Подобные мотивы звучали и в выступлениях делегатов. Так, представитель Коврова, приводя «все доводы за и против предвыборного блока между “Союзом 17-го октября” и “Союзом русского народа”... высказал мнение, что нет надобности в блоке».[17] Однако председатель П.И. Протасевич «справедливо заметил, что вопрос этот по существу решен уже киевским всероссийским съездом (в октябре 1906 г. — И.О.) в положительном смысле и доказал, что иного решения и не могло быть, с чем согласился как оратор, так и все остальные делегаты».[18]

7 января вопрос о создании предвыборной коалиции обсуждался на соединенном собрании СРН и «Союза 17 октября». Докладчик от монархистов, товарищ прокурора Владимирского окружного суда В.К. Кулибин, доказывая «всю опасность, если в Г[осударственную] думу пройдут «кадеты» или «мирнообновленцы»... призывал голосовать за кандидатов союза русского народа и союза 17 октября».[19] Правда, один из выступавших, М.В. Байкусов, ради создания коалиции несколько переусердствовал. В своем выступлении он «заговорил о необходимости ответственного министерства, чем привел в ужас Корякина и Ко».[20] Об этом казусе писали и либеральные «Ковровские вести».[21] После этого «Владимирский край» вынужден был напомнить всем, что заключение предвыборного блока «не знаменует отказ от собственной программы: у каждого остается своя — это только временное соединение, чтобы общими силами ударить на общего врага, подкапывающего под наше отечество и ненавидящего самое имя “русский”».[22]

Если на местном уровне правые ради победы были готовы пойти на компромисс, то руководство СРН больше заботила чистота знамен, нежели успех на выборах. Так, 9 января газета «Русское знамя» опубликовала циркуляр, в котором напоминала местным организациям постановление сентябрьского 1906 г. съезда представителей отделов «о том, чтобы не вступать ни в какие предвыборные

[16] Владимирец. 1906. 6 декабря.
[17] Владимирский край. 1906. 5 декабря.
[18] Там же.
[19] Владимирский край. 1907. 9 января.
[20] Владимирец. 1907. 10 января.
[21] Ковровские вести. 1907. 14 января.
[22] Владимирский край. 1907. 9 января.

соглашения ни с октябристами, ни с какими-либо другими партиями, преследующими цели, не совместимые с задачами Союза». В циркуляре подчеркивалось, что октябристы «помимо «конституции» стоят за так называемое «равноправие» иудеев, которое, как вы сами знаете, будет вовсе не равноправием, а владычеством иудеев над русским народом». Интересно, что в этом документе руководство СРН косвенно признало, что не в силах повлиять на позицию местных организаций, возложив на них вину за возможные последствия блока с октябристами: «Помните вы, которые идете с ними в соглашение, что если в Государственной думе пройдет закон о «равноправии» иудеев, то этот великий грех перед родным нашим народом будет лежать тяжелым камнем на вашей совести».[23]

Но владимирские монархисты не вняли грозному циркуляру. Главное разногласие правых и октябристов — «разность во взгляде, является ли Манифест 17 октября 1905 г. Актом конституционным или нет — не может иметь крупного практического значения. Ведь если монархисты считают власть царскую самодержавной и неограниченной, то и октябристы не добиваются дальнейшего ее ограничения», — объяснял позицию местных правых «Владимирский край».[24] Даже, в казалось бы, при неустранимом разногласии по еврейскому вопросу, причиной которого послужило «недавно включенное октябристами в свою программу модное требование равноправия евреям», правые надеялись, что «уступка со стороны октябристов, конечно, слишком не заинтересованных, в том, чтобы отдать русское население в кабалу пронырливым сынам Израиля — вполне возможна».[25]

Однако октябристы не спешили оправдывать надежды правых, и вопрос о коалиции решили сначала обсудить на собрании, состоявшемся 10 января. Присутствовали около 130 человек, получивших специальные приглашения. Избранный председателем собрания А.П. Виноградов (Н.Н. Сомов отказался) заявил, «что к блоку с “Союзом русского народа” надо относиться в данный момент крайне осторожно и прежде проверить его силу». Но «особенно нетерпимым к блоку оказался г. В.М. Тарасов», высказавший свои симпатии к кадетам и их программе. Однако другой выступавший — советник Владимирского губернского правления В.В. Финне — «доказал собранию необходимость скорейшего соединения “Союза 17 октября” с “Союзом русского народа”, хотя и при раздельномирном исповедывании своих идей, дабы устранить победу революционных кадетов». Его поддержали А.И. Куроедов и «вставший из

[23] Русское знамя. 1907. 9 января.

[24] Владимирский край. 1907. 6 января.

[25] Там же.

ряда публики» В.А. Златовратский. «С их доводами собрание, по-видимому, согласилось», — полагала газета «Владимирский край». Однако вместо постановления о предвыборном блоке, октябристы ограничились созданием комиссии для «определения численности» СРН, а также назначением на 14 января еще одного собрания «для обсуждения вопроса о желаемом соединении союзов».[26]

Накануне этого решающего собрания в городе по улицам были «расклеены воззвания Союза 17 октября, коими граждане призываются голосовать в Государственную думу за членов этой партии и не голосовать за крайние партии... т.е. за союз русского народа». «Воззвания», как сообщала местная кадетская газета, «московского происхождения».[27] Вероятно, они сыграли определенную роль в формировании позиции местных октябристов. Ставший к этому времени их руководителем А.П. Виноградов[28] в своем выступлении на собрании 14 января вину за срыв коалиции возложил на монархистов, так как якобы СРН отказался предъявить списки своих членов-выборщиков. Это вызвало шум с задних скамей. «Поднялся г. Финне и заявил, что вопрос о блоке вовсе не был решен на прошлом собрании, а было постановлено только подсчитать число выборщиков, входящих в состав союза русского народа и просил дать высказаться ему и другим желающим... но г. Виноградов заявил, что большинством блок отвергнут».[29]

Монархисты, узнав о таком решении своих контрагентов, заявили, что СРН «со своей стороны искренне желал войти в один блок с октябристами и, откидывая свое тщеславие и самолюбие, готов был сделать всевозможные уступки, лишь бы последовало объединение обеих союзов в один блок». Однако, «к удовольствию левых партий, Владимирский отдел “Союза 17 октября” не пожелал вступить на предстоящих выборах» в коалицию с СРН.[30] Правда, в октябристском списке кроме умеренных мануфактур-советника А.Л. Лосева, Владимирского городского головы Н.Н. Сомова и священника Спасской церкви, законоучителя Мальцовского училища А.А. Владычина, оказались и два представителя правого крыла партии, выступавших за блок с монархистами — советник Владимирского губернского правления В.В. Финнеи потомственный почетный гражданин Г.А. Пышкин,[31] что давало представителям СРН повод поддержать список октябристов, сохранив свое лицо.

[26] Владимирский край. 1907. 12 января.
[27] Владимирец. 1907. 14 января.
[28] Там же.
[29] Владимирский край. 1907. 16 января.
[30] Владимирский край. 1907. 20 января.
[31] Владимирский край. 1907. 21 января.

Кадетский «Владимирец» предсказывал, «что “союзники”, скрепя сердце, решат без всякого блока голоса свои отдать октябристам» так как «выступать с своим списком союз русского народа конечно не решится. Ведь заправилы его знают хорошо, что хотя для «публики» и кричат: «за нас все население», но членов у них на самом деле несколько дюжин».[32] Однако монархисты все же пошли на выборы с собственным списком, правда, включив в него наряду с двумя членами СРН (купцом Н.Д. Свешниковым и В.К. Кулибиным) трех (!) кандидатов-октябристов — А.Л. Лосева, В.В. Финне и А.А. Владычина.[33] На собрании СРН, проходившем 27 января 1907 г., объяснить такой шаг со стороны Союза взялся некто «беспартийный», заявивший «что это произошло не оттого, чтобы существовало предвыборное соглашение, так как оно на самом деле не состоялось, и не от того, чтобы эти кандидаты участвовали в обоих союзах, а оттого, что союз русского народа, сознавая всю важность предстоящего момента, отбросил партийное самолюбие и не желал дробить голоса».[34]

Правые не допускали, что отказ октябристов от блока был вызван надеждой последних «одержать победу на выборах одними своими силами». Не думаю, чтобы хотя на минуту можно было с их стороны допустить столь наивное предположение», — писал «Владимирский край». Другие возможные мотивы — «презрение к союзу русского народа как к черносотенцам» и «желание через разрыв блока с ними обелить себя в глазах левых «прогрессивных» партий», по мнению газеты, также «едва ли стали определяющими, так как «для кадетов и прочих левых партий октябристы те же черносотенцы, как и члены союза русского народа...».[35] Причины провала предвыборного соглашения монархисты увидели исключительно «в руководителях “Союза 17 октября”, которые по непонятным для нас причинам, с самого начала к предложению Союза русского народа... отнеслись скептически и отрицательно. Это обстоятельство, по-видимому... и было той искрой, благодаря которой возникла между правыми партиями та непростительная перед выборами полемика, основанная на личных счетах и недоразумении... Затем уже как неизбежное следствие этой полемики появился, как мы видим, раскол...».[36] Однако либеральный «Владимирец», указывал, что причиной отказа октябристов от соглашения с правыми стали неумеренные аппетиты пос-

[32] Владимирец. 1907. 17 января.
[33] Владимирский край. 1907. 25 января.
[34] Владимирский край. 1907. 31 января.
[35] Владимирский край. 1907. 20 января.
[36] Там же.

ледних, требовавших в списке «2—3 местечка», при наличии членов всего с «пол-сотни».[37]

Результаты выборов оказались разочаровывающими для обеих политических сил. Получивший наибольшее количество избирательных записок кандидат от правых В.К. Кулибин, занял лишь 11-е место. Октябристы, хотя и сумели провести в выборщики одного общего с монархистами кандидата А.Л. Лосева, победу которого предопределило преимущество всего в два голоса (720 против 718 у занявшего 6-е непроходное место П.П. Булыгина), также не могли записать эти выборы себе в актив, так как остальные места в списке выборщиков получили представители оппозиции — К.К. Черносвитов, Н.М. Иорданский, Н.Н. Овчининский и Г.Г. Козлов.[38]

Характерно, что в других городах губернии правые и октябристы, пойдя на выборы с раздельными списками, также не смогли добиться успеха. Так, в Иваново-Вознесенске монархисты в свой список наряду с тремя представителями самодержавно-монархической партии (председателем И.П. Борисовым, казначеем А.Р. Фельдманом и М.Т. Кашиным) внесли и двух беспартийных кандидатов — хлеботорговца Н.И. Куражева и фабриканта П.Н. Дербенева.[39] Последнему и удалось пройти в выборщики, где компанию ему составили три кадета (А.П. Иванов, В.Ф. Каулен, И.В. Шеберстов) и мирнообновленец (С.Н. Полушин).[40] Если ивановские монархисты праздновали хотя бы локальный успех, то местные октябристы, несмотря на свое партийное «первородство» (отдел их партии под названием «Партия манифеста 17 октября» стал первой легальной партийной организацией в городе[41]), идя на выборы своим списком, потерпели сокрушительное поражение, не сумев провести в выборщики ни одного своего кандидата. Не сложился правооктябристский избирательный дуэт и в Шуе, а «соло» обеих партий не вызвало «аплодисментов» у местного электората: «Скандально провалившись на прошедших выборах «Союз 17 октября», прежде самоуверенный и гордый — теперь не выступает...», — писали «Ковровские вести».[42] Не преуспели и монархисты — в выборщики прошли только кандидатуры, выставленные «прогрессивными избирателями».[43]

---

[37] Владимирец. 1907. 17 января.

[38] Владимирский край. 1907. 30 января.

[39] Владимирец. 1907. 10 января.

[40] Владимирский край. 1907. 31 января.

[41] *Соловьев К.А.* «Союз 17 октября» // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 609.

[42] Ковровские вести. 1907. 28 января.

[43] Владимирский край. 1907. 31 января.

В конечном итоге членами Думы от Владимирской губернии стали три кадета (А.О. Горев, Н.М. Иорданский[44] и К.К. Черносвитов[45]), два трудовика (Ф.П. Герасимов и Г.И. Ситников[46]) и большевик (Н.А. Жиделев[47]).

Таким образом, во Владимирской губернии, несмотря на объективные факторы, способствовавшие сближению «Союза 17 октября» и СРН (у первого была очень узкая электоральная база, у второго отсутствовали влиятельные региональные лидеры), личные амбиции руководителей, а также принадлежность обеих партий к доктринальному типу (по типологии З. Ньюмена), в деятельности которого доминирует защита чистоты своих идеалов и принципов, не позволили состояться столь выгодному для обеих сторон избирательному блоку. Но даже отсутствие формального соглашения не помешало этим политическим силам пойти на определенные уступки — во Владимире октябристы выделили в избирательном списке места для представителей правого крыла своей партии, а монархисты включили в свой список трех представителей Союза 17 октября. Однако для победы такого «полублока» оказалось недостаточно, и губерния делегировала в Думу только представителей оппозиции.

[44] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 138, 222.

[45] *Николаев А.Б.* Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 675—676.

[46] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 127, 559.

[47] Там же. С. 191.

В.Л. ЗЕМЛЯНСКИЙ

Организация выборов в Государственную думу на территории Приморской области в 1906—1912 гг.

В 1905 г. население Дальнего Востока вместе со всей страной узнало о создании представительного органа власти. Однако в изданном 6 августа 1905 г. «Высочайше утвержденном положении о выборах в Государственную думу» не упоминалось количество выборщиков от дальневосточных областей. Начиная с октября 1905 г. отдельно для губерний и областей Сибири и Степного края стали публиковаться «Правила о применении Положения о выборах в Государственную думу».[1] В апреле 1906 г., позже всех областей восточной части России, были опубликованы законодательные акты, регулирующие проведение выборов на Дальнем Востоке России.

О настроении части сельского населения на известия о выборах в Государственную думу может свидетельствовать приговор общества граждан поселка Сальского (Донской станичный округ Уссурийского казачьего войска) от 24 декабря 1905 г. Крестьяне на поселковом сходе, в составе 46 человек, обсудили существующее положение дел в стране. В приговоре отмечалось, что император дал «русскому народу, для лучшего развития нашей родины, возможность самому управлять Россией через доверенных людей, а не через одних чиновников, за что можно только благодарить Царя Батюшку и воспользоваться этой милостью».[2]

В приговоре с уверенностью говорилось, что царь поручил правительству в кратчайшие сроки созвать Государственную думу (ссылаясь на газеты, указывался даже срок — 15 января 1906 г.), но в этом Николаю II мешали «враги родины». По мнению жителей Сальского, забастовщики препятствовали крестьянам избрать Думу, которая издаст законы и «уберет то начальство, которое негодно для России». Итогом приговора стало предложение жителей поселка объединиться населению деревень в союз, который бы замещал стачечников и просил о скорейших выборах «своих депутатов» в парламент.

В 1905 г. приамурский генерал-губернатор Р.А. Хрещатицкий выразил министру внутренних дел П.Н. Дурново свое желание иметь от Дальнего Востока 10 депутатов в Государственной думе.[3] Р.А. Хре-

[1] *Родионов Ю.П.* Сибирь в законодательстве о выборах в Государственную думу (начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 40.

[2] Приамурские ведомости. 1906. 14 января.

[3] Приамурские ведомости. 1906. 3 января.

щатицкий указывал на значение Приамурского края, которое «является залогом нашего [России] политического могущества на Дальнем Востоке», также отметив разнообразие областей Приамурья. По плану Приамурского генерал-губернатора Амурская, Приморская и Забайкальская области должны были избрать 2 депутатов от каждой области. Один депутат представлял бы крестьянское население области, а второй выражал интересы частных землевладельцев, населения городов и представителей торгово-промышленного класса.

Казакам предлагалась выбрать 2 депутатов: одного представителя от Забайкальского казачества и одного совместно от Амурского и Уссурийского казачьих войск. Бурятам намечалось провести одного депутата, так как они (около 200 тысяч человек) составляли треть населения Забайкальской области и у них действовало положение о крестьянском самоуправлении.

Наравне с Европейской частью России, где некоторым городам предоставлялось право выбора своих представителей в Государственную думу, Р.А. Хрещатицкий предложил включить в это правило Владивосток, настаивая на том, что столица Приморской области является «главным военным и торговым портом в Тихом океане, имеющем не только местное, но и огромное общегосударственное значение». Касательно Северного Сахалина была высказана мысль, что если северная часть острова перестанет быть местом ссылки, а примет переселенцев, то и островитянам нужен будет свой депутат в Государственной думе.

Общественность столицы Приморской области также желала видеть своего представителя в Государственной думе. На имя председателя Совета министров С.Ю. Витте от имени Городской думы Владивостока была отправлена телеграмма, в которой высказывалась просьба иметь городу отдельного от Приамурского края представителя в парламенте, указывая на такое право других городов.[4] С.Ю. Витте ответил, что ходатайство от города Владивостока будет передано Особому совещанию, которое занималось этой проблемой. В конечном счете, все проекты о расширении представительства Дальнего Востока в Государственной думе оказались неосуществимыми.

22 апреля 1906 г., за пять дней до открытия первого российского парламента, Николай II подписал «Высочайшие утвержденные Правила о применении к областям Амурской, Приморской и Забайкальской Положения о выборах в Государственную думу и дополнительных к нему узаконений».[5] Согласно «Правилам», инородцам Дальнего Востока было отказано в участии в выборах, только бурятам

[4] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 294. Л. 2.
[5] ПСЗ-3. Т. XXVI. 1906. №№ 27173—28753.

было разрешено избрать одного представителя в Государственную думу. Двух представителей избирали Забайкальское и совместно Амурское и Уссурийское казачьи войска от всех казачьих станиц. Трех депутатов выбирали три дальневосточные области (депутат представлял сельское и городское население области). Из избирательного процесса исключались северные уезды Приморской области (Охотский, Гижигинский, Петропавловский, Анадырский) и Командорские острова. Жители этих территорий, обладающие цензом, могли участвовать в съезде городских избирателей в Николаевске-на-Амуре. Отдельно отмечалось, что население Сахалина в выборах не участвует.

На примере Владивостока можно проследить процедуру проведения выборов в Государственную думу в городских поселениях Дальнего Востока. Городская управа после получения извещения от военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга о начале составления списка городских избирателей отправила запросы казенным и частным учреждениям для того, чтобы они прислали данные о состоящих на службе лицах, имеющих право принимать участие в выборах члена в Государственную думу. Организации, учреждения и предприятия присылали списки с основаниями, по которому гражданин имел право участия в выборах. После получения данных они проверялись и избирателей включали в общегородской список.

Городскому самоуправлению приходилось разъяснять различным организациям правила включения граждан в списки городских избирателей. В городской управе Владивостока имелось ограниченное количество материалов, связанных с производством выборов в Государственную думу. На просьбу Владивостокского крепостного инженерного управления прислать им правила о выборах в парламент управа ответила, что у них имеется только один экземпляр.[6]

14 июля 1906 г. военный губернатор Приморской области попросил городского голову Владивостока о приостановке производства выборов в парламент, так как 9 июля последовало повеление о роспуске Государственной думы.[7] В итоге области Дальнего Востока не успели выбрать депутатов.

Спустя непродолжительное время после роспуска Государственной думы первого созыва началась подготовка к новым думским выборам. В октябре 1906 г. военный губернатор Приморской области сообщил Владивостокскому городскому голове об изданных разъяснениях Сената. В этом документе перечислялись лица, имеющие право принимать участие в выборах по цензу имения в собственности недвижимости; указывались категории рабочих, которые не под-

[6] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 294. ЛЛ. 25—25 об.
[7] Там же. Л. 8.

лежали внесению в списки городских и сельских избирателей.[8] Но и разъяснение Сената потребовало пояснения со стороны В.Е. Флуга. Владивостокскому градоначальнику разъяснялось, что в виду отсутствия в области особого представительства для рабочих по выборам в парламент, рабочие могут осуществить свое право участия в выборах по цензу владения недвижимым имуществом или квартирному в случае найма ими квартиры на своё имя.[9]

Во время составления списков городских избирателей обнаружилось, что горожане южного Приморья, живущие вне городов, по цензу могли попасть сразу в три избирательных списка (по Владивостоку, городу Никольск-Уссурийскому и по Южно-Уссурийскому уезду). Поэтому Южно-Уссурийская уездная по делу о выборах в Государственную думу комиссия в декабре 1906 г. просила Владивостокскую городскую управу отправить фамилии внесенных в списки живущих вне города избирателей.[10]

Более серьезной проблемой, чем путаница в избирательных списках, оказалась отсутствие в Приморской области Уссурийского уезда, в котором должны были избрать двух выборщиков — одного от волостей и сельских участков, а второго — от городских избирателей. Военный губернатор Приморской области докладывал об этой ситуации Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру. Генерал-губернатор отвечал, что расписание выборщиков и распределение их по уездам и съездам не подлежит изменению. Тогда В.Е. Флуг дал указание, чтобы избиратели, не относящиеся к казачьему сословию, были включены в списки избирателей соседних уездов.

Председатель Владивостокского окружного суда по вопросу о выборах в «Уссурийском уезде» высказал мнение, что если существует возможность, то лучше произвести отдельные выборы в данной местности. Проблема заключалась в том, что на территории, называемой Уссурийским уездом, располагались земли Уссурийского казачьего войска, где крестьянские поселения отсутствовали. Как заключил военный губернатор, «при таких условиях выборщиков от волостей или участков в этом районе и не может быть». В итоге, избиратели по цензу торговли и государственной службы могли использовать свои права в съезде городских избирателей Никольск-Уссурийского и Хабаровска.[11]

В конце января 1907 г. началось избрание выборщиков в Приморской области. Как следует из протокола проведения выборов во

[8] РГИА ДВ. ЛЛ. 92—93.
[9] Там же. ЛЛ. 97—97 об.
[10] Там же. Л. 117.
[11] Там же. ЛЛ. 346—346 об.

Владивостокском городском избирательном собрании, составленном 28 января 1907 г., процедура избрания выборщиков прошла без серьезных эксцессов (зафиксированы случай прихода на участок для голосования молодых людей, которым не исполнилось 25 лет и попытка гражданина проголосовать без предъявления удостоверения личности). Всего во Владивостоке было подано 1594 избирательные записки.[12]

Выборщиками от Владивостока были избраны Н.П. Матвеев (с результатом 1161 голос) и Л.Е. Чернов (883 голоса). Ф.Е. Манаев (получил 1011 голосов) на основании решения Южно-Уссурийской уездной комиссии по делам о выборах в Государственную думу от 19 января 1907 г. из списка избирателей был исключен.[13] Таким образом, выборщик, занявший 2-е место в городском избирательном собрании, исключался из борьбы за кресло в парламенте России. В результате действий местных властей, в частности в вопросе о праве Ф.Е. Манаева (за которого агитировали социалисты) быть выборщиком, Приморская область вновь осталась без представительства в Государственной думе.[14]

Вместе с роспуском II Государственной думы последовал новый избирательный закон от 3 июня 1907 г., который способствовал увеличению представительства от состоятельных слоев общества. Одним из новшеств «третьеиюньского переворота» было деление городских избирателей на две курии. Владивостокская городская управа в объявлении по поводу начала составления избирательных списков упомянула об этом правиле. В ответ на это сообщение Приамурскому генерал-губернатору пришлось объяснить, что в Приморской области это правило не действует и во Владивостоке не будет «первого и второго съездов городских избирателей».[15]

В городском списке избирателей, имевших право участвовать в выборах по городу Владивостоку, числилось 3034 человека.[16] 17 сентября 1907 г. в избирательном собрании была подана 1061 записка.[17] Большинство голосов получили Ф.Е. Манаев, П.А. Малышко, В. Комаров и П.Н. Емельянов.[18] Прошедшие выборы Южно-Уссурийской комиссии по выборам в Государственную думу комиссией были

[12] РГИА. ЛЛ. 346—346 об.

[13] Там же. Л. 444.

[14] *Кочеткова И.С.* Выборы в Государственную думу на Дальнем Востоке России (1907—1912 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 7.

[15] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 311. Л. 50.

[16] Там же. Л. 319.

[17] Там же. Л. 464.

[18] Там же. Л. 459 об.

признаны недействительными, так как комиссия посчитала, что из четырех избранных выборщиков трое из них были неправильно внесены в избирательные списки. Только П.А. Малышко был признан выборщиком от Владивостока. Новые выборы во Владивостоке состоялись 14 октября 1907 г. Во время голосования было подано 637 избирательных записок.[19]

25 октября 1907 г. в Никольск-Уссурийском состоялось открытие областного избирательного собрания выборщиков члена в III Государственную думу от Приморской области. На момент открытия собрания присутствовали все избранные выборщики в количестве 21 человека.[20] После прочтения председателем законов, касающихся процедуры выборов депутата, часть выборщиков объявила о желании сделать перерыв для согласования единой кандидатуры для избрания депутатом от Приморской области, с чем не согласились другие выборщики. По результатам голосования с перевесом в один голос (11 против 10 выборщиков) победила группа, заявившая о необходимости перерыва. По итогам голосования победу одержал А.И. Шило, который набрал 15 избирательных и 5 неизбирательных голосов.

В Хабаровске в избирательном собрании выборщиков от станиц Амурского (АКВ) и Уссурийского казачьих войск (УКВ) участвовали 19 человек (из 22 избранных) от амурского и 8 выборщиков (из 12 избранных) от уссурийского казачества.[21] Депутатом был избран Н.А. Маньков,[22] который получил 16 избирательных и 10 неизбирательных голосов.

Сложнее обстояла ситуация с выборами членов IV Государственной думы. 20 октября 1912 г. в городе Никольск-Уссурийском в областном избирательном собрании выборщиков Приморской области прошли выборы депутата IV Думы. Из 21 выборщика 3 к моменту открытия Собрания не явились (от Никольск-Уссурийского уезда — крестьянин села Сысоевки Л.С. Омельченко, от Удского уезда — крестьянин села Мариинско-Успенского И.И. Марунич и от города Николаевска-на-Амуре — отставной коллежский секретарь Н.И. Шантаров). Л.С. Омельченко не прибыл на выборы по причине болезни, а Н.И. Шантаров из-за раннего прекращения пароходного сообщения.[23] Причина неявки И.И. Марунича не указывается, но если

[19] РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 311.

[20] РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 56. Л. 2.

[21] Там же. Д. 2. ЛЛ. 2, 5.

[22] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 356.

[23] РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 65. ЛЛ. 8, 8 об.

учесть, что село Мариинско-Успенское располагается на р. Амур, то можно предположить аналогичную Шантарову причину неявки. Депутатом IV Государственной думы от Приморской области (от городского и сельского населения, не принадлежавшего к числу инородцев и казаков) стал А.Н. Русанов,[24] получив 9 избирательных и 8 неизбирательных голосов.

20 октября 1912 г. в Хабаровске сорвались выборы депутата Государственной думы от Амурского и Уссурийского казачьих войск. Из 28 выборщиков в Хабаровск явились только 11 человек.[25] Все прибывшие являлись выборщиками от Уссурийского казачьего войска. Делегаты от амурского казачества из-за природных условий (раннего ледохода р. Амур) не смогли прибыть вовремя к началу выборов. Так как количество присутствующих выборщиков в собрании было меньше половины от избранных, то председатель собрания, основываясь на 121 статье Положения о выборах в Государственную думу, назначил новую дату выборов. Ко всему прочему военный губернатор Амурской области сообщил председателю собрания об увеличении количества выборщиков от амурского казачества на 6 человек, то есть АКВ располагало 22 голосами.[26]

28 октября 1912 г. в избирательное собрание г. Хабаровска прибыли все 22 выборщика от АКВ и 10 человек от УКВ. Избранным в Государственную думу от Амурского и Уссурийского казачьих войск оказался казак Екатерининской станицы И.М. Гамов,[27] который получил 11 избирательных против 10 неизбирательных голосов. После избрания депутата уссурийское казачество заявило «о желании повергнуть к стопам его императорского величества верноподданнические чувства, с выражением благоденствия», к которому присоединились выборщики от Амурского казачьего войска. Как отмечалось в докладе председателя избирательного собрания, в выборах члена парламента от Амурского и Уссурийского казачьего войска каждое войско хотело избрать своего кандидата.

Таким образом, усилия местных властей в самом начале создания Государственной думы увеличить число представителей Дальнего Востока для процветания края оказались неудачными. В результате поздней организации выборов на территории восточной окраины России, представители от дальневосточных регионов отсутствовали

---

[24] *Николаев А.Б.* Русанов Александр Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 535.

[25] РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 2. Л. 6.

[26] Там же. Л. 6 об.

[27] *Николаев А.Б.* Гамов Иван Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 120—121.

в первых двух созывах Государственной думы. В самом процессе выборов случались неточности в составлении избирательных списков; в процессе выборов обнаружился несуществующий уезд, где должны были избрать выборщиков; а избирательная комиссия могла устранить не угодных властям кандидатов в члены Государственной думы.

Только в III и IV Государственной думе работали представители от Приморской области и дальневосточного казачества. В условиях численного перевеса выборщиков от АКВ на выборах в 1907 и 1912 гг. побеждал их кандидат. Проведение выборов в парламент Российской империи в Приморской области осложнялось отстранением от выборного процесса инородцев и жителей северных территорий области, совместного избрания представителя от Амурского и Уссурийского казачьих войск, а также удаленностью нахождения выборщиков от места проведения избирательного собрания.

Парламент, правительство, общество: опыт взаимодействия

П.И. КОСТОГРЫЗОВ

Л.А.Тихомиров: правый взгляд на думский парламентаризм

Создание Государственной думы стало важной вехой в политической истории России, положив начало развитию русского парламентаризма. Сам факт появления органа народного представительства был оценен положительно всеми политическими движениями, но то место, которое отводилось ему в государственном строе Российской империи, и направление его дальнейшей эволюции стало предметом острых дискуссий. Если либеральные партии связывали с Думой надежды на ускорение движения страны по «европейскому пути», то левые радикалы восприняли ее лишь как первую уступку со стороны самодержавия, за которой должны были последовать другие. Политики и мыслители правого лагеря выдвигали проекты преобразования Думы в духе большего соответствия национально-государственной традиции России.

Целый ряд статей посвятил Государственной думе известный публицист консервативного направления, видный теоретик монархической государственности начала XX в. Л.А. Тихомиров. Можно утверждать, что в его трудах мы имеем наиболее полное выражение оценки зарождающихся парламентских институтов со стороны правой части политического спектра России.

Тихомиров приветствовал создание органа народного представительства, о необходимости которого он сам писал задолго до грозных событий 1905 г. Вместе с тем он подробнейшим образом проанализировал недостатки нового учреждения и предложил пути к их исправлению.

Основными ошибками проведенной реформы государственного строя Империи Л.А. Тихомиров считал: 1. Стремление к ограничению царской власти властью народных представителей, выразивше-

еся в крайне противоречивой конструкции верховной власти, которая формально сохранялась за императором, но при этом устанавливались весьма узкие пределы ее действия в порядке верховного управления, а законодательные полномочия разделялись между монархом, Думой и Государственным советом; 2. Формирование Думы по принципу общегражданского представительства, не обеспечивавшее адекватного выражения интересов представляемых депутатами групп населения; 3. Отсутствие в руках Думы (и представительных органов на местах — земств) эффективных средств контроля над деятельностью исполнительной власти; 4. Возможность для думских фракций оказывать давление на правительство путем затягивания процесса принятия необходимых законов и утверждения бюджета; 5. Необоснованное заимствование ряда институтов западного парламентаризма (бикамерализм, депутатская неприкосновенность и др.).

Разумеется, ведущий политический мыслитель правового лагеря не мог ограничиться лишь констатацией недостатков «первой русской конституции». В ряде публикаций Л.А. Тихомиров представил собственный проект реформы народного представительства в правом, консервативно-монархическом духе, конечной целью которого было «поставить на принадлежащее ей место самодержавную власть и восстановить союз церкви и государства».[1]

Для этого он считал необходимой принципиально иную постановку взаимоотношений Думы и императорской власти. Л.А. Тихомиров указывал, что возможны два различных типа народного представительства: с одной стороны, представительство, воплощающее верховную власть народа, с другой — народное представительство при верховной власти монарха.[2] В России было необходимо и возможно именно представительство второго типа. Между тем новая редакция Основных Законов, провозглашая в ст. 4 верховенство императорской власти, в ряде других статей, прежде всего касающихся осуществления власти законодательной, имела тенденцию к ограничению прерогативы монарха в пользу Государственной думы и Государственного совета.

Это противоречие и считал необходимым устранить Л.А. Тихомиров. «Народ может обладать в государстве своим, действительно

[1] *Тихомиров Л.А.* О правой перестройке конституции // *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. М., 1999. С. 209; *Костогрызова Л.Ю.* Л.А. Тихомиров об отношениях церковной и государственной властей // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 4. С. 100—103.

[2] *Тихомиров Л.А.* Два типа народного представительства // *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. С. 191.

ему принадлежащим представительством только в том случае, если его представители не стремятся сделаться над ним господствующей властью, а эту опасность предотвращает лишь вручение верховной власти царю. Со своей стороны, для своего правильного действия Самодержавие в числе других условий необходимо нуждается в присутствии народного при себе представительства»,[3] — писал он.

Л.А. Тихомиров предлагал прежде всего восстановить в полном объеме неограниченную законодательную власть императора, а Думу преобразовать в орган действительного народного представительства при верховной власти, могущий служить выразителем мнений, интересов и желаний народа, обеспечивая реальную связь между царем и народом. Соответственно, основную задачу законодательства, устанавливающего состав, полномочия и порядок формирования представительных органов, он видел в обеспечении того, чтобы избираемые в них «были действительными представителями народа и находились с ним в связи и взаимном понимании». Это достижимо, полагал публицист, только в том случае, когда депутаты избираются «не от случайной массы избирателей, а от определенных групп населения».[4] Иными словами, Л.А. Тихомиров предлагал заменить общегражданское представительство сословно-социальным или корпоративным, идею которого он разрабатывал еще в более ранних своих работах и особенно детально — в «Монархической государственности». Среди преимуществ этой модели он указывал: более прочную связь депутата с представляемой группой населения и, как следствие, более адекватное выражение ее интересов; более тесное общение царя с народом, дающее верховной власти более полное представление о мнениях, желаниях и нуждах народа; предотвращение возникновения слоя профессиональных политиканов и свойственного общегражданскому представительству засилья партий, заглушающего действительный глас народа.

Хотя в межреволюционный период российское общество переживало глубокий кризис, порожденный форсированной модернизацией и выражавшийся, в частности, в распаде традиционных социальных структур (сословий, общин и т.д.), атомизации социума и маргинализации значительных групп населения, оно все же оставалось еще в достаточной степени структурированным. В этих условиях система корпоративного представительства не только была вполне жизнеспособна, но и могла стать реальной альтернативой той

[3] *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство // Там же. С. 135.

[4] *Тихомиров Л.А.* О реформе народного представительства // Там же. С. 185.

модели парламентаризма, которая нашла свое воплощение в Государственной думе 1906—1917 гг.

Также Л.А. Тихомиров считал необходимым расширить и углубить контроль народного представительства над действиями исполнительной власти: «Нынешние “избираемые лица” имеют право контролировать исполнительную власть только с точки зрения “закономерности” ее действий. Народное представительство при верховной власти... получило бы право контроля правительственной власти не только с точки зрения закономерности, но также целесообразности и успешности действий».[5]

Публицист совершенно справедливо говорил и о небходимости избавить Думу от рассмотрения огромного числа маловажных законопроектов, которые сами думцы называли «законодательной вермишелью»: «Нет никакой человеческой возможности рассмотреть горы законопроектов, которыми заваливаются члены [Государственной думы и Государственного совета]... Раз администрация подвергается ныне двойному контролю, она может получить более расширенные права, с тем чтобы законодательные учреждения не обязаны были тратить время на обсуждение таких “законов”... Понятие о законе должно быть сжато и очищено».[6]

Кроме того, Л.А. Тихомиров предлагал установить предельный срок обсуждения законов и особенно бюджета, чтобы исключить его использование думскими фракциями в качестве орудия давления на правительство. Большое значение он придавал и укреплению связей депутатов с избирателями. «Если желательно развивать у нас действительно народное представительство, то необходимо дать депутатам возможность не отставать от жизни представляемых ими групп и находиться с ними во взаимообщении. Для достижения этого нужно иметь время, свободное от законодательствования, и сокращение сроков сессий широко было бы вознаграждено улучшением качества работы народных представителей, более окруженных влияниями народного духа».[7]

Л.А. Тихомиров обращался со своим проектом не только к общественному мнению, но и к верхам Российской империи, в частности, к П.А. Столыпину в письме, написанном 5 июля 1911 г., незадолго до гибели адресата.

---

[5] *Тихомиров Л.А.* Два типа народного представительства // Там же. С. 193.

[6] *Тихомиров Л.А.* О реформе законодательных учреждений.// Там же. С. 189.

[7] Там же. С. 190.

Я.А. СЕДОВА

Рассмотрение законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения в Государственной думе и Государственном совете в 1910 году

Несмотря на то, что вопрос о национальной политике П.А. Столыпина, в том числе о политике в отношении Финляндии, хорошо освещен в исторической литературе,[1] важнейший закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» обычно рассматривается не в отдельности, а в рамках общего курса.[2] Между тем ход рассмотрения законопроекта в комиссиях и общем собрании Государственной думы и Государственного совета, а также изменения, внесенные Думой, представляют самостоятельный интерес. Кратко эти аспекты были рассмотрены в сборнике «П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы»,[3] однако формат этого издания не предполагает подробного описания и анализа обстоятельств, сопутствовавших принятию закона.

Законопроект, о котором идет речь, был составлен учрежденной в 1909 г. русско-финляндской комиссией под председательством государственного контролера П.А. Харитонова. При этом финляндские члены комиссии законопроект не одобрили и составили особое мнение.[4]

Законопроект устанавливал (ст. 1), что если касающиеся Финляндии законы касаются и Империи, то они издаются в порядке общеимперского законодательства. Внутренние же дела этого края решаются в порядке особого (финляндского) законодательства.

Общеимперский порядок законодательства означал проведение законопроектов через Государственную думу и Государственный совет с последующим утверждением монархом. Потому Финляндия получала представительство в имперских законодательных учреждениях: в Государственном совете — 1 члена по выборам от сейма, в Государственной думе — 4 по выборам от Сейма и еще 1 от русских подданных.

---

[1] См., напр.: *Аврех А.Я.* Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Бахтурина А.Ю.* П.А. Столыпин и управление окраинами Российской империи // Российская история. 2012. № 2. С. 108—120.

[2] См., напр.: *Кутафин О.Е.* Российская автономия. М., 2006.

[3] П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2-х т. 2-е изд. М., 2011. Т. 1. С. 735—736.

[4] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1159. Л. 19.

Законопроект содержал и перечень вопросов (ст. 2), подлежащих разрешению в общеимперском законодательном порядке, включавший 17 пунктов. По этим вопросам Сейму предоставлялась совещательная роль.

Правительство отмечало, что этот перечень — «не более как законодательная программа», принятие которой «отнюдь не означает приступа к немедленному осуществлению всех ее деталей». «Будет соблюдена постепенность и осторожность» в реформах. Указывалось, что «проект вовсе не задается планами ни нарушения внутренней автономии Финляндии, ни денационализации финнов, ни посягательства на их культуру. Все подобные толкования проекта неправильны и тенденциозны».[5]

Само внесение законопроекта в Государственную думу состоялось исключительным образом — повеление о внесении законопроекта исходило от императора (особый высочайший Манифест 14 марта 1910 г.). Тем же Манифестом Сейму предлагалось в месячный срок составить свое заключение по содержанию законопроекта для передачи Государственной думе и Государственному совету.

Сейм отнесся к законопроекту с негодованием. Был составлен даже не отзыв, а скорее письменное обращение к Николаю II. В самом документе оговаривалось, что это — не заключение Сейма, что Сейм свое заключение по этому вопросу давать не будет, так как законопроект идет неверным порядком и должен был быть передан Сейму не на заключение, а на рассмотрение. По мнению Сейма, не только в содержании, но даже в самом способе издания законопроекта уже содержалось нарушение финляндской конституции.[6]

Отметим необычные обстоятельства обсуждения этого законопроекта в думской комиссии. В первом заседании председатель комиссии обратился к сочленам с речью, в которой сообщил, что государь желает, чтобы комиссия работала «энергично».[7] Действительно, сторонники законопроекта, включая представителей правительства, попросту молчали, не отвечая на доводы оппозиции и не давая ей затягивать рассмотрение вопроса бесконечными спорами. Оппозиция была возмущена этим молчанием, и в начале третьего заседания было оглашено ее заявление об отказе принимать участие в дальнейшей работе.[8] Без оппозиции работа пошла действительно «энергично». Комиссия не обсуждала ни вопрос о государственности Фин-

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1159. Л. 19.

[6] Там же. ЛЛ. 355—384 об.

[7] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. IV. Стб. 2533.

[8] Голос Москвы. 1910. 1 мая.

ляндии, ни вопрос о том, есть ли в Финляндии особая конституция. Единственный юридический вопрос, которым задалась комиссия, — это о праве общеимперской государственной власти на издание законов, распространяющих свое действие на Финляндию. На основании прецедентов этот вопрос был решен утвердительно.[9]

Что касается Государственного совета, то, благодаря ясно выраженной воле Николая II, это учреждение, затягивавшее рассмотрение всех существенных реформ Правительства Столыпина, в данном случае тоже работало «энергично», причем настолько, что начал рассмотрение законопроекта в комиссии еще до того, как по нему начались прения в Государственной думе.

Перед началом рассмотрения законопроекта в Государственной думе его сторонники обвиняли оппозицию в намерении организовать обструкцию, чтобы не дать рассмотреть финляндский законопроект в текущую сессию. Поэтому председатель комиссии по финляндскому вопросу П.Н. Крупенский заранее заявил одному из журналистов, что будут найдены средства для борьбы с обструкцией.[10] Впрочем, единственным оратором, чьи действия давали серьезный повод говорить об обструкции, был П.Н. Милюков, то и дело появлявшийся на кафедре. Милюков мастерски владел финляндской темой («Я был хорошо вооружен знанием специальной литературы о предмете», — писал он впоследствии[11]), и, возможно, ему просто захотелось на этом законопроекте развернуться во всю ширь своего красноречия. Однако некоторые его пассажи действительно заставляют предположить искусственное затягивание речи.[12]

Главной из мер, предпринятых большинством для ускорения прохождения законопроекта, было предложение комиссии признать законопроект спешным, т.е. провести его по упрощенной процедуре. Как правило, в практике III Думы спешность применялась к вермишельным законопроектам, поэтому оппозиция заявляла, что проект «поставлен был на один уровень с законодательными мелочами»[13] и «проводится «вермишельным» способом».[14]

Возмущение оппозиции по поводу признания законопроекта спешным нельзя назвать справедливым: применить спешность к вопросу особой важности более корректно, чем признать якобы спеш-

[9] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1159. ЛЛ. 430 об.—431 об.

[10] Голос Москвы. 1910. 29 апреля.

[11] *Милюков П.Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 74.

[12] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. IV. Стб. 2078, 2080.

[13] Там же. Стб. 2534.

[14] Там же. Стб. 2174.

ным мелкий законопроект, чтобы поскорее с ним разделаться.

В конце концов оппозиция покинула и общее собрание Думы так же, как она недавно покинула комиссию. Некоторые более умеренные депутаты тоже были возмущены той чрезвычайной спешкой, с которой рассматривается законопроект. В частности, в кулуарах кн. В.В. Тенишев сказал: «Проводить важнейший законопроект с кавалерийской быстротой — недостойно народных представителей».[15]

Важной составляющей прений по законопроекту стал юридический спор. Юридическую правомерность законопроекта попытался обосновать Г.Г. Замысловский. Эта попытка оказалась неудачной: оратор использовал аргументы, давно опровергнутые в литературе по финляндскому вопросу (отсутствие в Финляндии конституции или, по крайней мере, непризнание ее Александром I; лингвистические доводы Кесаря Ордина[16] о том, что в начале XIX века слово «конституция» значило «устав, учреждение, установление», а «коренные законы» означают всего лишь давние законы). Такого рода доводами Замысловский дал оппозиции повод для насмешек в свой адрес: Милюков намекнул, что Замысловский не вполне подготовился к своей речи,[17] а В.А. Маклаков говорил о «старом арсенале, уже давно сданном за ветхостью в ученый архив».[18]

Итак, никаких весомых доводов против существования финляндской конституции выдвинуто не было. Поэтому главный вопрос прений заключался в другом: обязательна ли для России финляндская конституция? Если да, то настоящий проект незаконен вместе с Манифестом 3 февраля 1899 г. и законом 20 мая 1908 г. Нетрудно заметить, что этот вопрос сводится к вопросу о том, чем является Финляндия — государством или провинцией: в своей провинции мы властны делать что угодно, а в дела чужого государства вмешиваться не вправе.

Этот вопрос не был разрешен даже в юридической литературе того времени. Было три точки зрения[19] на этот вопрос: 1. Лео Мехелин и некоторые его единомышленники характеризовали отношения их края к России как личную или реальную унию. Это-де два независимых государства, единственным связующим звеном между

[15] Голос Москвы. 1910. 27 мая.

[16] *Ордин Ф.К.* Покорение Финляндии. СПб., 1899. Т. 1.

[17] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. IV. Стб. 2009.

[18] Там же. Стб. 2139.

[19] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. I. С. 192—204.

которыми является русский император; Финляндия подчиняется не Российской империи, а лишь ее государю. 2. Б.Н. Чичерин и другие ученые считали, что Финляндия — несуверенное государство. 3. Наконец, еще одна группа авторов (Н.М. Коркунов, Н.С. Таганцев) считала Финляндию автономной провинцией.

В Думе нашлись приверженцы второй и третьей точек зрения.

Если Финляндия — зависимое от России государство, то настоящий законопроект производит государственный переворот, о чем оппозиция откровенно и заявляла.[20] Милюков сравнивал законопроект с разделами Польши и говорил, что нельзя сравнивать его даже с аннексией Боснии или Трансвааля.[21]

Но если Финляндия — провинция, то в законопроекте нет ничего из ряда вон выходящего. Соглашаясь, что краю дарована конституция, председатель Совета министров Столыпин и кн. Тенишев указывали, что она не может рассматриваться сама по себе, независимо от отношений Финляндии к Империи («провинциальная» конституция, по выражению Столыпина[22]). «Финляндская конституция может быть признаваема только постольку, поскольку она не противоречит началу единства России».[23]

Объяснительная записка к настоящему законопроекту указывала на то, что на Боргоском сейме имел место не двусторонний договор, а односторонняя монаршая милость.[24] Следовательно, в таком же одностороннем порядке можно изменять законодательство, определяющее взаимоотношения Финляндии и России.

Довод об односторонности и другие положения объяснительной записки бар. А.Ф. Мейендорф назвал «ухищрениями», благодаря которым «эта записка будет и останется памятником юридического творчества нашего теперешнего правительства и не будет памятником национальной гордости — за это я вам ручаюсь».[25] Оратор говорил, что «монаршее обещание должно быть еще гораздо строже соблюдено, чем всякий договор».[26]

Оппозиция утверждала, что законопроект нарушает обещания, данные Финляндии русскими монархами, начиная от заявлений Александра I и кончая обещанием Николая II финляндским земс-

[20] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. IV. Стб. 1964—1965, 2143.

[21] Там же. Стб. 2088.

[22] Там же. Стб. 2035.

[23] Там же. Стб. 2198.

[24] Там же. Стб. 2317.

[25] Там же. Стб. 2323.

[26] Там же. Стб. 2318.

ким чинам приостановить правила 3 февраля 1899 г.[27]

Слабость теоретических доводов сторонники законопроекта закрепляли не менее слабым практическим: ссылаясь на ряд примеров, они доказывали, что на практике порядок общегосударственного законодательства без участия сейма имеет место относительно разнообразных вопросов — монеты, таможни и т.д. с самого присоединения Финляндии. Потому утверждалось, что законопроект ничего нового не вносит, лишь закрепляя существующий порядок.[28] Довод этот очень слаб потому, что прецеденты нарушения финляндской конституции не являются основанием для новых ее нарушений.

Вероятно, юридически правота была на стороне оппозиции. Несомненно, законопроект нарушал финляндскую конституцию, неоднократно признанную русскими монархами. Попытки сторонников законопроекта подвести юридическую основу под это нарушение выглядят слабыми.

Рассмотрим важнейшие доводы оппозиции против законопроекта. По мнению левых, прежде совершения «государственного переворота» сначала следовало исчерпать все законные средства,[29] то есть внести настоящий законопроект в финляндский сейм, о чем этот сейм и просил.

Юридическое основание таково: законопроект, несомненно, изменяет ст. 2 Основных Законов, часть которой (Финляндия управляется на основании особых установлений и особого законодательства) имеет ссылочный характер и отсылает к Основным Законам Финляндии. Поэтому изменение ст. 2 должно проводиться не только через русские законодательные учреждения, но и через сейм, иначе это был бы государственный переворот.[30] «Вам открывают дверь, а вы рядом с ней стараетесь проломить стену», — говорил Милюков.[31]

Однако этот путь был тупиковым. Невероятно было бы провести ограничение прав Финляндии руками самой Финляндии, бурлившей сепаратистскими настроениями.

Рассмотрим основные доводы сторонников законопроекта.

Сторонники законопроекта подчеркивали несправедливость того, что Финляндия не несет общегосударственных повинностей.[32] За при-

[27] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. IV. Стб. 2126, 2208.

[28] Там же. Стб. 1947.

[29] Там же. Стб. 2075, 2143.

[30] Там же. Стб. 2292—2293.

[31] Там же. Стб. 2075.

[32] Там же. Стб. 2201.

мерами далеко ходить не требовалось: на днях Сейм вторично отказался платить в казну взнос взамен отбывания воинской повинности.

Делались даже попытки рассчитать сумму, которую финляндцам следовало бы платить в казну наравне с жителями Империи. Такой расчет делали Столыпин, насчитавший более 9 млн. р.,[33] и Крупенский, насчитавший 19 млн., а в другой речи — даже 21,5 млн. Покуда край ничего не платит, эта сумма ложится на 150 млн жителей Империи, что составляет 6 к. в год лишних по расчету Столыпина и 14 или 12 к., если опираться на цифры Крупенского. «Русские крестьяне, — говорил этот оратор, — платить за финляндцев никаких оснований не имеют».[34]

В речах сторонников законопроекта не раз звучал мотив государственной необходимости. Октябрист В.К. фон Анреп призывал «прямо и открыто сказать, не робея перед либеральными тенденциями, не стесняясь общечеловеческими тенденциями о всеобщем праве, о всеобщем равенстве и справедливости, сказать, что высшая справедливость — сохранять государственные интересы прежде всего».[35] В.М. Пуришкевич предложил в интересах силы Российского государства «удушить, уничтожить» право, существующее у «тех народностей, которые посягают на наше могущество».[36]

Милюков резюмировал идею о верховенстве государственной необходимости, изложенную сторонниками законопроекта, так: «А вы, гг., вчера в этой зале, когда приводились самые бесспорные юридические улики, в ответ на них с ваших скамей отвечали одно: «нам все равно»! И депутат Анреп сказал здесь бесстыжую речь, в которой к вашему «все равно» прибавил: а мне и в высокой степени наплевать!».[37]

Рассмотрим, как проходило постатейное чтение законопроекта.

Первоначальный проект закона, составленный комиссией Харитонова, был очень суров к Финляндии. Совет министров смягчил этот проект, но комиссия уничтожила эти изменения и вернулась к первой редакции.[38]

В частности, в проекте комиссии Харитонова перечень вопросов, подлежащих разрешению в общеимперском порядке, содержал пункты, касающиеся: 1) употребления в Финляндии государственного языка (п. 4); 2) вопросы народного просвещения, собраний и союзов и печати (пп. 9, 10, 12).

[33] Там же. Стб. 2031.
[34] Там же. Стб. 2115.
[35] Там же. Стб. 2003.
[36] Там же. Стб. 2238.
[37] Там же. Стб. 2073.
[38] Там же. Стб. 2533.

Совет министров исключил указания на государственый язык, на собрания и союзы и на печать. Оставил только народное просвещение. Комиссия Государственной думы вернула эти пункты.

Октябристы М.Я. Капустин и фон Анреп выступили против включения пп. 9, 10 и 12 в перечень. Их поддержал и октябрист Е.П. Ковалевский. Тем не менее эти пункты были приняты.

Важнейшее значение имеют поправки, предложенные фон Анрепом.

Ст. 3 говорила о том, что изменение и дополнение перечня производится в общем законодательном порядке. Фон Анреп предложил дополнение: «единственно по почину его императорского величества», что означало запрет на изменение перечня по инициативе законодательных учреждений.Это дополнение было принято при 2 и 3 чтениях.

Ст. 4 в редакции комиссии соответствует части ст. 2 правительственного законопроекта: «По предметам законодательства, указанным в п. 5 ст. 2, почин принадлежит единственно его императорскому величеству».

Фон Анреп и тут внес поправку о том, чтобы распространить это условие на все 19 пунктов перечня. С поправкой фон Анрепа весь законопроект если не шел насмарку, то, по крайней мере, терял свою эффективность. Цель была в том, чтобы направить вопросы, касающиеся и Финляндии, и России, обычным законодательным порядком. Фон Анреп же предлагал поставить Монарха в корень этого порядка, отчего он переставал быть обычным.

Траектория законопроектов усложнялась, что особенно неудобно для таких вермишельных вопросов, как почта, телефоны, мореплавание и т. д. На практике, вероятно, такие вопросы оставались бы висеть в воздухе, поскольку у монарха не хватило бы времени вносить эти мелочи лично.

Требование личного почина монарха означало и дополнительную привилегию для Финляндии. Именно таким порядком изменялись Основные Законы Российской империи.

Сторонники поправки фон Анрепа указывали, что возбуждение финляндских вопросов по почину государя будет проходить более спокойным порядком, чем по почину законодательных учреждений.[39]

При 2-м чтении поправка фон Анрепа была отклонена большинством 102 против 78, но при 3-м чтении принята.

Итак, поправки фон Анрепа о почине его величества приняты к ст. 3 и 4, но сокращения перечня отвергнуты. Это было поражение октябристов, и октябристы возлагали вину на оппозицию, которая

[39] Там же. Стб. 2571, 2572.

покинула зал заседания и не поддержала октябристов своими голосами.[40]

Справедливо ли это обвинение? Против спешности голосовало 120 лиц, за снятие законопроекта с обсуждения — 116, против перехода к постатейному чтению — 105. Вероятно, зал покинуло не менее 100 членов Государственной думы. При 2-м чтении для исключения п. 9 не хватило 129 — 57 = 72 голоса, для принятия поправки фон Анрепа к ст. 4 — 102 — 78 = 24 голоса. При 3-м чтении против п. 9 не хватило 119 — 70 = 49 голосов, против п. 10 — 124 — 77 = 47 голосов, а поправка фон Анрепа к ст. 4 была принята. Таким образом, голоса оппозиции действительно дали бы сторонникам поправок перевес.

В передовой статье «Голоса Москвы» правым рекомендовалось «избрать лидеров оппозиции почетными членами своих реакционных организаций, потому что лучших союзников им не найти».[41]

В редакции 3 чтения законопроект стал неприемлемым для части октябристов. Перед окончательным голосованием законопроекта Ю.Н. Глебов от имени 19 октябристов заявил, что после отвержения поправок Г.Г. Лерхе, фон Анрепа и Капустина к ст. 2 законопроект нарушает самостоятельность Финляндии во внутренних делах, поэтому эти 19 лиц голосуют против законопроекта.[42]

Однако законопроект был принят 164 голосами против 23, и Пуришкевич крикнул: «finis Finlandiae» — «конец Финляндии» (лат.).[43]

Законопроект был передан в Государственный совет из Государственной думы 31 мая 1910 г. А как раз накануне, 30 мая, особая комиссия Государственного совета по финляндскому законопроекту закончила его рассмотрение, приняв его в думской редакции.[44]

В общем собрании меньшинство Государственного совета защищало поправки октябристов, проваленные в Думе. С другой стороны, правые Государственного совета выступали против поправок фон Анрепа. В результате обе стороны потерпели поражение. Законопроект был принят в думской редакции и высочайше утвержден уже 17 июня 1910 г.

---

[40] Голос Москвы. 1910. 27 мая.

[41] Голос Москвы. 1910. 29 мая.

[42] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Ч. IV. Стб. 2581.

[43] Там же. Стб. 2582.

[44] Свет. 1911. 2 июня.

К.В. РОМАНЕНЧУК

Дискуссия по законопроекту о частных учебных заведениях в Государственной думе и Государственном совете

Актуальными для истории отечественного образования являются вопросы подготовки закона, регулирующего отношения в области частного образования: «О частных учебных заведениях, классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» (1914 г.).[1] Проблемам модернизации законодательства по частным учебным заведениям было посвящено заседание Совета министров 27 апреля 1910 г. По итогам обсуждения Совет министров дал поручение МНП внести на законодательное рассмотрение в установленном порядке законопроект о частных учебных заведениях, классах, курсах, по предварительном исправлении в соответствии с замечаниями, в III Государственную думу. Интерес представляет обсуждение законопроекта в комиссии по народному образованию III Думы.[2] Доклад был представлен октябристом Д.А. Леоновым[3] 20 декабря 1911 г. под № 210. Отметим, что комиссия по народному образованию в ходе 5-й сессии заседала 24 раза (с 25 октября 1911 по 25 мая 1912 гг.). В ее составе работали председатель В.К. фон Анреп (октябрист[4]), два товарища председателя С.М. Богданов (националист[5]) и Е.П. Ковалевский (октябрист[6]), секретарь кн. И.А. Куракин (октябрист[7]), товарищ секретаря В.К. Тычинин (националист[8]) и 50 членов. Предварительной подготовкой каждого законопроекта занимался специально выбранный комиссией докладчик. Всего в 5-ю сессию на рассмотрении комиссии было 84 законопроекта и 15 законодательных предположений, а также 14 законопроектов ждали заключения комиссии.

---

[1] СУ. 1914. 16 июля. № 177. Ст. 2006.

[2] Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия V. 1911—1912. СПб., 1912. С. 191.

[3] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 326.

[4] Там же. С. 23.

[5] *Николаев А.Б.* Богданов Сергей Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 61.

[6] *Николаев А.Б.* Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 256.

[7] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 312.

[8] Там же. С. 632.

Комиссия поддержала предложение правительства о необходимости изменения действующих узаконений о частных учебных заведениях. Соглашаясь в общем с предлагаемыми МНП правилами, комиссия в то же время сделала ряд замечаний. В частности, предложила предоставить право открывать частные учебные заведения не только обществам, товариществам и лицам, но также земствам, городам и сословиям. Однако комиссия сделала оговорку, что на города западной окраины, где управление находится преимущественно в руках поляков, общее правило не распространяется. Аргументы комиссии были следующие: на западной окраине, за счет всех налогоплательщиков, в том числе и русских, могут открываться школы ни по языку преподавания, ни по самому своему устройству не соответствующие потребностям русского населения. Замечания комиссии вызвали положения, определяющие язык и объем преподавания в частных учебных заведениях. Она сочла, что правила о выборе языка преподавания для содержателей учебных заведений ограничивают их права. Комиссия указала, что положения ограничительные вредны, поскольку способствуют росту тайных школ и высказалась за предоставление в виде общего правила, выбора языка преподавания содержателю. Комиссия отметила обязательность изучения в частных учебных заведениях русского языка как государственного, а также преподавания на русском языке литературы, географии, истории. Исключение комиссия сделала для губерний западных, юго-западных, Седлецкой и Люблинской, где интересы русского населения и русского языка требовали, по ее мнению, особого ограждения. Для данных территорий она установила, что для великороссов, малороссов и белорусов иноверных вероисповеданий в этих губерниях все предметы преподаются на русском языке.[9]

Третье замечание комиссии касалось учредителей нехристианского исповедания, старообрядцев, сектантов. По предложению МНП они получили право открывать частные учебные заведения только для своих единоверцев. Комиссия сочла несправедливым это положение и исключила его. Поправка комиссии упорядочила взаимоотношения учебного начальства и содержателей учебных заведений по открытию и закрытию частных школ. Указывалось, что отказы, распоряжения и требования учебного начальства к содержателям частных учебных заведений должны быть мотивированы и содержатели имеют право обжалования их в установленном законом порядке. Последнее замечание комиссии касалось положения о выпускных экзаменах. Министерство народного просвещения предло-

[9] Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия V. С. 191.

жило учащимся частных учебных заведений, если они желают приобрести права и преимущества, которыми пользуются учащиеся правительственных учебных заведений, подвергаться испытаниям в правительственных учебных заведениях или в особых испытательных комитетах, состоящих при управлении учебных округов, или в комиссиях, им образуемых. Но в практике того времени для ряда частных заведений допускалось проведение подобных испытаний в частных учебных заведениях учителями этого заведения в присутствии представителя от управления учебного округа. Комиссия предложила сохранить существующий порядок и допустить производство испытаний при частных учебных заведениях в будущем, при наличии особого разрешения МНП для их проведения. Также комиссия предлагала для большего сближения школы с местным обществом разрешить допустить к присутствию при испытаниях содержателей и заведующих этими учебными заведениями.[10] Законопроект был одобрен Государственной думой 9 июня 1912 г.

Обсуждение законопроекта затем проходило в Государственном совете на трех заседаниях (35, 36, 37) 8-й сессии (1912—1913).[11] На 35-м заседании по законопроекту выступил В.И. Гурко (правый, а с июня 1913 г. входил в кружок внепартийного объединения[12]), который указал на архаичность и недостаточность действующих законов о частных учебных заведениях. Он отметил, что главные изменения нового законопроекта (относительно действующего законодательства) — это иная классификация частных учебных заведений, но это есть кодификационная новость, но не новость по существу. В целом законопроект, по мнению В.И. Гурко, отличался аморфностью и осторожностью.[13] Далее в обсуждении принял участие Д.Д. Гримм (левая группа[14]), подчеркнувший, что частная школа имеет важное значение, наряду с правительственной. Он указал, что вновь намеченные правила устанавливают более льготный, чем ныне существующий порядок учреждения частных училищ. Гримм обратил внимание членов Государственного совета и на то, что говорить о создании законченной системы частных учебных заведений всех

[10] Там же.

[11] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. СПб., 1913.

[12] *Бородин А.П.* Гурко Владимир Иосифович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 71.

[13] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. Стб. 1785.

[14] *Бородин А.П.* Гримм Давид Давидович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68.

родов, как утверждает комиссия, не представляется возможным, об этом не может быть и речи. Завершая свое выступление, Д.Д. Гримм отметил: «Я прихожу к тому общему выводу, что принятие проекта даже в той редакции, в которой он вышел из Государственной думы, с теми второстепенными улучшениями по отдельным пунктам, которые внесла наша комиссия, в конце концов, дает лишь весьма немного улучшений против существующего положения вещей. Что касается главных поправок, которые предлагает наша комиссия, то я считаю их совершенно неприемлемыми».[15]

Далее выступил И.Э. Олизар (центр[16]). Он, как и В.И. Гурко, обратил внимание присутствовавших на недостатки законодательства в области частного образования: «вопросы, касающиеся частных школ, регулировались у нас до сих пор или отдельными устаревшими и несогласованными между собой законоположениями, или же предписаниями и распоряжениями МНП».[17] И.Э. Олизар заметил, что в настоящий момент имеется два взгляда, два ведущих течения в отношении школы в российском обществе. Родители желают, чтобы все вопросы, касающиеся школы, регулировались законодательно, желают простора, свободы, личного участия. Министерство народного просвещения смотрит на все иначе: признавая недостатки школы, вменяет их в вину обывателям, их легкомыслию и ввиду этого не желает расширить права родителей учащихся, а скорее стремится их сузить. Именно частная школа, по словам И.Э. Олизара, есть подходящая почва для примирения, потому что в ней отсутствуют два момента: государственные деньги и государственные права. В частной школе возможно объединение двух противоположных течений, в этом особая миссия частной школы. В заключении И.Э. Олизар потребовал создать частным школам необходимые условия, чтобы они могли оказать государству ту помощь, которую от них ждут.[18] Князь Д.П. Голицын-Муравлин (правая группа[19]) продолжил дискуссию, остановившись в своей речи на коренном вопросе в законопроекте — вопросе языка. «Я в качестве общего положения высказываю, что общая школа в России

[15] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. Стб. 1796.

[16] *Бородин А.П., Постников Н.Д.* Олизар Иван Эмильевич // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 190.

[17] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. Стб. 1796.

[18] Там же.

[19] *Шилов Д.Н.* Голицын Дмитрий Петрович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 59.

должна быть русской школой. Русский язык через просветительную борьбу — путь. Польский и немецкий языки пусть будут в России языки домашние, но наша русская школа должна быть русским плугом вспахана, русским зерном засеяна, и на нашей школьной ниве колонистов нам не надо, негосударственный язык в школе может быть переходным языком».[20] Язык — основа государственности, акцентировал внимание он, а следовательно открыть чужым языкам двери частной школы, на основании того, что эта частная школа на частные средства содержится — это сдать свой язык.[21] В дискуссию с князем в своем выступлении вступил бар. А.А. Пилар-фон-Пильхау (центр[22]). Он указал, что частные школы явились важными для инородческого населения, потому что именно в тех слоях населения, которое большими средствами не пользуется, становиться очень трудно достаточно подготовить детей, чтобы они владели государственным языком при поступлении в государственную или общественную школу. «Никогда эти частные школы, которые являются только подготовительными, для государственной и общественной школы, в конкуренцию с ними вступать не могут. Это немыслимо и на практике более 20 лет мы знаем, что этого нигде нет» — заметил барон.[23] Далее началось бурное постатейное обсуждение законопроекта, в частности «Правил о частных учебных заведениях, классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений». Оно проходило также на заседаниях 17 и 21 мая 1913 г.[24]

В итоге законопроект был в целом принят Государственным советом, и возвращен в Государственную думу для нового рассмотрения.[25] IV Государственная дума предала законопроект «О частных учебных заведениях классах и курсах МНП, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» в свою комиссию по народному образованию, которая рассмотрела его в заседании 10 марта 1914 г.[26] Несмотря на то, что некоторые из затронутых законопро-

[20] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. Стб. 1806.

[21] Там же. Стб. 1799.

[22] *Бородин А.П.* Пилар-фон-Пильхау Адольф Адольфович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 206.

[23] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. Стб. 1805.

[24] Там же. Стб. 1863.

[25] Там же. Стб. 2010.

[26] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Вып. 5. С. 889.

ектом вопросов разрешались не столь широко Государственным советом, как это предположено было в законопроекте, одобренном III Государственной думой, комиссия приняла законопроект в изложении, одобренном Государственным советом.[27] Законопроект стал законом Российской империи «О частных учебных заведениях классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» 1 июля 1914 г.[28]

[27] *Романенчук К.В.* Вопрос о частном образовании в III и IV Государственной думе // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. научн. ст. СПб., 2013. Ч. 1. С. 207—211.

[28] СУ. 1914. 16 июля. № 177. Ст. 2006.

А.А. ЧЕМАКИН

«Фракция диких прогрессистов»: Независимая группа IV Государственной думы

Независимая группа (фракция Народной партии) — одно из самых колоритных и, к сожалению, малоизученных депутатских объединений IV Государственной Думы. На сегодняшний день есть лишь небольшая энциклопедическая заметка В.А. Демина,[1] в которой дана основная информация по составу группы и ее голосованиям по ряду вопросов. Но и она не объясняет, почему Независимая группа также именуется фракцией Народной партии, и что это вообще за партия. А в комментариях к воспоминаниям В.И. Гурко составители и вовсе перепутали независимых с народными социалистами, «поправив» мемуариста и сообщив, что депутат М.А. Караулов не мог быть лидером данной фракции, так как «примыкал к прогрессистам».[2] Также ранее никто не обращал внимания и на идейные основы Независимой группы, видимо, рассматривая ее как просто некую совокупность внефракционных депутатов. На самом деле члены группы называли себя «русскими национал-демократами» и обладали собственной идеологической доктриной.

Впрочем, изначально группа действительно была достаточно случайным объединением ряда депутатов, покинувших свои фракции в результате масштабных перестановок в Думе осенью 1913 г. Вся история группы связана, в первую очередь, с депутатом от терских казаков М.А. Карауловым,[3] который именовал себя «монархистом-демократом». Предприняв несколько неудачных попыток создать широкое внефракционное казачье-крестьянское объединение, Караулов перешел к созданию отдельной фракции. Существующие партии его не удовлетворяли: одни — по программе, другие — по тактике. «Первые, — писал он, — не склонные к движению вперед, и от них трудно ожидать продуктивной работы для обновления страны. Вторые слишком увлекаются своей ролью оппозиции, и благо-

[1] *Дёмин В.А.* Независимых группа и фракция Народной партии // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 403.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 748.

[3] См. о нем: *Николаев А.Б.* Караулов Михаил Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 239—240.

даря этому так же не склонны к плодотворной работе».[4] Караулов полагал, что «только сплоченная и действующая группа может рассчитывать на то, чтобы с нею считались, вели переговоры, уступали ее требованиям».[5] Летом 1913 г. он вышел вместе с группой соратников из фракции прогрессистов. Депутат С.П. Мансырев писал по этому поводу: «Вот наглядная примета русского анархизма духа, а также политической сознательности. М.А. Караулов, терский казак — неглупый и симпатичный малый; но причина к его уходу от прогрессистов осталась для меня по сию пору тайной, сколько я его о том ни расспрашивал; кажется, был какой-то спор о голосовании второстепенного законопроекта и он остался при особом мнении. Просто-напросто поступил по-казачьи: не хочу-де чем бы то ни было быть связанным, а буду сам по себе».[6] В действительности Караулов обосновал свой уход нежеланием подчиняться фракционной дисциплине, но при этом сохранил с прогрессистами весьма доброжелательные отношения.[7]

4 декабря 1913 г. старший делопроизводитель Думы сообщил, что образована новая фракция под названием «независимая группа» в составе 8 человек.[8] Впрочем, сама группа образовалась еще в конце октября, а председателем ее первоначально намечался барон А.Ф. Мейендорф.[9] Мейендорф и Караулов пытались привлечь в свою группу депутатов из распадающейся октябристской фракции,[10] но после того, как сделать это не удалось, Мейендорф ушел в думскую группу «Союза 17 октября».[11] Таким образом, лидером Независимой группы стал Караулов. Возглавив «независимых», он занялся поиском идеологической платформы, которая смогла бы укрепить фракцию.

Еще в середине 1913 г. Караулов, тогда являвшийся членом внефракционной Крестьянской группы, познакомился и договорился о

---

[4] М.А. Караулов об итогах сессии Гос[ударственной] думы // Пятигорское эхо. 1914. 19 июня.

[5] *Караулов М.А.* Крестьянское дело в Государственной думе // Дым Отечества. 1914. 20 марта. № 12. С. 7.

[6] *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912—1917 г.) // Историк и современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Вып. II. С. 14—15.

[7] Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1905—1916. Документы и материалы. М., 2002. С. 315—316.

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1124. Л. 22.

[9] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 3.

[10] Там же. № 10. С. 17.

[11] *Николаев А.Б.* Мейендорф Александр Феликсович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 367.

сотрудничестве с редактором газеты «Славянин», бывшим членом Петербургского Совета рабочих депутатов П.В. Васильевым.[12] В тот момент сотрудничество не состоялось из-за выхода Караулова из Крестьянской группы и закрытия «Славянина». К концу 1913 г. Васильев вместе с группой национал-демократов начинает сотрудничество с еженедельником «Дым Отечества», издаваемым бывшим товарищем председателя петербургского отдела Всероссийского национального союза А.Л. Гарязиным, и поднимает на страницах журнала вопрос о создании национал-демократической «Народной партии».[13] В феврале 1914 г. Караулов написал открытое письмо, в котором отметил, что «вопрос об образовании особой "Народной" партии возбудил во мне живейший интерес. Этот интерес еще более усилился после того, как я познакомился с приблизительной программой намечаемой партии». В итоге было решено, что Независимая группа станет думской фракцией создаваемой партии русских национал-демократов — Народной партии. М.А. Караулов стал лидером и публичным лицом новой партии, П.В. Васильев — идеологом, а А.Л. Гарязин — спонсором. В качестве партийной структуры за пределами Думы было создано «Общество имени крестьянина И.Т. Посошкова», председателем которого также стал Караулов. Новая партия должна была объединить «на началах прогресса, демократизма и государственного национализма трудовое население великой Империи: крестьянство, ремесленников, казачество, рабочих, приказчиков, служащих, городские средние слои и трудовую интеллигенцию».[14] Высказывалось предположение, что партия сможет привлечь в свои ряды «лиц, сочувствующих демократическим национально-прогрессивным стремлениям, числящихся в составе групп от националистов до трудовой включительно».[15]

В апреле 1914 г. Народная партия подала на регистрацию свой устав, подписанный депутатами М.А. Карауловым, А.П. Савватеевым[16] и Е.Д. Логвиновым.[17] Месяц спустя партии было отказано в

[12] РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

[13] Письмо члена Гос[ударственной] думы М.А. Караулова // Дым Отечества. 1914. 13 февраля. № 7. С. 3.

[14] Организация народной партии // Дым Отечества. 1914. 24 апреля. № 17. С. 2.

[15] *Савватеев А.П.* Народная партия // Дым Отечества. 1914. 8 мая. № 19. С. 4.

[16] См. о нем: *Николаев А.Б.* Савватеев Аристарх Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 542.

[17] См. о нем: *Николаев А.Б.* Логвинов Евграф Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 329—330.

регистрации под надуманным предлогом (видимо, под давлением министра внутренних дел Н.А. Маклакова). Национал-демократы с этим решением не согласились и подали апелляцию в Сенат.[18] Говоря о статусе партии к лету 1914 г., А.Л. Гарязин отмечал, что она, «в ожидании своей легализации, представляет собою не более, как простую совокупность политических единомышленников, и только в Государственной Думе она организовалась в фракцию».[19]

Уже в июня 1914 г. Караулов писал, что большинство членов Независимой группы «являются национал-демократами».[20] По его словам, фракция объединила тех депутатов, «в глазах которых национализм не отождествляется с реакционностью, прогрессивность — с космополитизмом, либерализм — с республиканством и монархизм — с бюрократизмом».[21] Савватеев добавлял, что каждый демократически и прогрессивно настроенной человек, «какой бы то ни было народности, признающий свою неразрывную связь с русским государством и верящий в великие культурно-национальные силы русского народа, может смело входить в состав Народной партии».[22]

В.И. Гурко в своих мемуарах располагал «народническую партию», как он именовал «независимых», между прогрессистами, с одной стороны, и трудовиками и социал-демократами, с другой: «Как это указывает и самое ее название, она видела в народных массах соль земли и ту часть населения, ко благу которой должны быть по преимуществу направлены все усилия государства, но одновременно партия была проникнута национальными стремлениями, а идеи интернациональные глубоко противоречили ее миросозерцанию».[23] Газета «Московские ведомости» считала, что «прогрессивные националисты» (так она именовала членов Независимой группы — А.Ч.) по многим политическим вопросам примыкают к «левым октябристам» и к «правым ка-дэкам», а в социальных вопросах определенно сказывается их тяготение к более левым элементам».[24] Секретарь Караулова Г.Ф. Фальчиков вспоминал, что группа «сто-

[18] ЦГА РСО-А. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 199.

[19] *Гарязин А.Л.* Суд справа // Дым Отечества. 1914. 5 июня. № 23. С. 5.

[20] *Караулов М.А.* По новому пути // Туркестанский курьер. 1914. 26 июня.

[21] *Караулов М.А.* Сельская Русь и Государственная дума // Новая Россия. Основы и задачи Имперской народной партии. СПб., 1914. С. 37.

[22] *Савватеев А.П.* Русская Народная партия и инородцы // Новая Россия. С. 58.

[23] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 630.

[24] *Л.В.* Национализм особого рода // Московские ведомости. 1914. 13 июня.

яла за парламентарный монархический строй, за введение на местах широкого самоуправления, за укрепление самобытных черт русской общественной и государственной жизни в приправе старого славянофильства».[25]

К концу 2-й сессии фракция состояла уже из 14 человек. 6 из них были казаками (одновременно 4 из них также были и дворянами), 5 — крестьянами, 2 — дворянами, 1 — почетным гражданином. Взгляды членов новой фракции изначально были весьма неопределенными, а сами они пришли из разных лагерей. Например, экс-прогрессист И.К. Ерымовский[26] в самом начале работы IV Думы успел несколько дней пробыть членом фракции правых.[27] П.Ф. Мерщему[28] пришлось покинуть фракцию националистов из-за своей речи в защиту Тараса Шевченко, в которой он девять раз упомянул слово «украинцы».[29] Н.А. Мирошниченко[30] был и в рядах трудовиков, и в рядах октябристов, а затем и «в других фракциях вплоть до мусульманской, но души нигде не нашел. А дома перед избирателями на вопрос, к какой он принадлежит партии, отговаривается: "Какой вам нужно партии, к такой я и принадлежу"».[31] Все эти люди ощущали себя представителями «простого народа» и не разбирались в идеологических тонкостях. Неудивительно, что Караулов, человек образованный, и к тому же талантливый оратор, достаточно легко подчинил их своему влиянию. С.П. Мансырев справедливо замечал, что у карауловцев «только и было два интеллигентных думца — сам Караулов, да некий Савватеев, совершенно непригодный по

[25] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. ЛЛ. 1—1 об.

[26] См. о нем: *Николаев А.Б.* Ерымовский Илья Константинович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 187.

[27] *Караулов М.А.* Письма казачьего депутата // Терские ведомости. 1912. 23 ноября.

[28] См. о нем: *Николаев А.Б.* Мерщий Петр Филиппович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 369—370.

[29] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая.СПб., 1914. Ч. II. Стб. 1194—1198; Уход депутата Мерщего от националистов // Дым Отечества. 1914. 13 марта. № 11. С. 13.

[30] См. о нем: *Николаев А.Б.* Мирошниченко Николай Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 377.

[31] Крестьянская группа в 4 Государств[енной] думе // Дым Отечества. 1914. 30 января. № 5. С. 10.

своим свойствам для пропаганды и широких выступлений».[32] Также он вспоминал, что Караулов предлагал и ему вступить в их группу: «Я попросил у него программу, чтобы с ней ознакомиться. При чтении ее я с первых же строк натолкнулся на несколько пунктов, с которыми не мог согласиться — не по существу, а в силу их крайней нелогичности. Я сказал ему о том. "Ну так что же" — ответил М.А. Караулов, "это мы сейчас исправим; как вы хотите это изложить?" "Да позвольте, ведь программа же утверждена партией, как вы будете ее единолично изменять". "Вот еще, стоит стесняться". На том разговор наш закончился и я наотрез отказался вступить в партию с столь широкой личной инициативой ее члена».[33]

В бюро фракции входили М.А. Караулов (председатель), К.К. Фирсов,[34] А.П. Савватеев (товарищи председателя).[35] На думской трибуне от группы почти всегда выступал М.А. Караулов, и лишь изредка его заменял К.К. Фирсов. Фракцию в Совещании Государственной думы также представлял Караулов, а в случае его отсутствия — Савватеев.[36]

Особо нужно сказать о поведении «независимых». С.П. Мансырев заметил, что группа, «(состоявшая в большинстве из крестьян, но не смиренных, а с горячим темпераментом) в скором времени заслужила название "дикой", она и была таковою в действительности, судя по выступлениям ее лидера. Речи его в Думе неизменно слушались с интересом и возбуждали общее веселое настроение — так они были оригинальны и по форме, и по выводам. Кто, например, как не он мог договориться до того, что "Россия будущего — это крестьянская республика во главе с самодержавным государем". Мысль-то, может быть, и верна — но форма!»[37] Н.Е. Марков именовал «карауловцев» «фракцией диких прогрессистов»,[38] и поводы для этого были: однажды, например, Караулов обещал «ударить по

[32] *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912 — 1917 г.). (Окончание) // Историк и современник. Берлин, 1922. Вып. III. С. 18.

[33] Там же. С. 15.

[34] См. о нем: *Николаев А.Б.* Фирсов (Фирсов 2-й) Кирилл Кондратьевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 648.

[35] Народная думская фракция // Дым Отечества. 1914. 29 мая. № 22. С. 12.

[36] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1158. Л. 10.

[37] *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912—1917 г.). С. 15.

[38] *Буй-Тур* [*Марков Н.Е.*]. Прочь скоморохов! // Земщина. 1914. 22 марта.

физиономии» правого депутата Н.А. Белогурова.[39] Как уже было замечено выше, весьма примечательным был и внешний вид «национал-демократов». Караулов обычно приходил в Думу в белой или черной черкеске, в папахе и с несколькими кинжалами. Остальные депутаты не отставали от своего лидера: Мерщий, колоритный малоросс со свисающими усами, часто ходил в вышиванке,[40] а Мирошниченко носил кольцо в ухе.[41] Впрочем, «дикими» их именовали не только из-за поведения и внешнего вида, но и потому, что слово «дикий» на парламентском языке того времени означало «не принадлежащий ни к какой партии».[42] Это прозвище они, являвшиеся на тот момент беспартийными депутатами, получили осенью 1913 г., практически сразу же после возникновения Независимой группы. А наименование «дикие прогрессисты» также указывало и на то, что почти по всем вопросам Независимая группа была солидарна с фракцией прогрессистов, отличие от которой было лишь в особом внимании к проблемам казаков, крестьян и национальному вопросу.

Если говорить о тактике фракции в Думе, то она, при всей своей экстравагантности, стремилась занять нишу «конструктивной оппозиции». «Независимые» полагали, что выходом из сложившегося в Думе положения «является единение всех прогрессивных сил, начертанный депутатом В.А. Маклаковым блок прогрессивного думского большинства, который сможет дать отпор нападениям справа».[43] Идеолог национал-демократов П.В. Васильев писал, что «от Гос[ударственной] думы население ждет не одних только оппозиционных речей, а разумного сочетания оппозиционных настроений страны с интересами государственной целости и крепости».[44] Именно поэтому национал-демократы считали, что нужно не срывать принятие бюджета, а отказывать лишь в отдельных ассигнованиях, при этом утвердив «целиком сметы, удовлетворяющие неотложные нужды русского государства: военную оборону и народное просвещение».[45] В выступлениях и голосованиях «члены Народной партии

[39] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 562.

[40] ЦГАКФФД СПб. Г 10321.

[41] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 518. Л. 1а.

[42] Отзывы газет о речи нашего депутата сотника М.А. Караулова 2-го // Терские ведомости. 1907. 14 апреля.

[43] *Н.Е. Веров [Васильев П.В.].* «Тихой сапой» // Дым Отечества. 1914. 3 апреля. № 14. С. 4.

[44] *Н.Е. Веров [Васильев П.В.].* В чем заключается бессилие Государственной думы // Дым Отечества. 1914. 24 апреля. № 17. С. 3.

[45] *Ал. Львов [Гарязин А.Л.].* Отказ в кредитах // Дым Отечества. 1914. 24 апреля. № 17. С. 4.

постоянно подчеркивали свою точку зрения и поэтому случалось, что они голосовали то с оппозицией, то с октябристами».[46]

Впрочем, нежелание идти на открытый конфликт с правительством имело и еще одно объяснение. Г.Ф. Фальчиков называл фракцию «казачьей независимой группой», «в которую входили все казаки, не принадлежавшие к общероссийским партиям» и отмечал, что «первые годы своей работы в Государственной думе эта группа почти не выступала активно по общегосударственным вопросам, сосредотачивая все свое внимание на своей практической программе — на проведении закона о казачьем хозяйственном самоуправлении и на облегчении государственных повинностей, которые несли казаки (военная служба, снаряжение на службу и т.п.). <...> До образования Прогрессивного блока Государственной думы [группа] активно работала над проведением своих казачьих проектов, ради успеха дела хитрила с Правительством и правительственными кругами и старалась жить в мире с левыми группировками».[47] А рижский публицист В.Е. Чешихин, посетивший одно из заседаний фракции, проходившее на квартире ее лидера, оставил в своем дневнике такую запись: «У М.А. Караулова на 10-й Рождественской; на собрании казаков; я говорил о “левом центре”».[48] Таким образом, можно отметить, что современники воспринимали Независимую группу как структуру, состоящую из казаков и представляющую, в первую очередь, интересы казачества. Казачье ядро фракции полностью определяло ее политику. В отличие от нескольких дворян и крестьян, оказавшихся во фракции по воле случая, «независимые» казаки четко осознавали свои интересы, были сплочены и имели определенную поддержку на местах (в первую очередь, на Тереке и на Дону). Если бы не мировая война, то можно предположить, что в дальнейшем Народная партия могла бы преобразоваться в особую Казачью партию.

Впрочем, ход событий не оставил для нее такой возможности. После начала войны все планы по созданию полноценной партии были отложены, и фракция осталась сама по себе, без структур за пределами Думы. Умеренные депутаты из нее вышли, а оставшиеся стремительно радикализировались и к 1916 г. заняли место на левом фланге Думы, практически в открытую призывая к государственному перевороту. Правда, летом 1915 г. был проект создания Национал-либеральной партии, которая объединила бы «независимых» и

[46] Деятельность Народной партии в Государственной думе // Дым Отечества. 1914. 19 июня. № 25. С. 3—4.

[47] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. ЛЛ. 1—1 об.

[48] РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 1160. Л. 57.

прогрессистов в одну фракцию,[49] но он по ряду причин не был реализован. В Прогрессивный блок «карауловцы» не вошли, и при этом даже критиковали его за нерешительность. К концу января 1917 г. в Независимой группе осталось всего 7 человек.[50] К этому времени группа никакой деятельности фактически не вела, а события февраля-марта 1917 г. завершили ее историю. Впрочем, ее лидеры М.А. Караулов и А.П. Савватеев приняли активнейшее участие в Февральской революции.[51]

Фракция Народной партии попыталась осуществить синтез идей демократии и русского национализма, но данная попытка завершилась неудачей. Причины этого заключались и в персональном составе фракции, и в особенностях характера лидера группы М.А. Караулова, человека крайне экстравагантного и экспрессивного, и в том, что судьба дала слишком мало времени на разработку национал-демократической идеологии и платформы, по сути, всего лишь несколько месяцев весной — летом 1914 г. В дальнейшем действия Независимой группы определялись внешними обстоятельствами — войной, нарастающей разрухой, политическими интригами — и привели оставшихся в ее рядах депутатов к участию в революции. Впрочем, этот переход от умеренной оппозиции к революции требует отдельного обстоятельного разбора.

[49] Национал-либеральная партия // Утро России. 1915. 12 июля.

[50] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1080. ЛЛ. 10—11.

[51] *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 252, 280.

В.А. ДЁМИН

Правительство и IV Государственная дума: логика конфликта

Третьеиюньская думская система изначально была довольно хрупким устройством. У нее было 2 уязвимых места. Первое очевидно: решающий голос в законодательных палатах получали представители имущих классов, влияние же представителей низов сильно ограничивалось.

Вторая слабость системы заключалась в следующем. Императорское правительство стремилось сохранить установленную Основными законами 1906 г. дуалистическую монархию. Однако занявшие руководящее положение в третьеиюньской Думе октябристы не были последовательными сторонниками этой формы правления.

В их программных документах вопрос об ответственности правительства перед императором или Думой обходился. В появившемся в ноябре 1905 г. воззвании организаторов Союза говорилось, с одной стороны, о «величайшей важности» «монархического начала» «в изменившихся политических условиях России» и признании императора «верховным вождем свободного народа». С другой стороны, в воззвании подчеркивалось: «Возвышаясь над бесчисленными частными и местными интересами, над односторонними целями различных классов, сословий, национальностей, партий, монархия именно при настоящих условиях призвана осуществить свое предназначение — явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы». Между тем подобную роль играет скорее парламентарный, чем дуалистический монарх, участвующий в подобной борьбе. Идеалом октябристов было «единение монарха с народом».[1]

При обсуждении II съездом Союза (май 1907 г.) программных вопросов несколько делегатов высказалось против ответственности правительства перед Думой, но не принципиально, а ввиду нежелательности кадетского министерства. Подытожил дискуссию лидер октябристов во II Думе М.Я. Капустин. Согласно газетному отчету, он заявил: «Суть не в парламентаризме. Парламентаризм — это известная форма выбора правительства. Что значит правительство при условии полного согласия монарха и народного представительства? Только послушный исполнитель». Согласно сообщению октябристской газеты, «после этого объяснения пресловутый парламентаризм

[1] Манифесты политических сил // Первый штурм. М., 1990. С. 481—482.

как-то падает сам собой». В принятой съездом программе говорилось об ответственности министров «перед императором и народными представителями» и необходимости их судебной ответственности перед палатами, в том числе за нецелесообразные действия.[2]

В своей думской деятельности октябристы не настаивали на ответственности министров перед Думой лишь при условии их формального и неформального сотрудничества с палатой. Уклонявшиеся от этого начальники ведомства лишались у октябристов легитимности. Это обстоятельство хорошо показывает их отношение к военным министрам А.Ф. Редигеру и В.А. Сухомлинову.[3] Правые и русские националисты также не были чужды подобных настроений.

Председатель Совета министров П.А. Столыпин учитывал такую позицию думцев и до начала 1911 г. успешно взаимодействовал с октябристами, русскими националистами и отчасти правыми. Тем не менее со временем отношения правительства и октябристского руководства Думы стали ухудшаться. Октябристский идеал «полного согласия» императора и Думы оказался в той ситуации неосуществим. Николай II и его правительство настаивали на сохранении авторитарных методов управления страной, в то время как октябристы требовали большего учета мнения высших классов. В частности, крайнее недовольство октябристов вызывало нежелание администрации в полной мере считаться с местным самоуправлением (интересы которого прежде всего представляла Дума[4]).

Имелись разногласия и по другим вопросам. Монарх, правительство и подконтрольный им Государственный совет были готовы на либеральные реформы в значительно меньшей степени, чем октябристы. Оппозиционность октябристов (и правых) заметно усилилась из-за введения западного земства в чрезвычайно-указном порядке вопреки отклонению проекта Государственным советом и решительному требованию фракции октябристов и ее лидера, председателя Думы А.И. Гучкова не действовать таким образом. После этого член бюро фракции П.В. Каменский заявил от ее имени: «фракция усматривает в обсуждаемом действии правительства фактор, затрудняющий согласную работу Думы и правительства».[5]

---

[2] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1. С. 340—342.

[3] Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 55—59; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 2. С. 51; *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 148—150.

[4] *Дёмин В.А.* Государственная дума и местное самоуправление // Таврические чтения 2012. СПб., 2013. Ч. 1. С. 163—171.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. III. Стб. 2868.

Назначенный в сентябре 1911 г. председателем Совета министров В.Н. Коковцов в отношениях с Думой стремился держаться рамок закона. Он не обладал харизмой Столыпина и в еще меньшей степени был склонен настаивать на реформах. В результате он очень быстро восстановил всю палату против себя. Единственным его успехом в работе с нею стало проведение через III Думу незадолго до ее роспуска программы военного судостроения. Премьеру удалось добиться этого лишь неформальными методами: переговорами с весьма влиятельным председателем бюджетной комиссии М.М. Алексеенко и, главное, благодаря обещанию в случае положительного решения организовать прием депутатов императором, в котором многие из них были заинтересованы.[6]

В остальных вопросах к концу своей работы III Дума перешла в оппозицию. В частности, один из лидеров фракции Союза 17 октября С.И. Шидловский, очень много сделавший для проведения через Думу крестьянской реформы Столыпина,[7] 16 марта 1912 г. от имени фракции объявил октябристов «оппозицией благоприобретенной». Развивая свою мысль, оратор отметил: «Оппозиция благоприобретенная не занимает неизменного положения, а становится на точку зрения оппозиции тогда, когда она видит, что деятельность правительства... не совпадает с теми директивами, которые она считает правильными, и мы стоим на этой почве».[8]

Проведением выборов в IV Государственную думу руководил министр внутренних дел А.А. Макаров. Он по подтверждаемому другими источниками свидетельству своего сослуживца В.И. Гурко отличался «умственной ограниченностью», а также «был типичный судебный деятель, привыкший, как большинство из них, разбираться в уже произошедшем и совершенно не обладавший способностью предусматривать то, что может произойти... К тому же привычка иметь дело с людьми, состоящими либо под следствием, либо под судом... сказывается прежде всего в каком-то формальном, неизменно закрепляемом протоколами и иными письменными документами отношении. Именно так относился Макаров и к подчиненной ему обширной губернской администрации, и к общественным учреждениям, и государь метко определил его сущность, назвав его нотариусом».[9] Поэтому в качестве администратора Макаров неиз-

[6] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 54, 60, 62—63.

[7] *Николаев А.Б.* Шидловский (Шидловский 1-й) Сергей Илиодорович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 700.

[8] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. III. Стб. 1400—1401.

[9] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 541, 615.

менно проваливал все стоявшие перед ним задачи.[10]

Выборы в IV Думу не стали исключением. Власти активно добивались «нужного» результата. Основная «административная технология» была связана с использованием священников, имевших право при наличии у церкви земли голосовать по наиболее влиятельной курии землевладельцев. При наличии в ней большинства у консервативных сил (до правых октябристов включительно) священники выделялись в особые отделения, что лишало их влияния на исход голосования. В случае же угрозы победы либералов (включая левых октябристов) священники не выделялись и благодаря стопроцентной явке (обеспеченной подлежащим начальством) нередко получали преобладание над помещиками. Такая практика значительно усилила оппозиционность октябристов, но не лишила их руководящего положения в Думе. Засильем духовенства в землевладельческой курии многих уездов были недовольны и помещики правее октябристов.[11]

После созыва IV Думы большинство министров во главе с Коковцовым и (с оговорками) сменившим его И.Л. Горемыкиным было готово работать с Думой в рамках Основных законов, желая восстановления руководящего ее работой блока октябристов и националистов. Однако руководство кабинета не собиралось идти на серьезные уступки ни тем, ни другим, поэтому эти желания не могли осуществиться.

В частности, правительственная декларация, зачитанная Коковцовым 5 декабря 1912 г. и содержащая многочисленные обещания реформ, сопровождаемые различными оговорками, была одобрена только относительно малочисленной (около 1/10 состава Думы) фракцией центра (фактически возглавляемой правительственным агентом П.Н. Крупенским[12]), а также частью октябристов во главе с Н.П. Шубинским,[13] который, по словам Коковцова, «всегда искал сближения с правительством... и считался “правительственным"

[10] Макаров Александр Александрович // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 297—298.

[11] *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 66—68.

[12] *Ромов Р.Б.* Крупенский (Крупенский 1-й) Павел Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 301.

[13] *Николаев А.Б.* Шубинский (Шубинской) Николай Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 708.

человеком"».[14] Остальные же ораторы с разных позиций критиковали правительство.[15]

Изменения в личном составе правительства в довоенное время лишь усиливали оппозиционность Думы. В декабре 1912 г. министром внутренних дел был назначен сторонник абсолютизма Н.А. Маклаков. До этого он служил черниговским губернатором и по отношению к местному земству «сразу занял непримиримую позицию».[16] В качестве министра Маклаков сразу же забрал из Думы проекты вероисповедных реформ и создания поселкового самоуправления и озаботился усилением власти губернаторов и фактическим введением предварительной цензуры, а впоследствии (осенью 1913) предлагал распустить Думу.[17] Соответственно новый министр сразу же стал в глазах нижней палаты одиозной фигурой.

27 мая 1913 г. лидер фракции правых Н.Е. Марков обвинил чиновников министерства финансов в злоупотреблениях (превышении власти, взяточничестве и др.) и заявил в адрес министра финансов: «Красть нельзя». Председательствовавший товарищ председателя кн. В.М. Волконский ограничился довольно мягким замечанием: «Член Государственной думы Марков 2, будьте осторожнее в Ваших выражениях».[18] Министр финансов Коковцов счел такую реакцию слишком мягкой и провел через Совет министров решение не посещать думских заседаний до получения извинений от руководства Думы. Такое требование не нашло понимания у ее председателя М.В. Родзянко и стоявших за ним октябристов. В результате из-за нежелания и Коковцова, и думского руководства пойти на затрагивающие ведомственный престиж уступки в мае—октябре 1913 г. имела место «министерская забастовка» — первый открытый разрыв Думы и правительства после 1906 г. На этот раз министры не получили поддержки монарха и были вынуждены удовлетвориться извинениями одного Маркова.[19]

В результате всего этого 10 декабря 1913 г. заведующий министерским павильоном Таврического дворца Л.К. Куманин был вынужден доложить председателю Совета министров: «хотя и по разным

[14] *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 139.

[15] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 286—451, 467—559, 594—682, 717—772, 799—894.

[16] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 94.

[17] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 113, 124, 159.

[18] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 64—66.

[19] См. подробнее: *Гайда Ф.А.* «Министерская забастовка» 1913 года // Таврические чтения 2010. СПб., 2011. С. 192—202.

мотивам, но вся Дума оказалась объединенной одним чувством — чувством оппозиционности по отношению к данному составу правительства».[20]

Смена председателя Совета министров в январе 1914 г. не улучшила положение. 75-летний Горемыкин был решительным сторонником взаимодействия с Думой исключительно в формальных рамках и противником расширения ее прав путем прецедентов. В марте 1914 г. правительство стало протестовать против параллельной разработки законопроектов думскими комиссиями.[21] Тогда же Горемыкин отказался отвечать на обращенный к нему запрос из-за неподконтрольности председателя Совета министров Сенату.[22] Столыпин в таких случаях также указывал на соответствующее положение премьера, но на запрос все же отвечал по существу.[23]

В марте же 1914 г. имела место попытка привлечь к суду председателя социал-демократической фракции Н.С. Чхеидзе за революционную пропаганду в думской речи.[24] При превращении в прецедент оно могло дать правительству сильнейшее средство давления на депутатов.

Все эти действия не имели практических последствий (дело Чхеидзе было прекращено императором[25]), но усиливали недовольство депутатов. Весной 1914 г. Дума начала бюджетную войну с МВД, отклонив почти все запрошенное правительством увеличение

[20] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 24.

[21] По закону (Учреждение Государственной думы, ст. 55—57) депутаты в порядке думской инициативы вносили не готовые законопроекты, а лишь их «основные положений». В случае признания их Думой «желательными» разработка на их основе проекта по общему правилу возлагалась на министра, который мог заниматься ею неопределенное время. Лишь при отказе министра Дума могла поручить составить законопроект своей комиссии. На практике III Дума в некоторых случаях поручала своим комиссиям разрабатывать законопроекты параллельно с министерствами. В случае задержки правительственного проекта комиссионный мог быть назначен к слушанию. В 1911—1912 гг. несколько проектов, составленных таким образом, были одобрены обеими палатами и утверждены императором.

[22] По закону (Учреждение Государственной думы, ст. 33) запросы могли направляться лишь подконтрольным Сенату министрам и главноуправляющим.

[23] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 190—191.

[24] Там же. С. 192—193, 211.

[25] *Николаев А.Б.* Чхеидзе Николай Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 687.

кредитов по сравнению с прошлогодним бюджетом, лишив тем самым Государственный совет возможности помочь ведомству.[26] По итогам рассмотрения бюджета министерства 186 голосами против 95 была принята внесенная фракциями центра и земцев-октябристов и группой Союза 17 октября резолюция («формула перехода»), в которой, в частности, говорилось: «...политика министерства, стесняющая и ограничивающая деятельность земских и городских учреждений, подрывает местные силы, которые в течение 50 лет принимали самое деятельное участие в духовном и экономическом развитии страны... поощряя повсеместный административный произвол, она вызывает недовольство... в широких, спокойных слоях населения.. такое положение, ослабляя мощь России, угрожает ей неисчислимыми бедствиями».[27]

Начало I мировой войны на некоторое время устранило публичную оппозицию Думы. 26 июля 1914 г. состоялось ее так называемое «историческое заседание», на котором все основные фракции поддержали военные усилия страны и выразили поддержку правительству.

В то же время военные обстоятельства фактически значительно уменьшили законодательные и финансовые полномочия Думы. В частности, между 15 июля 1914 г. (объявление Австро-Венгрией войны Сербии) и 27 февраля 1917 г. было издано примерно 162 закона (не считая 2 бюджетов)[28] и 659 чрезвычайных указов[29] по статье 87. Также значительно возросла роль императорских указов в порядке «верховного управления» и «военного законодательства». Военные расходы по закону утверждались императором без участия палат. Поэтому в рассматриваемый Думой бюджет включалось лишь 20—25 % государственных расходов.[30] Потеря своей доли политической власти не могла устроить депутатов.

[26] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 1409—1556, 1597—1879; Ч. V. Стб. 1320—1339. По закону (Правила о рассмотрении росписи 8.3.1906 г.) в случае разногласий Думы и Совета по бюджетным назначениям действовало то из постановлений палат, которое было ближе к прошлогоднему бюджету.

[27] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 1881—1882.

[28] Подсчитано по стенографическим отчетам заседаний Государственной думы и указателям к ним (Пг., 1914—1917).

[29] Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Дополнения 1—4 к нему. СПб. (Пг.), 1913—1917.

[30] Например, в бюджет 1916 г. было включено 3,5 млрд. руб., а предполагаемые государственные расходы составляли 14 млрд. руб. (*Шингарев А.* Бюджетное право и война // Право. 1916. № 4. Стб. 253).

Правительство после июля 1914 г. решило было не собирать Думу до ноября 1915 г. Депутаты стали настаивать на своем праве одобрить бюджет. Правительство согласилось и 27—29 января 1915 г. прошла III сессия IV Думы, посвященная принятию бюджета на 1915 год. В бюджетной комиссии за закрытыми дверями депутаты резко критиковали правительство за неподготовленность к войне, неудовлетворительное снабжение армии, недостаточные уступки национальным меньшинствам. Однако в общем собрании было решено ограничиться патриотическими речами.

По мере нарастания трудностей усиливалось и недовольство депутатов. Летом 1915 г. все фракции потребовали созыва длительной сессии Думы. Правительство не желало конфликта и пошло на уступки. С 19 июля по 3 сентября 1915 г. прошла первая часть IV сессии Думы. Перед ее началом по инициативе большинства членов правительства были уволены одиозные для Думы министры: министр внутренних дел Н.А. Маклаков, военный министр В.А. Сухомлинов, министр юстиции И.Г. Щегловитов и обер-прокурор Синода В.К. Саблер.[31] Это был первый случай значительного изменения состава правительства под давлением Думы.

Депутаты оценили уступку: резко высказываясь об уволенных министрах, они продолжали воздерживаться от критики действующих. Фактическое сокращение законодательных и финансовых полномочий думцы, не являвшиеся принципиальными противниками парламентаризма, захотели компенсировать в исполнительной ветви власти. Здесь также был найден компромисс в виде создания особых совещаний (закон 17.8.1915).

Однако они давали депутатам довольно ограниченное влияние на администрацию. К тому же во главе правительства оставался неприемлемый для Думы Горемыкин. Стремление думцев увеличить свое политическое значение нашло поддержку в правительстве. В августе 1915 г. по инициативе весьма влиятельного главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, стремящегося создать прочное и подконтрольное ему большинство в Думе, был создан Прогрессивный блок.[32] Как отмечает в мемуарах один из лидеров земцев-октябристов Н.В. Савич, Прогрессивный блок первоначально «имел целью ослабить революционное настроение путем привлечения оппозиции к сотрудничеству с властью».[33] Поэтому наряду с оппозиционными в блок вошли и проправительственные объе-

[31] *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003. С. 88—89.

[32] Там же. С. 115—117, 132—133.

[33] *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 159.

динения, в том числе самая лояльная фракция центра. В то же время в самом начале переговоров о создании блока кандидатура Кривошеина в премьеры была сочтена кадетами и октябристами запоздавшей. Впрочем, центристы продолжали ее поддерживать.[34] Руководящее положение в блоке заняли кадеты, готовность которых к компромиссу с правительством была весьма сомнительной.[35]

В том же месяце Кривошеин и ориентирующиеся на него министры, выступавшие за соглашение с Прогрессивным блоком, вступили в конфликт с Николаем II по вопросу смены верховного командования, в то время как Горемыкин едва ли не в единственном числе поддержал императора. В результате назначение Кривошеина или популярного в Думе управляющего Военным министерством А.А. Поливанова председателем Совета министров не состоялось и Прогрессивный блок, по словам Савича, оказался «на подножном корме».[36] Дума была распущена на каникулы без переговоров с ее руководством (по закону они не требовались, но на практике обычно проводились). Новый созыв первоначально был назначен на ноябрь 1915 г.,[37] затем особым указом был отложен. Все это вызвало резкое недовольство депутатов и осенью 1915 г. Прогрессивный блок (т.е. Дума) перешел в оппозицию.

На протяжении 1916 г. император и правительство продолжали идти на уступки Думе. Однако вопрос о соответствии этих уступок требованиям Думы и ее ответной реакции при этом фактически не рассматривался. Также не было попыток использовать разнородность блока, правое крыло которого оставалось на консервативных позициях. В итоге, в отличие от 1915 г., ответных уступок Думы не было.

В сентябре 1915 г. депутат впервые получил министерский портфель: управляющим МВД вопреки мнению Горемыкина[38] был назначен член Думы А.Н. Хвостов.[39] Впрочем, он входил в ставшую в палате маргинальной фракцию правых, а назначение получил благодаря предшествующей административной карьере (до избрания служил губернатором). Тем не менее Хвостов стал добиваться усту-

---

[34] Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 562—563, 565.

[35] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 122—135.

[36] *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 159.

[37] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 1206—1208.

[38] Кризис самодержавия в России. С. 576.

[39] *Николаев А.Б.* Хвостов Алексей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 658—659.

пок Думе. В январе 1916 г. по его инициативе был уволен возражавший против ее созыва Горемыкин и принято решение о новой длительной сессии Думы.[40] Однако новый председатель Совета министров Б.В. Штюрмер был также совершенно неприемлем для Думы.

Перед открытием новой сессии 9 февраля 1916 г. Николай II в первый и последний раз посетил нижнюю палату.[41] Один из лидеров фракции земцев-октябристов Савич так описывает это событие в своих мемуарах: «Я видел, какое сильное впечатление этот акт произвел на людей, еще накануне ярых оппозиционеров. Было ясно, что тут, на этой встрече, могло свершиться великое дело объединения трона с подданными, спайки в одно целое нации с ее возглавлением, если бы у государя был продуманный и решенный план действий, если бы он воспользовался этим случаем, чтобы провозгласить и закрепить новые взаимоотношения между ним и народным представительством... Депутаты инстинктивно чего-то ждали от государя, не хотели верить, что приезд этот не имеет политической подкладки... Сделай государь тогда призыв к сотрудничеству, решись призвать нас к управлению, хотя бы на время войны, к участию в деле подбора и комплектования Совета министров — он вызвал бы среди нас бурю восторженной преданности трону и ему самому». Однако Николай II ограничился светскими беседами. В результате посещение оказалось «бесплодным и скорее вредным, принеся лишь впечатление пустого места».[42]

В то время как Горемыкин 19 июля 1915 г. фактически заявлял о неуместности не связанных непосредственно с войной преобразований,[43] Штюрмер в правительственной декларации, произнесенной 9 февраля 1916 г., заявил: «Правительство понимает, что и война, при всей ее исключительности, не останавливает ни запросов времени, ни настояний политического мышления...»[44] Премьер сообщил о возложении на МВД разработки законопроектов о волостном земстве, реформе городского самоуправления и о введении земств на окраинах, а также пообещал ряд других преобразований: развитие профессионального образования, реформу прихода и администт-

[40] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 179.

[41] В то время как значительно более лояльную III Думу он с трудом согласился принять в своем дворце.

[42] *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 161—163

[43] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915. Сессия четвертая. Стб. 8—9.

[44] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1220.

ративной юстиции, улучшение финансирования местного самоуправления, борьбу с ростом цен на продовольствие и с «немецким засильем», улучшение «правового положения» рабочих.[45]

Эта программа вполне соответствовала требованиям правого крыла Прогрессивного блока. Однако из-за одиозности Штюрмера для Думы, а также отсутствия у правительства соответствующих проектов (так и не внесенных в Думу до свержения монархии) эти обещания не были восприняты всерьез. В феврале 1916 г. впервые за время войны резкой критике стали подвергаться действующие министры.

В сентябре 1916 г. управляющим МВД был назначен товарищ председателя Думы и председатель ее комиссии о торговле и промышленности земец-октябрист (т.е. член Прогрессивного блока) А.Д. Протопопов,[46] которого ранее М.В. Родзянко рекомендовал императору как кандидата в министры торговли и промышленности. В отличие от Хвостова Протопопов ранее не занимал высоких административных постов. С одной стороны, это была весьма значительная уступка оппозиции. Однако ни сам император, ни кто-либо из его окружения не сочли нужным перед этим назначением поговорить о нем с Родзянко или другим деятелем блока и выяснить, насколько это назначение соответствует желаниям Думы и на какие ответные уступки она готова пойти. Также не было учтено, что Протопопов, несмотря на формально высокое положение, не имел в Думе заметного влияния (товарищем председателя он был избран случайно,[47] к тому же этот пост не давал реальной власти, а экономические вопросы находились на периферии интересов основной части депутатов).

Первоначально назначение Протопопова было воспринято либеральными кругами положительно.[48] Новый министр выдвинул программу реформ, включающую отмену или уменьшение правоограничений иудеев, сокращение государственного регулирования торговли, введение судебной ответственности министров перед палатами, в том числе за нецелесообразные действия.[49] Однако неспособность министра быстро ее осуществить, его неудачные кадровые назначения и бестактные действия уже в октябре 1916 г. вызвали его разрыв

[45] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1220.

[46] *Николаев А.Б.* Протопопов Александр Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 506.

[47] *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 171—172.

[48] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 222.

[49] Кризис самодержавия в России. С. 606—607.

с Прогрессивным блоком. Протопопов стал рассматриваться Думой как ренегат и предатель.

В ноябре 1916 г. имела место последняя значительная уступка императора Думе — увольнение Штюрмера, ставшего объектом крайне резких нападок ораторов блока. Однако Протопопов был оставлен в должности, поэтому оппозиционность блока не уменьшилась.

Во время V сессии IV Думы (1 ноября 1916—27 февраля 1917 г. с перерывами) отношения правительства и нижней палаты напоминали перводумские времена. Оппозиционные выступления депутатов перерастали в революционную агитацию и организационную работу.

В заключение можно отметить следующее. По словам государственного деятеля начала XX в. С.Е. Крыжановского (основного автора законов о Думе и ряда других реформ), «Дума, и в этом главное ее значение, явилась весьма удобным инструментом для воздействия на настроение страны... Но разумеется, на этом инструменте надо было уметь играть, а этого умения не оказалось, так как Дума после Столыпина была брошена на произвол судьбы, и все связи с нею были утеряны».[50]

Гибельный для Российской империи конфликт правительства и Думы зародился в довоенные времена. В 1914—1915 гг. путем взаимных уступок его удалось убрать из публичной плоскости, но с 1916 г. из-за нежелания императора и части высшей бюрократии серьезно считаться с Думой, вникать в ее политическую позицию и психологию депутатов эти разногласия вновь стали публичными и из-за трудностей военного времени значительно усилившимися.

[50] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. СПб., 2009. С. 155.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Дума и Совет министров в годы Первой мировой войны: сотрудничество и конфронтация

Казалось бы, история взаимоотношений правительства и представительных учреждений в годы войны — это история непрерывного и нараставшего конфликта. Сам по себе он не вызывает сомнения. Однако понимание политических процессов 1914—1917 гг. во многом зависит от выбранного угла зрения. Ведь деятельность депутатов не сводилась к излюбленным журналистами (а также современными исследователями) большим думским дням, когда народные избранники яростно сталкивались с министрами, разоблачали их промахи и пытались склонить власть к формированию «правительства общественного доверия». Все же чаще они вели диалог и договаривались по каждодневным проблемам законотворчества. Конечно, министров более всего интересовали вопросы бюджетной политики, где они в значительной мере оказывались в зависимости от Думы.

Думская сессия, после осеннего перерыва 1914 г., еще не открылась. Тем не менее 26 января 1915 г. было проведено частное совещание комиссии по военным и морским делам. На это заседание пришли и министры, которые не имели даже возможности (как, впрочем, и желания) отказаться от взаимодействия с депутатским корпусом. Иную позицию занимали лишь военный министр В.А. Сухомлинов и министр внутренних дел Н.А. Маклаков, который поразил своей грубостью и резкостью даже И.Л. Горемыкина. Премьер по просьбе М.В. Родзянко попытался смягчить всеобщее «отвратительное впечатление» и произнес в конце несколько примирительных слов.[1]

Прошло несколько дней: и вновь все министры в сборе. Они присутствовали на открытии думской сессии и комментировали те или иные статьи проекта бюджета. Один из народных избранников вспоминал: «Министерства с нами были очень милы и любезны. Некоторые из наших, конечно левых, все же их понемножку за пейсы драли и правды было много высказано, но так как это было общение Думы с правительством, то весь вечер был проведен в духе примирительном. Министры давали на многие вопросы объяснения и даже во многом винились и много заявлений приняли к делу».[2]

Столь слаженная работа имела своей целью скорейшее окончание сессии. Бюджет был принят, но диалог министров и депутатов

[1] *Милюков П.Н.* Воспоминания: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 166—167.

[2] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 426.

на этом не закончился. Переговоры с думцами преимущественно вел главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин,[3] чья позиция была вполне созвучна депутатским чаяниям: он выступал в пользу расширения контрольных функций Думы. В феврале 1915 г. Кривошеин предложил в Совете министров обсудить вопрос об установлении депутатского контроля над правительством. По его оценке, это должно было способствовать консолидации общества.[4]

В условиях «великого отступления» весны 1915 г. оппозиционные настроения лишь нарастали. В Думе сложился Прогрессивный блок. Правительство взбунтовалось против решения Николая II возглавить армию. В итоге состав министерской коллегии существенно изменился. Однако и в этих непростых условиях диалог между народными избранниками и руководителями ведомств не прерывался. Как и прежде, в первую очередь обсуждался бюджет. Правда, теперь депутаты не спешили с рассмотрением государственной росписи.[5] Министры же старались не пропускать заседания бюджетной комиссии, которые все же происходили нечасто.[6] С 15 сентября по 30 ноября 1915 г. прошло только четыре ее заседания.[7]

Работа бюджетной комиссии получила новый оборот только в декабре. Министры и тогда посещали ее заседания. 16 декабря в заседании бюджетной комиссии принял участие министр внутренних дел А.Н. Хвостов. Он пришел в Таврический дворец вместе со всеми своими товарищами (заместителями). Хвостов демонстративно вошел в Таврический дворец не через министерский павильон, как все прочие министры, а, будучи депутатом, через главный вход. Он явился на заседание совершенно больным. Слово предоставил заместителям. Сам же ограничился отдельными репликами. На это заседание явилось множество народных избранников. Громадная «тринадцатая» комната не вместила всех желающих. Заседание пришлось перенести в Полуциркульный зал. На следующий же день бюджетная комиссия ожидала выступления министра путей сообщения А.Ф. Трепова.[8]

---

[3] *Клячко Л.М.* Повести прошлого. Л., 1929. С. 51.

[4] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 157—158.

[5] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 451.

[6] Там же. С. 452.

[7] Там же. С. 455.

[8] *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 139—140.

Министры самых разных взглядов не смели игнорировать позицию депутатского корпуса. Это касалось и премьер-министров. Еще за полгода до начала войны, вскоре после своего назначения, И.Л. Горемыкин искал встречи с Родзянко, а не наоборот. Также себя вел Б.В. Штюрмер. А.Ф. Трепов, заняв пост главы правительства, торопился встретиться с председателем Думы, с которым у него был весьма откровенный разговор.[9] Новый председатель Совета министров, вероятно, желая понравиться депутатам, заявил о своем неприятии министра внутренних дел А.Д. Протопопова и готовности потребовать его отставки.[10] К 19 ноября готовилась декларация Трепова, который согласовывал ее с председателем Думы. И все же во время выступления нового премьера представители крайне левой подняли шум, чтобы заглушить его речь.[11] Ситуация вышла бы из-под контроля, если бы Трепов не запретил Протопопову выступать в Думе в качестве министра внутренних дел.[12]

И министры, и народные избранники и сотрудничали, и боролись друг с другом. Причем их конфликт объяснялся не злой волей сторон, а разнонаправленной эволюцией Совета министров, Государственной думы и Государственного совета.

Тенденция была задана в 1911 г. С этого момента центр власти неуклонно смещался в сторону Царского Села. Совет министров, не претендуя на самостоятельную политическую роль, в большей степени играл техническую роль. И в августе 1915 г., десять лет спустя после образования «объединенного» правительства, Кривошеин отмечал, что на месте главы «кабинета» он немедленно бы внес в Думу законопроект о «единстве Совета министров».[13]

В сфере компетенции правительства была подготовка «законодательной вермишели». Такая работа занимала львиную долю времени глав ведомств. Об этом, например, свидетельствуют Особые журналы Совета министров, большая часть которых была посвящена частным вопросам.[14] Это явно диссонировало с прежними порядками, имевшими место до 1911 г. Так, в 1909 г. подобных журналов было 313,[15]

[9] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 156.

[10] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 184.

[11] Там же. С. 165—166.

[12] Там же. С. 166.

[13] *Протопопов С.Д.* Записные книжки // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 45. Л. 12 об.

[14] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. 1914 год. М., 2006. С. 658—684; Там же. 1915 год. М., 2008. С. 617—705; Там же. 1916 год. М., 2008. С. 626—748.

[15] Там же. 1909 год. М., 2000. С. 547—592.

в 1910 г. — 231,[16] а в 1915 г. — 1083,[17] в 1916 г. — 1452.[18] В 1909 г. специально для такого рода вопросов был создан так называемый «Малый совет», состоявший из товарищей министров. В годы Первой мировой войны он собирался сравнительно редко. Таким образом, большая часть работы непосредственно ложилась на руководителей ведомств, и Совет министров был вынужден собираться чаще, чем прежде.[19] Кроме того, в 1916 г, в период премьерства Б.В. Штюрмера, неформальная, по сути важнейшая, часть заседаний Совета министров не проводилась. Кабинет все более напоминал прежний Комитет министров, который преимущественно занимался «вермишелью», а политические вопросы не обсуждал.[20]

Главы ведомств нередко назначались (или же сохраняли свои должности) без учета мнения (а иногда даже вопреки) премьера. Так, Горемыкин не выносил Н.А. Маклакова в кресле министра внутренних дел.[21] А.Н. Хвостов и Вс.Н. Шаховской получили назначения, несмотря на недовольство того же Горемыкина.[22] Б.В. Штюрмер просил уволить министра земледелия А.Н. Наумова и министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, но император ему в этом отказал со словами: «Прошу в область моих распоряжений не вмешиваться».[23] Премьер А.Ф. Трепов без особых успехов добивался отставки А.Д. Протопопова.[24]

Сами принципы, положенные в основу кадровой политики, исключали возможность выработки общего правительственного курса. По словам П.Л. Барка, «встав на путь персональной политики, государь искал в своих новых сотрудниках простых исполнителей его повелений и к этой роли более всего подходили люди пассивные и не выдающиеся».[25] В рамках этого подхода министры — царские приказчики, а не самостоятельные политики.

---

[16] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год. М., 2001. С. 461—486.

[17] Там же. 1915 год. М., 2008. С. 617—705.

[18] Там же. 1916 год. М., 2008. С. 626—748.

[19] Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л., 1925. Т. 4. С. 11.

[20] Там же. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 337—338.

[21] Там же. М.; Л., 1927. Т. 7. С.125.

[22] Там же. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 317—318.

[23] *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. N.Y., 1955. Кн. 2. С. 430.

[24] *Шаховской Вс. Н.* “Sic transit Gloria mundi” (Так проходит слава мирская). 1893—1917. Париж, 1952. С. 192.

[25] *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. № 176. С. 93.

И все же именно они должны были взаимодействовать с депутатским корпусам, что было совсем непросто. К лету 1915 г. в Думе сложился непривычный для правительства расклад сил. Впервые возникло устойчивое оппозиционное большинство, что получило достойное отражение в историографии.[26]

К лету 1915 г. произошла перегруппировка сил и в Государственном совете. Прежнего предсказуемого большинства, на которое могла полагаться верховная власть, не было. Шло брожение даже среди правых «звездной палаты». Некоторые из них подумывали о том, чтобы выйти из состава правой группы.[27] Немало членов Государственного совета присоединилось к Прогрессивному блоку. По оценке депутата Думы Н.В. Жилина, 26 членов Государственного совета вошли в блок, 6 — были готовы их поддержать, а 34 — в тайне склонялись к этому решению.[28] Осенью 1915 г. состоялись выборы в Государственной совет. Результаты кампании принципиально изменили расстановку сил. Прежде большинство было у противников Прогрессивного блока (99 против 89 голосов). При новых обстоятельствах доминировали его сторонники (100 против 90). Кроме того, Государственный совет пополнился столь яркими фигурами как А.И. Гучков, кн. Е.Н. Трубецкой, П.П. Рябушинский.[29] 26 ноября в Государственный совет были назначены пять лиц очевидно консервативного направления: бывшие губернаторы Н.П. Муратов и А.А. Римский-Корсаков, а также Н.П. Гарин, кн. Н.Д. Голицын, И.С. Крашенинников. При этом ряд назначенных членов, обоснованно подозревавшихся в сочувствии Прогрессивному блоку, благоразумно открещивались от него. Например, кн. А.Д. Оболенский утверждал: «Нам нет надобности выходить из состава Прогрессивного блока, ибо мы в его состав никогда не входили».[30] Тем

[26] *Черменский Е.Д.* История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 501, 503; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 262—263; *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 184—188; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 615—616; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917). М., 2002. С. 101—154.

[27] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 443.

[28] Там же. С. 454.

[29] *Милюков П.Н.* Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 286.

[30] *Милюков П.Н.* Воспоминания. С. 289.

не менее теперь верховная власть не могла рассчитывать на Государственный совет, как прежде.

Не был вполне надежен и его новый председатель. У многих Государственный совет прочно ассоциировался с его «спикером» — М.Г. Акимовым, который скончался вскоре после начала войны — 9 августа 1914 г. 15 июля 1915 г. новым председателем стал А.Н. Куломзин. Это решение стало результатом компромисса. Император не мог выдвинуть «конституционалиста» И.Я. Голубева. Куломзин, успешно маневрировавший между группами Государственного совета, должен был стать для всех членов высокого собрания более или менее приемлемой кандидатурой.[31] Расчет не вполне оправдался. Правым новый председатель казался настоящим оппозиционером.[32]

Верховная власть все же рассчитывала, что Государственный совет вернется к задачам охраны закона и порядка. В ноябре 1916 г. товарищ председателя Государственного совета И.Я. Голубев был вызван в Царское Село, где императрица его отчитала за характер прений в верхней палате. В декабре 1916 г. во главе Государственного совета встал бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов. Он жаловался на «полевение» верхней палаты.[33] По оценке Щегловитова, чтобы в Государственном совете вновь установилась гегемония правых, следовало назначить к присутствию 15 благонадежных лиц.[34] В итоге в январе 1917 г. император сменил 17 назначенных к присутствию членов Государственного совета, что обескуражило даже членов правой группы.[35] Расклад сил в «звездной палате» действительно изменился. По сведениям Ю.А. Икскуля фон Гильдебандта, «в Государственном совете образовалось крепкое “зубровое большинство”, с храброй бестактностью идущее на конфликт с Государственной думой».[36]

Однако никакие кадровые перестановки не отменяли того факта, что политическая ситуация не позволяла правительству полагаться на Мариинский дворец. А.Д. Протопопов едва ли не ежедневно переговаривался с Щегловитовым, надеясь на его влияние в Государственном совете. Но этот расчет не оправдался. Даже правые в большинстве своем не собирались действовать по указке председате-

[31] *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916. М., 1924. С. 168—169.

[32] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 462.

[33] Там же. С. 492.

[34] Падение царского режима. Т. 4. С. 56.

[35] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 532—533.

[36] Там же. С. 547.

ля. Так, в январе 1917 г. председателем правой группы стал А.Ф. Трепов, чему Щегловитов пытался безуспешно помешать.[37]

Иными словами, в период Первой мировой войны многое изменилось в положении высших государственных учреждений. Совет министров «законодательствовал», не обладая ни политической волей, ни программой действий. В Думе впервые сложилось консолидированное большинство. В позиции Государственного совета все более проявлялась его оппозиционность. Все это обозначало, что прежние алгоритмы принятия решений уже не работали. Новые проблемы накладывались на старые. И думские объединения, и группы Государственного совета, и правительство не были внутренне однородными.

Так, в Совете министров имелись сторонники тесного взаимодействия с представительными учреждениями. Они «вели собственную игру», не согласовывая ее с коллегами. А.В. Кривошеин, С.Д. Сазонов, П.А. Харитонов не порывали связей с думской оппозиции, а иногда координировали с ней свои действия. Они вполне принимали идею создания правительства «общественного доверия», с чем И.Л. Горемыкин едва ли мог согласиться. В мае 1915 г. А.В. Кривошеин предложил несколько вариантов состава кабинета, который включал бы и представителей общественности. Один из этих вариантов предполагал во главе Совета министров П.А. Харитонова, два других — самого Кривошеина.[38]

Это вполне согласуется со сведениями из воспоминаний П.Н. Милюкова, согласно которым инициатива образовать Прогрессивный блок исходила, в том числе, и из правительственных кругов. Имелся в виду Кривошеин, чьим «маклером» в Думе был П.Н. Крупенский. Это отчасти объясняет, почему фамилия главноуправляющего землеустройством и земледелием «всплыла» первой, когда депутаты стали обсуждать вопрос о составе будущего кабинета.[39] Особую роль А.В. Кривошеина в складывании думского большинства подчеркивал в своих воспоминаниях и бывший министр торговли и промышленности кн. Вс.Н. Шаховской.[40]

Новый расклад сил в Думе предполагал и новую тактику со стороны правительства. В июне 1915 г. П.Л. Барк, А.В. Кривошеин, С.В. Рухлов, П.А. Харитонов поставили вопрос о скорейшем созыве депутатов и изменении состава Совета министров. И.Л. Горемы-

[37] Падение царского режима. Т. 4. С. 460.

[38] Кризис самодержавия в России. 1895—1914. Л., 1984. С. 553—554.

[39] Там же. С. 180.

[40] *Шаховской Вс.Н.* Указ. соч. С. 113.

кин поддержал своих коллег и представил их прошение на рассмотрение императора. В результате были уволены военный министр В.А. Сухомлинов, министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н.А. Маклаков и обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер.[41]

13 июня 1915 г. в Ставке состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждались кандидатуры будущих глав ведомств. Заменой И.Г. Щегловитову могли стать А.А. Хвостов и сенатор П.Н. Милютин. В пользу Хвостова выступал сам Горемыкин. Саблера же должен был сменить А.Д. Самарин. Сразу же после заседания Горемыкина принял император, который одобрил кандидатуры и Самарина, и Хвостова.[42]

Спустя некоторое время, в августе 1915 г., на квартире государственного контролера П.А. Харитонова члены Прогрессивного блока совещались с некоторыми из министров, которые во многом согласились с оппозицией.[43] По предложению Кривошеина кабинет принял резолюцию, которая гласила, что «намеченная Прогрессивным блоком программа не встречает серьезных возражений, но Совет министров, не будучи в своем нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу ее осуществления». И.Л. Горемыкин, вопреки всем ожиданиям, не стал возражать, но настаивал на скорейшем роспуске Думы.[44]

Таким образом, само правительство, внутренне неоднородное и политически аморфное, становилось фактором брожения. При этом такой Совет министров не мог предложить народным избранникам «повестку дня», соответствовавшую их ожиданиям. Собирать же Думу, не ставя перед ней серьезных задач, значит обрекать ее деятельность на деструктивный характер. По этой причине в декабре 1914 г. А.В. Кривошеин предлагал внести в нижнюю палату законопроект о введении в России подоходного налога. Экономист П.П. Мигулин предложил ему провести через Думу военные расходы, что, правда, противоречило действовавшему законодательству.[45]

---

[41] По сведениям Г. Шавельского, эти кадровые решения были приняты под давлением вел. кн. Николая Николаевича и кн. В.Н. Орлова (*Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 250).

[42] *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 134—135.

[43] *Клячко Л.М.* Указ. соч. С. 53.

[44] *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 129.

[45] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 422.

Но правительство, бывшее лишь слабой тенью «объединенного» кабинета, было не в силах вести за собой депутатов. Повестка будущей сессии так и не была определена, а, значит, министрам ее следовало опасаться. «Боятся запросов, обструкции со стороны социал-демократов (ареста) и т.д. С другой стороны, хочется провести бюджет и одобрение налогов, проведенных по 87 ст.», — писал Мигулин Алексеенко 12 декабря 1914 г.[46] Этот страх все же свидетельствовал в пользу Думы: с ней считались и в ней нуждались.

При этом министры отнюдь не собирались отказываться от взаимодействия с депутатским корпусом. Политический же диалог с ним был технически невозможен. А народные избранники настаивали именно на нем, что в результате делало ситуацию тупиковой.

Конечно, депутаты могли договариваться с главами ведомств, но не с правительством в целом. Его фактически не было как самостоятельного политического игрока. Ситуация лишь усугубилась в период войны, когда правительству пришлось «поделиться» полномочиями со Ставкой. Все это явно диссонировало с тенденциями, имевшими место в Думе и Государственном совете, которые начали обретать политическое лицо.

Получалось, что высшая бюрократия и народные избранники говорили на разных языках. Министры, чья сфера компетенции в условиях войны сужалась, ставили перед Думой технические вопросы. Депутаты же с неизбежностью выходили на политические сюжеты. Как следствие, политизировались те немногие вопросы, которые обсуждались в Думе. Конфликт правительства и представительных учреждений был предрешен институционально. Стороны были готовы к диалогу, нередко добивались частных договоренностей, но при этом расходились врагами.

[46] Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг. С. 422.

И.К. КИРЬЯНОВ

Государственная дума и повседневность политического в позднеимперской России

Введение в систему высшей государственной власти представительного учреждения, разделявшего с императором законодательные полномочия, коренным образом изменило политическое пространство Российской империи начала XX в. Понятие политического пространства (политического поля, политоида) широко используется в современной политологической литературе. Под политическим пространством понимается форма и способ существования неоднородности распределения власти в обществе. Точкой такого пространства, в которой минимально локализуется власть, является человек с его ценностями и статусами, ролями и практиками поведения, связями с социально-политическими институтами, которые «проходят» через него, создавая специфическую конфигурацию властных отношений.[1]

Политическое пространство неограниченной и самодержавной монархии формально принадлежало только одному лицу — императору («хозяину земли русской»), подданным которого отводилась роль объектов его политики. В этой связи уместно указать на то содержание, которое вкладывалось в понятие *политика* в конце XIX в. Согласно В. Далю, политика — это «виды, намерения и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые». Политиком же считался либо «умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать», либо государственный преступник, выступавший против царя.[2]

Любопытное подтверждение подобного толкования содержится в воспоминаниях Б.А. Васильчикова. «Дворянство в своей массе, не исключая и той его части, которая носила на себе внешние черты аристократии, — отмечал бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием, — было определенно аполитично. [...] из поколения в поколение родители внушали детям быть верноподданными, исправно служить и политикой не заниматься, так как политика

[1] См.: *Мохов В.П.* Топология политического пространства. Пермь, 2002. С. 39, 41. В этой работе дан анализ различных подходов к определению политического пространства.

[2] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. III. С. 261.

понималась только в смысле оппозиции, и всегда предполагалось, что правительство настолько сильно, что само за себя постоит и в общественной поддержке не нуждается. Как часто приходилось слышать с самоудовлетворением произносимое: “Я политикой не занимаюсь”, или с похвалой: “Он политикой не занимается”. Это произносилось в том же значении, как “Он не пьет” или “Он не играет в карты”».[3]

Далеко неслучайно в процессе работы ЧСК Временного правительства неоднократно задавался вопрос о том, какую разницу представители старой власти видели между делом и политикой. В частности, для П.Н. Игнатьева, занимавшего пост министра народного просвещения в 1915—1916 гг., политика заключалась в «политических выходках и жонглерстве», а «реальная политика», то есть дело — в «культурной работе в толще народа».[4]

Между тем в результате институциональных изменений 1905—1906 гг. наметилось превращение обывателя из объекта политического управления в системе неограниченной и самодержавной монархии в субъект политического процесса в системе дуалистической монархии. Выдающуюся роль в этом отношении сыграла первая избирательная кампания в Государственную думу, в ходе которой «политика впервые получила права гражданства и сделалась свободным достоянием общества».[5] Аналогичные воспоминаниям бывшего сановника впечатления сохранились и у кадета Н.И. Астрова: «Это было первое приобщение широких обывательских масс к политической жизни. Подавляющее количество, однако, оказалось новичками в политике. Но и когда совершенно неожиданно обнаруживалось, что скромные на вид люди, всю жизнь мирно занимавшиеся своим скромным делом, оказывались не только начитанными и политически образованными людьми, но совершенно готовыми политическими деятелями, с нужной эрудицией и обширными знаниями. Эти люди быстро нашли свои места в партиях и стали видными участниками в предвыборной кампании. <...> Под их влиянием часто люди сами находили себя политически и примыкали к той или иной партии».[6]

Благодаря институциональным и неформальным практикам политического участия (электоральное поведение, членство в партиях, посещение политических мероприятий, интерес к политической информации, дискурс в отношении политических событий и т.п.) в

[3] *Васильчиков Б.А.* Воспоминания. М., 2003. С. 90.

[4] ПЦР. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 3.

[5] *Васильчиков Б.А.* Указ. соч. С. 198.

[6] *Астров Н.И.* Воспоминания. М., 2000. С. 149—150.

позднеимперской России происходило рождение человека политического. Тем самым политическое вводилось в круг привычных социальных взаимодействий, делалось более или менее значимой частью жизненных укладов различных групп населения и отдельных индивидов.[7] Так, по воспоминаниям профессора Н.И. Кареева, «партийность вносилась всюду, где ей не было места. Например, в студенческих комиссиях по заведованию столовыми члены должны были быть от всех партий, как будто, положим, в составлении меню обедов могли проводиться принципы эсдеков, эсеров, кадетов и т.п.».[8]

Внезапное и стремительное вторжение политического в обыденную жизнь подданных российского императора порождало на первых порах реакции не столько рационального, сколько эмоционального характера. Об этом вспоминал С.Е. Трубецкой: «Сколько я видел тогда и юношей и людей уже зрелых лет, которые были буквально “влюблены” в те или иные политические программные требования. Я помню, например, одного профессора-политехника (проф. Рузский), который совершенно экстатически говорил о “четырех-хвостке” (всеобщее, тайное, равное и прямое избирательное право). Тогда, пятнадцатилетним юношей, я был поражен странным опьянением от такого безалкогольного напитка! Только позднее я понял, что это было просто влюбление, влюбление... в отвлеченную формулу. <...> Таких людей, как этот профессор Рузский, было тогда немало среди людей всякого возраста».[9] Визуальное выражение подобные чувства нашли отражение в первоначальном этюде картины И.Е Репина «Манифестация 17 октября 1905 г.» (1906 г.), наполненном импрессионистскими эмоциональными нотками.

Формы и масштабы проникновения новых политических взаимодействий в повседневные практики различных социальных групп,

[7] Следует подчеркнуть то, что в научном сообществе нет согласия в определении понятия «повседневность». Поэтому актуальным остается замечание М.М. Крома о том, что «универсального, на все случаи жизни пригодного понятия “повседневность” просто не существует. Это условная конструкция, и она возникает в тот момент и приобретает такие очертания, когда и как мы проводим разграничения между сферами общественной жизни» (*Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. СПб., 2003. С. 11). В данной работе за основу взят подход Н.Л. Пушкаревой, которая определяет повседневность как «совокупность привычных социальных практик, укладов жизни, правил обихода», как «ткань человеческих отношений» (*Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник. 2007. М., 2008. С. 9).

[8] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 235.

[9] *Трубецкой С.Е.* Минувшее. Paris, 1989. С. 44—45.

конечно же, различались, но все же охватывали все эти группы. Для российской политической реальности начала XX в. ведущую роль в данном процессе играла Государственная дума. Именно ее деятельность сформировала новый вид профессиональной занятости — депутатство, для которой политическая составляющая наполняла содержанием едва ли не всю служебную повседневность парламентариев. На этом акцентировал внимание в своих воспоминаниях думец трех созывов В.А. Маклаков: «В государствах с представительным строем участие в политической жизни не только совместимо со всякой профессией, но и само может человека захватить полностью. <...> Сделавшись в 1896 г. адвокатом, я остался им до конца, но в 1907 г. меня сверх этого пришло стать депутатом, членом Государственной Думы. Это стало моей второй и главной профессией, отодвинувшей на задний план адвокатуру».[10]

Депутатами Государственной думы в позднеимперской России избирались 1724 человек, из них 215 (12,5 %) обладали повторяющимся парламентским статусом — были членами нескольких созывов или входили в состав выборной части Государственного совета. В Думу второго созыва было избрано 30 человек с предыдущим парламентским опытом (сказалось уголовное преследование в связи с подписанием Выборгского воззвания), в Думу третьего созыва — 71 человек, в Думу четвертого созыва — 140 человек, из них 124 — состояли депутатами третьего созыва.

Регулярность парламентских сессий, участие в общих собраниях и заседаниях думских комиссий, лоббирование интересов избирательных округов и отдельных групп избирателей составляло рутину повседневных депутатских практик, которые принципиально меняли содержание того, что в политической социологии принято определять как «повседневность политики» (уже — «повседневность власти»).[11] Все это с наибольшей полнотой проявилось в период Думы третьего созыва — «Думы будничной работы», которая, по выраже-

[10] *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 338—339.

[11] См. подробнее о подходах современной политической социологии к изучению повседневности: *Плотичкина Н.В.* Политическая социология повседневности: концепт практик versus концепт фреймов // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. № 2. С. 227—240. К.А. Соловьев применяет не менее емкое, но более характерное для историков понятие «политического быта». Им же предпринята едва ли не первая в историографии попытка подойти к рассмотрению новых политических практик, связанных с деятельностью Государственной думы Российской империи, используя концепт политической повседневности, см.: *Соловьев К.А.* Что такое политическая повседневность // Историк и его время: Сб. ст. К 70-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2011. С. 197—200.

нию современника, «своим существованием приучала наши правящие круги к формам конституционной жизни».[12]

Отлучение от подобных повседневных практик многими думцами воспринималось весьма болезненно. Так, после судебного процесса по делу о Выборгском воззвании на слова М.М. Винавера о том, что тот «сдал в архив всякую мысль о политике», Ф.Ф. Кокошкин заявил: «А я нет. Я не сдаюсь, не могу. Это моя настоящая стихия; я должен жить надеждой, что вернусь к ней».[13] «Ужасно томясь от вынужденного безделия», втородумец А.А. Стахович изыскивал возможность приобрести фиктивный ценз для участия в выборах 1912 г. от Пермской губернии.[14] Едва ли не подобное же томление диагностировал для большинства действовавших депутатов в своем донесении 27 января 1916 г. Л.К. Куманин: «Внезапно разразившаяся война столь же внезапно устранила членов Думы <...> от всякого влияния на текущую жизнь страны <...>. Между тем война затягивается, и психологическое настроение людей, жаждущих активного влияния, но силою вещей остающихся не у дел, все обостряется».[15]

Многими кандидатами в депутаты вхождение в Государственную думу рассматривалось в качестве способа улучшения своего материального положения. Политическое в данном случае выступало не столько частью их новой повседневности, сколько средством обновления традиционной повседневности. И в первую очередь это относилось к крестьянам. Так, член I Государственной думы А.П. Куропацкий, крестьянин из Гродненской губернии, «все свое внимание сосредоточил на вычислениях, сколько ему денег останется от получаемого членского содержания для покупки земли, огорчался, что во вторую думу его ни за что не выберут, ибо на такой легкий и хороший “законодательный заработок” все крестьяне-выборщики зарятся, однако признавал справедливым дать заработать и другим крестьянам. Увы! мечта Куропацкого о покупке земли не осуществилась. Первая Дума вскоре была распущена».[16]

Об ориентации крестьянских выборщиков и их депутатов на извлечение материальной выгоды от парламентского статуса писал в

[12] Современник. Из политического дневника // Русская мысль. 1912. № 7. С. 154.

[13] *Винавер М.* Недавнее. (Воспоминания и характеристики). Париж, 1926. С. 135.

[14] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. 1907 г. Д. 114. Л. 226.

[15] Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 4—5.

[16] *Ознобишин А.А.* Воспоминания члена IV-й государственной думы. Париж, 1927. С. 192—193.

своих воспоминаниях С.Е. Крыжановский: «Крестьяне — члены Думы, не довольствуясь суточными деньгами, <...> прилагали все усилия, чтобы использовать свое пребывание в Петербурге возможно выгоднее для увеличения своего благосостояния. <...> объясняли свои действия невозможностью прожить иначе, так как значительную часть получаемых от казны суточных денег они обязаны были уплачивать обществам, от коих были избраны, желавшими иметь долю в барышах, выпадающих избранному в члены Думы».[17]

Впрочем, не только крестьяне грешили материальной заинтересованностью в приобретении депутатского статуса. Так, Л.К. Шешминцев, монопольно владевший цементным производством на Дальнем Востоке, будучи депутатом, добился решения Думы третьего созыва о дополнительном обложении ввоза цемента в этот регион из других частей империи.[18]

Возможности, явные или мнимые, связанные с присутствием в Государственной думе, привлекали с каждой новой избирательной кампанией все большее количество кандидатов в депутаты. На это обстоятельство обращалось особое внимание в аналитической записке, подготовленной в МВД по итогам выборов в Думу четвертого созыва: «Изобилие кандидатов объясняется тем, что на местах успели сообразить, к каким практическим выгодам приводит звание члена Думы. Жалование играет тут сравнительно вторую роль. Ищут влияния, которое дает деньги, куда более значительные, чем всякое жалование. Провинция полна легенд о местах в банках, о концессиях, о готовности правительства делать по просьбе членов Думы места, награды, даже перерешать судебные дела».[19]

Благодаря Думе открылся принципиально новый канал коммуникации населения с государственными институтами, при этом впервые работающий в двухстороннем режиме. С одной стороны, думские заседания носили публичный характер, стенографические отчеты заседаний тиражировались, поэтому газеты с информацией о том, что происходило в Думе, прежде всего первых двух созывов, расходились нарасхват — и не только в городе, но и в деревне. В деревне это имело, как минимум, два попутных следствия для повседневных практик: уважение к печатному слову, бережное отношение к газетам с думской информацией (их намного реже пускали на самокрутки) и рост грамотности среди крестьянского населения. Депутаты, по закону не обязанные отчетом перед избирателями, в массе своей

[17] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Berlin, б/г. С. 80.

[18] Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 214.

[19] РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 25 об.

все же считали себя народными представителями и проводили встречи со своим электоратом, лоббировали его интересы в органах государственной власти. Более того, трудовая группа во втором созыве освоила жанр «обращений к избирателям», побуждая их к поддержке Государственной думы в ее оппозиции к политике правительства. С другой стороны, именно с Думой связывались общественные надежды на проведение назревших изменений в стране или групповые и индивидуальные пожелания об улучшении их повседневной жизни. В фондах РГИА отложилось около семи тысяч различного рода корреспонденций, направленных в Государственную думу — письма и телеграммы от общественных учреждений, организаций и частных лиц с просьбами и требованиями, жалобами и ходатайствами, предложениями и проектами, приговорами и наказами.

Помимо собственно Думы корреспонденция адресовалась и отдельным парламентариям. На обилие подобных «депутатских дел» сетовал в частном письме 21 марта 1907 г. А.И. Шингарев: «Живем мы совершенно угорелые от работы: ни читать, ни заниматься чем-либо основательно, ни даже спать — некогда. Я попал в продовольственную комиссию и занят теперь буквально полсуток. Еле утром пробегаю газету, и с трудом успеваешь ответить на обильную корреспонденцию, а ее много, очень много. Все больше просьбы — «горя — реченька бездонная». Сегодня я передал Столыпину целый синодик жертв Департамента полиции. Он обещал помочь, если возможно».[20] Документами, связанными с «депутатскими делами», укомплектовано в ГА РФ более трехсот дел в личном фонде думца третьего и четвертого созывов А.И. Звегинцова.[21]

«Платонические чувства народа к Думе»,[22] особенно первых двух ее созывов, проявлялись, в том числе, в интересе, даже сопричастности, к ее деятельности со стороны самых различных групп населения. Начальник думской канцелярии Я.В. Глинка отмечал по этому поводу: «Интерес публики к заседаниям Государственной думы был огромный. Обширные помещения Таврического дворца не могли вместить толпы, жаждущей получить пропуск на заседания. <...> Очередь стояла от Литейного проспекта до Таврического дворца. Дома мне не давали также покоя. Курьеры, лакеи осаждали записками насчет билетов от разных высокопоставленных лиц».[23]

[20] Цит. по: *Хрущов А.* Андрей Иванович Шингарев: его жизнь и деятельность. М., 1918. С. 42.

[21] См.: ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. 1899—1913 гг. Д. 85—408.

[22] *Набоков В.Д, Каминка А.И.* Вторая Государственная дума. СПб., 1907. С. 168.

[23] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе: дневники и воспоминания. М., 2001. С. 42—43.

Спрос рождал предложения и некоторые депутаты из крестьян занялись бизнесом, зарабатывая на продаже входных билетов, например, по полицейским данным, депутат Думы второго созыва от Воронежской губернии крестьянин С.П. Болычев «редко бывал в Думе, а билет свой продавал посторонним лицам и выручал за это ежедневно 25—50 рублей».[24]

Дочери генерал-адъютанта при Александре III и Николае II Л.Л. Вяземской (в замужестве Васильчиковой) на всю жизнь запомнились заседания Думы первого созыва: «Я очень часто бывала на заседаниях с двумя моими друзьями, сестрами Мусиными-Пушкиными, как и я, страстно интересовавшимися политикой. <...> обстановка и волнительная атмосфера, в которой проходили заседания, была часто много интереснее и значительнее самих речей».[25] Вяземская не пропустила ни одного заседания, «обещавшего быть интересным», благодаря знакомству с приставом Государственной Думы К.Н. Гирсом. В связи с ее воспоминаниями уместно обратить внимание на особенный женский интерес к политике в позднеимперской России, во многом связанный с гендерным неравноправием, выражавшемся, в том числе, и в непредоставлении избирательных прав женщинам. Опять-таки на картине И.Е. Репина, что в ее первоначальном варианте, что в окончательном (1911 г.), обращают на себя внимание четыре женские фигуры на переднем плане (кстати, в окончательном варианте изображена известная актриса Л. Яворская).

Весьма часто политическое проникает в повседневное через символы. Дважды за короткий срок, в апреле 1906 г. и феврале 1917 г., очень многие придавали Государственной думе символическое значение в процессе политического (и не только) обновления (и даже возрождения) России. Об этом в 1916 г. писал перводумец Н.А. Огородников: «У меня в памяти более не сохранилось, однако, воспоминания, чтобы где-либо или когда-нибудь еще я переживал это удивительное чувство гармонии между впечатлениями пронизанного насквозь золотыми лучами животворящего солнца ликующего весеннего дня и внутренними радостными переживаниями бодрости и веры в свои силы и в великое значение предстоящей в Государственной Думе работы. <...> Сияло на безоблачном небе солнце, пьянил душу прозрачный, напоенный светом и теплом воздух, и позабывшая, казалось, все гнетущее толпа шумно наполняла улицы и площади столицы. Ни облачка на небе, ни тени сомнения и усталости в душе,

[24] ГА РФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 116. 1907 г. Д. 110. Т. 2. Л. 123—123 об. См. также: *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С. 84.

[25] [*Васильчикова Л.Л.*] Исчезнувшая Россия: Воспоминания княгини Л.Л. Васильчиковой, 1886—1919. СПб., 1995. С. 134.

ни малейшего следа пережитых страданий в ликующем народе».[26]

Приведенной цитате в воспоминаниях Огородникова предшествует упоминание о ранней Пасхе в 1906 г. В ряде воспоминаний о событиях ночи с 27 на 28 февраля 1917 г., когда Таврический дворец стал местом притяжения революционно настроенных масс, прослеживаются пасхальные мотивы. Именно в эту ночь дворец, пока еще неразрывно ассоциируемый с Государственной думой, превращается в «храм свободы», «штаб»[27] и «цитадель» начавшейся революции.[28]

Новая власть в лице Временного правительства первого состава узаконила символическое значение Думы. Его постановлением от 27 марта на облигациях Займа Свободы в качестве государственного символа было помещено изображение Таврического дворца в лучах солнца, обрамленного гирляндой лавровых листьев, сопровожденное надписью «Государственная дума».[29] Аналогичное изображение появилось и на кредитных билетах номиналом в 1000 руб., вследствие чего их в обиходе называли «думскими билетами» или «думками».[30] Декретом СНК от 12 февраля 1918 г. облигации Займа Свободы мелких номиналов были приняты к обращению в качестве денежных знаков, а отказывавшиеся их принимать должны были караться «по всей строгости революционных законов».[31]

Представляется, что важным следствием деятельности Государственной думы явилась политизация многих повседневных практик, с одной стороны, новым содержанием наполнялась повседневность собственно власти, с другой, — для подданных российского императора открывались возможности участия в функционировании существующей системы, что способствовало зарождению элементов гражданской политической культуры или культуры участия. Для укоренения всего этого не хватило, как минимум, тех спокойных двадцати лет, о которых мечтал П.А. Столыпин. Вместе с тем массовость политического участия в событиях, последовавших за падением монархии, в значительной мере связана с тем, что политическое в предшествующий период уже вошло в повседневность самых разных слоев российского общества.

[26] *Огородников Н.А.* Первый день (27 апреля 1906 г. в воспоминаниях депутата) // К 10-летию Первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 52.

[27] *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 226.

[28] *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2012. С. 27—28.

[29] См.: Вестник Временного правительства. 1917. 30 марта.

[30] См.: *Алямкин А., Баранов А.* 1917 год: «думки», «керенки», «мотыльки». Бумажные денежные знаки революционной России // Банкноты стран мира. 2006. № 3. С. 26—27.

[31] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 449—450.

Конституционно-демократическая партия в истории Государственной думы Российской империи

Н.А. ПОРТНЯГИНА

Революционный террор в оценке кадетской фракции Государственной думы второго созыва

Вопрос о терроре...
Раз поставленный, он с очереди
уже не сходил и все больше
Думу нервировал.
В.А. Маклаков

I и II Государственные думы работали на фоне усиливающегося революционного террора, который буквально захлестнул страну. По неполным данным Департамента полиции, только с февраля по май 1906 г. террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а в 1907 г. было совершено 3487 терактов.[1] Этим они добились того, что страх стал постоянно действующим фактором политической жизни общества. Так, по мнению В.И. Гурко, заигрывание С.Ю. Витте с либералами, публичная критика действий министра внутренних дел П.Н. Дурново, «неуравновешенная растерянность» в 1905—1906 гг. были «желанием обеспечить собственную безопасность от террористических покушений, ибо, увы, физической храбростью Витте не обладал».[2] И. Высоцкий, редактор «Рижского вестника», один из

[1] *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 129.

[2] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 517.

инициаторов создания отдела партии «Союз 17 октября» в Риге, где террор получил сильнейшее распространение, писал о трудностях создания умеренной партии в городе. По его словам, запуганные террором горожане на учредительных собраниях просили «не читать списки членов даже в собрании», из-за чего не удалось вовремя опубликовать в газетах состав совета отдела партии и активно начать предвыборную агитацию.[3] С террором приходилось считаться и во время сессий парламента. Например, 26 мая 1907 г. заседание Государственного совета было перенесено на 30 мая вследствие того, что полиция получила сведения о готовящемся теракте.[4]

Размах террора во многом зависел от реакции общественного мнения, поэтому крайне важно изучение оценки террора Государственной думой. Способствовала ли нижняя палата парламента формированию негативного по отношению к террору общественного мнения, или, напротив, использовала его в борьбе за власть? Этой, недостаточно изученной в современной историографии проблеме посвящена данная статья.

Первая Государственная дума не осудила террор. Насколько смогла вторая Дума учесть уроки первой и продвинуть страну по конституционному пути? Определяющее влияние на позицию Думы имела фракция кадетов. По свидетельству В.А. Маклакова, к открытию второй Думы «кадетская фракция свою тактику переменила; она старалась идти исключительно конституционной дорогой и с попытками отступления от нее стала бороться. Начались конфликты с революционными «союзниками» ее на левых скамьях».[5] Действительно, кадеты не жалели времени и сил для обсуждения правительственных мер, которые они считали незакономерными. Они сделали попытку отменить действие закона о военно-полевых судах, назвав его«отравленным оружием правительственного террора», толкающим страну на путь революционного террора.[6] Левые либералы полагали, что правительство, встав на путь права и отменив эти суды, получит нравственный авторитет и прекратит террор снизу. Однако кадеты, осуждающие насилие со стороны правительства, сделали все, чтобы Дума не осудила революционный террор.

Такое предложение выдвинули правые депутаты-священники, епископы Платон и Евлогий, уже на пятом заседании II Думы 6 марта

[3] ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 72. ЛЛ. 2 об.—3.

[4] *Витте С.Ю.* Воспоминания: В 3тт. Таллинн; М., 1994. Т. 3. С. 406.

[5] *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 г. М., 2006. С. 264.

[6] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. 1. С. 360—362.

1907 г., а 13 марта об этом же заговорил П.А. Столыпин, полагая, что «слово умиротворения», произнесенное с трибуны Думы, прекратит «кровавое безумство», поможет пересоздать историческое здание России. В свою очередь, он обещал, что правительство примет меры по ограничению закона о военно-полевых судах самыми исключительными случаями.[7] После выступления премьера в тот же день группа правых депутатов (42 члена) внесли заявление о порицании революционного террора на рассмотрение Думы. Форма предложения правых была вызывающей и неприемлемой для большинства членов нижней палаты. Однако это вовсе не означает, что со стороны правых это была открытая провокация с целью роспуска Думы. Проблема террора была очень болезненной для них. Во-первых, террор непосредственно угрожал жизни не только государственных чиновников, но и правых общественных деятелей и держал в немыслимом напряжении их семьи. Так, В.М. Пуришкевич за 1905—1906 гг. получил 4 смертных приговора.[8] Жена А.И. Дубровина жила в постоянном страхе за жизнь мужа: «если только он вовремя не приходит домой, она сама не своя, прямо мечется по квартире и беспрестанно с кем-нибудь говорит по телефону».[9] После неудачного покушения на него летом 1906 г. Е.И. Дубровина вздрагивала «от малейшего шороха. Печь затрещала, топилась, а ей послышался звук выстрела...».[10] Во-вторых, правые были одной из немногих общественных сил России, последовательно осуждавших террор. Поэтому когда 15 марта II Дума почтила память Г.Б. Иоллоса вставанием, правые тоже встали. Это была их искренняя и принципиальная позиция.

В пользу непритворного желания правых добиться осуждения Думой террора говорит их готовность ради этого идти на компромиссы с кадетами. Так, 26 марта 1907 г. они сами попросили отложить обсуждение этого вопроса для того, чтобы лучше к нему подготовиться. Это было вызвано позицией кадетов, которые «кое-кому указали, что в той оскорбительной форме, в которой было внесено предложение, оно не может быть принято. Они согласились и решили его внести в новой редакции».[11] В.А. Маклаков полагал, что правые всерьез рассчитывали на то, что осуждение Думой террора

[7] Указ. соч. С. 514—516.

[8] *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич — опыт биографии правого политика (1870—1920). М., 2011. С. 61.

[9] Письмо А.М. Поливановой к Л.М. Дубровиной, 9 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 862. Л. 97.

[10] Письмо А.М. Поливановой к Л.М. Дубровиной, 20 декабря 1906 г. // ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 862. Л. 174.

[11] *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 270.

лишит его ореола, и он сократится.[12] Он видел, что правые делали все, чтобы облегчить Думе осуждение террора, а неудача в этом деле заставила их разочароваться в Думе.[13] Вновь вопрос о порицании террора был внесен 2 апреля, и в повестке дня на 6 апреля он стоял за № 5. Но времени на обсуждение проблемы оставалось в этот день мало, поэтому его вновь отложили. Еще несколько раз правые пытались обсудить проблему террора, но большинством голосов обсуждение всякий раз откладывали. 10 и 11 мая П.Н. Крупенский пытался убедить Думу в том, что это нужно для спасения самой Думы, однако 15 мая вопрос был окончательно отклонен 215 голосами против 146. По словам В.А. Маклакова: «Если правда, что это было нужно для сохранения Думы, то в этот день Дума себя похоронила».[14] В царском Манифесте одной из причин роспуска Думы было названо ее нежелание осудить террор: «Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству...».[15] Газета «Россия» возлагала всю ответственность за уклонение Думы «от ответа на один из самых жгучих вопросов действительности», замедляющих обновление страны, на кадетов. Издеваясь над их позицией, публицисты писали: «Хотят нас уверить, что порядочный человек не только может, но и должен гордиться, когда на вопрос о том, как он относится к грабежам и убийствам, он отвечает: «Извините, это не мое дело, да мне, кстати, и некогда!».[16]

Действительно, кадетская фракция, которая могла бы повлиять на настроения Думы, не поддержала начинание правых. Объясняя свою позицию для широкой публики после роспуска Думы, кадеты обвинили во всем последних, заявив, что те ненавидели Думу, у них чувствовались «нечистые помыслы», они хотели вызвать скандал и с этой целью подняли вопрос об осуждении террора, поэтому другие и отказались его порицать. В целом же кадеты, не одобряя террор, считают, что не дело Думы его осуждать.[17] П.Н. Милюков в воспоминаниях уверял, что правые внесли предложение об осуждении политических убийств, чтобы свалить справа министерство или заставить его исполнить правый план роспуска Думы. Он писал, что П.А. Столыпин добивался, чтобы Дума осудила террор для снятия с нее обвинения в соучастии или сочувствии к террору. В свою оче-

[12] *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 268.
[13] Там же. С. 283.
[14] Там же. С. 279.
[15] Россия. 1907. 3 июня.
[16] Россия. 1907. 17 мая.
[17] *Голубев В.* Вторая Государственная дума. СПб., 1907. С. 6—7.

редь, премьер мог бы опереться на эту позицию Думы в своей политике по отношению к ней. С этой целью П.А. Столыпин пригласил П.Н. Милюкова в Зимний дворец и предложил ему взамен на думское осуждение революционного террора легализацию партии кадетов. П.А. Столыпин был согласен даже на статью без подписи в «Речи», печатном органе кадетов, осуждающей террор. П.Н. Милюков воспринял действия П.А. Столыпина не как желание сохранить парламент и продвинуться по конституционному пути, а как попытку банально удержаться у власти самому: «... я понимаю, почему Столыпин был так сговорчив — и так откровенно циничен. Ему нужна была какая-нибудь бумажка или какой-нибудь жест руководящей партии, чтобы укрепить, а может быть, и спасти собственное положение. Иначе — предстояла сдача напору справа». Лидер кадетов не стал сразу принимать решение, но посоветовался со старейшим деятелем партии И.И. Петрункевичем, который сразу и резко выступил против предложения П.А. Столыпина: «Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете и всю партию. Лучше жертва партией, нежели ее моральная гибель». П.Н. Милюков понимал, что «на этом вопросе решается судьба Думы» и принялся «обличать «заговорщиков справа», трактуя их, как действительных виновников предстоящего роспуска...».[18]

Такое же объяснение было дано парламентской фракцией 5-му съезду партии 24—27 октября 1907 г. Лидеры фракции объяснили, что их желание отклонить самое обсуждение предложения осудить террор было вызвано желанием избежать скандала, поскольку такое обсуждение привело бы к столкновению крайних фракций. Кроме того, Дума не смогла бы прийти к одному мнению, а решение, если бы оно и было принято, носило бы морально-этический характер и не повлияло бы на политические процессы. Тем не менее фракция отнеслась особенно внимательно к проблеме политических убийств, выработала формулу перехода, которую и собиралась внести, в случае, если бы дело дошло до обсуждения вопроса в Думе.[19]

Кадеты начали обсуждать эту проблему задолго до открытия Думы, еще на заседании ЦК партии 10 ноября 1906 г. Уже тогда была озвучена идея об «усиленной провокации справа» и о необходимости выработать партийное отношение к терактам. И если П.Н. Милюков считал, что на эту провокацию партии вообще не следует отвечать, то Ф.И. Родичев, В. Гессен, Д.Д. Протопопов

[18] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859—1917). М., 1990. Т. 1. С. 423—425.

[19] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х тт. М., 1997. Т. 1. С. 596—597.

полагали, что, напротив, необходим прямой ответ партии на вопрос о терроре. Они определяли его как неизбежное зло, которое нельзя осуждать в данный момент. Небольшая часть ЦК, Л.И. Петражицкий, А.С. Изгоев, П.Б. Струве, видели необходимость в осуждении террора. Тогда было принято решение о невозможности осудить террор из тактических соображений. ЦК поручил М.М. Винаверу и В.М. Гессену составить проект резолюции с подробной мотивировкой.[20]

Протоколы парламентской фракции, хранящиеся в ГА РФ, дают нам возможность проследить за тем, как эта проблема обсуждалась кадетами непосредственно во время работы II Думы. 10 марта 1907 г. П.Н. Милюков в первый раз указал фракции, что правые затронут вопрос об осуждении революционных убийств и порекомендовал ей быть осторожной.[21] На следующем заседании, 11 марта, часть депутатов стала настаивать на четком определении отношения фракции к политическим убийствам. Однако П.Н. Милюков заявил, что всякий ответ в этом направлении весьма опасен, так как правительство желает добиться от партии осуждения политических убийств, что в свою очередь разорвет все связи с крайними левыми, поэтому лучше всего фракции уклониться от обсуждения террора по существу и не выступать «ни с оправданием, ни с осуждением убийств».[22] А.А. Кизеветтер призвал фракцию вообще игнорировать вызовы справа, «не придавая им серьезного значения».[23] Большинство членов фракции высказывались против осуждения убийств. П.Б. Струве, который в ноябре 1906 г. выступал за осуждение террора, сейчас изменил свою точку зрения, мотивируя это тем, что убийства осуждаются уголовным законом и Дума не должна выносить его подтверждения.[24] В.А. Маклаков в воспоминаниях писал, что он «принадлежал к тем, кто не видел благовидного основания отказываться от «осуждения террора...Мне претила готовность Думы из конституционного учреждения превращать себя в орудие Революции, т.е. бесправия и беззакония, в какие бы красивые одежды их не рядили».[25] Однако на заседании фракции 11 марта он заявил, что «Дума не может обличить убийство, и в противном случае надо было бы уничтожить все уголовное положение. По этому вопросу не может быть

[20] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6-ти тт. М., 1994. Т. 1. С. 176—177.

[21] Протоколы парламентской фракции. 17.02-14.12.1907 г. // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

[22] Там же. ЛЛ. 47 об.—48.

[23] Там же. Л. 47 об.

[24] Там же. Л. 49.

[25] *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 276.

мнения партии, а только мнение отдельных членов партии».[26] Лишь Л.И. Петражицкий остался верен своим прежним воззрениям, неизменно высказываясь за осуждение террора и предлагая не позволять членам партии восхвалять в Думе убийства.[27] Ни 10, ни 11 марта определенного решения фракция не приняла, но в общих заседаниях Дума постаралась быть осторожнее в суждениях о терроре. В целом, отношение кадетских депутатов к террору было понятным из их немногочисленных высказываний о нем. Они возмущались терактами, представляющими собой, по их мнению, «человеческий трагизм», но главным террористом считали власть, что являло собой уже «государственный трагизм». Именно против нее они призывали «ополчиться ... более, чем против всякого другого источника насилия, потому что она более страшная, ибо она более организованная и более сильная».[28]

2 апреля 1907 г. фракция вернулась к обсуждению этой проблемы. А.В. Перелешин обратил внимание депутатов на то, что они все время решают тактические вопросы и ни разу не обсудили проблему террора по существу.[29] И хотя на этом заседании большинство согласилось с ним, на деле до конца работы Думы фракция говорила лишь о тактике, оглядываясь то на левых, то на правительство и правых. На заседаниях 3—5 апреля во фракции стали раздаваться голоса за осуждение политических убийств в «особенной форме». Во-первых, потому, что кадеты не могли не видеть, что террор перестал контролироваться ЦК партии эсеров. Н.В. Тесленко заметил: «...мы исходим из старых понятий о терроре. Террор нашего времени не тот... У нас скорее беспорядочная анархия и осудить такую анархию мы можем».[30] Во-вторых, постоянное оглядывание кадетов налево приносило им больше вреда, чем пользы. Еще в августе 1906 г. в партии было популярно мнение того же Н.В. Тесленко, высказанное им на совещании ЦК с представителями губернских комитетов. Он призывал тогда использовать тактику левых для достижения своих политических целей: «теперь наступает момент решительной схватки народа с правительством... С правыми нам соединяться нельзя. Их дефект — фанатическое преклонение перед законностью... Прежде с левыми нельзя было вести переговоров. Теперь они многому научились... Союза нельзя заключать, но

[26] Протоколы парламентской фракции. ЛЛ. 47 об.—48.

[27] Там же. Л. 48.

[28] Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Т. 2. С. 763.

[29] Протоколы парламентской фракции. Л. 67 об.

[30] Там же. Л. 71 об.

соглашения должны быть не только о выборах, но и по забастовке... У левых мечта — осенью шах и мат правительству. Нам на светопреставление нельзя смотреть как на спектакль из партера. Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем».[31] Однако теперь стала укрепляться другая точка зрения: «С левыми вряд ли можно сойтись, ибо мы не левые и на это надо оставить надежду».[32] Но все-таки для большинства фракции не эти соображения стали определяющими. Оно боялось больше не террора и его последствий, а уступок правым и власти, полагая, что осуждением террора Дума даст «нравственное право правительству применять репрессии».[33]

3 апреля 1907 г. во фракции был прочитан проект резолюции о терроре, подготовленный заранее, 4 апреля фракция его редактировала. Окончательный вариант резолюции выглядел так: «Сознавая весь ужас и глубокий общественный вред от стихийно развивающихся в современных политических условиях насильственных актов, совершаемых нередко во имя политических целей; признавая, что система административного произвола с его жестокими и неправосудными репрессиями питает это зло и усиливает его; усматривая, что деятельность реакционных организаций, стремящихся к уничтожению конституционных начал,... и совершающих убийства и погромы, позорящие Россию, представляет серьезную государственную опасность, повергает в беспокойство всю страну и препятствует общественному умиротворению, Государственная дума переходит к очередным делам». Резолюция осуждала скорее репрессии власти, называя их источником революционного террора, и правый террор, нежели революционный. Кроме того, было принято решение предложить информационному бюро по возможности оттянуть вопрос об убийствах.[34] 5 апреля Н.В. Тесленко принес известие о том, что в информационном бюро обсуждали проблемы амнистии и политических убийств. Трудовики и эсеры решили также 6 апреля выдвинуть вопрос об осуждении политических убийств. Он прочитал их резолюцию и сообщил, что кадетская вызвала общее неодобрение, после чего фракция вновь стала обсуждать принятую уже резолюцию.[35] В конце концов ее оставили в прежнем виде и решили голосовать только за свою формулу.[36]

[31] Протоколы Центрального Комитета. С. 111—112.
[32] Протоколы парламентской фракции. Л. 70 об.
[33] Там же. Л. 71.
[34] Там же. Л. 73.
[35] Там же. ЛЛ.74—74 об.
[36] Там же. Л. 75.

11 апреля 1907 г. фракция решила голосовать в общем собрании против назначения определенного дня на Фоминой неделе для обсуждения проблемы террора, аргументируя это тем, что мнение кадетов уже известно из газет, которые напечатали их резолюцию (А.И. Шингарев, В.А. Маклаков), что обсуждение отнимет много времени и уронит авторитет Думы (А.А. Кизеветтер), и потому, что левые против назначения определенного дня на Фоминой неделе (В.А. Харламов).[37] 30 апреля фракция также решила отклонить обсуждение проблемы террора.[38]

Таким образом, свою принципиальную позицию в отношении осуждения террора партия кадетов определила еще в ноябре 1906 г., существенных изменений в ходе работы II Думы она не претерпела. Кадеты провалили предложение правых по двум причинам. Во-первых, из-за тактических соображений, они рассматривали осуждение террора как уступку правительству, правым и как разрыв с левыми. Во-вторых, они считали революционный террор меньшим бедствием для страны, нежели правительственные репрессии, против которых они активно боролись.

[37] Протоколы парламентской фракции. ЛЛ. 77 об.—78.
[38] Там же. ЛЛ. 93—93 об.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

Фракция кадетов и отношения России с Германией и Австро-Венгрией накануне Первой мировой войны[1]

Конституционные демократы приветствовали заключение русско-английского соглашения 1907 года. Однако сближение с Англией неизбежно вело к конфронтации с ее основной геополитической соперницей Германией. В то время узел англо-германских противоречий был завязан на проблеме Багдадской железной дороги. Чтобы помешать ее строительству, англичане в 1908—1912 гг. создали дугу нестабильности на Балканах. В этой связи предполагается рассмотреть вопрос об отношении конституционных демократов к балканской политике русского правительства, а также отношениям России с Германией и Австро-Венгрией.

Во-первых, необходимо затронуть вопрос о реакции кадетов на австро-турецкое железнодорожное соглашение по Македонии (январь 1908 г.), ибо именно с конфликта вокруг него на Балканах начало нарастать напряжение, позволившее в 1914 г. развязать мировую войну.

Австрийцы хотели иметь прямой безопасный выход по железной дороге в Салоники. Они намеревались проложить маршрут в обход враждебной Сербии. Дорога должна была пройти через Боснию и Герцеговину и, далее, по турецкой территории. 15 января 1908 г. А. Эренталь объявил в парламенте о соглашении с Османской империей по поводу постройки железной дороги от границ Боснии (станция Увац) через Новобазарский санджак до станции Митровица, где начинались турецкие железные дороги на Салоники.[2]

Председатель конституционно-демократической фракции П.Н. Милюков уделил австро-турецкой железнодорожной сделке повышенное внимание. Он отреагировал на это событие 20 января, предсказав «серьезный поворот в политическом положении Ближнего Востока». Поскольку равновесие на Балканах нарушено в пользу Австро-Венгрии «и, следовательно, Германии», — писал лидер кадетов, — это неизбежно «вызовет какие-нибудь активные шаги другой заинтересованной стороны». Милюков отметил, что «русская печать довольно единодушно встретила отпором сенсационные заявления барона Эренталя» и признал, что их острие направлено «против тради-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914 — 1918)», проект № 14-01-00032.

[2] Все даты даются по старому стилю.

ционных интересов русской политики на Балканах». Однако в целом цитируемая статья «Речи» не носила ярко выраженного антиавстрийского характера и даже содержала шпильки в адрес британской политики.[3]

Гораздо более эмоционально к происходящему на Балканах отнеслись «Русские ведомости», отражавшие мнение московских кадетов. Они увидели в соединении железной дорогой Митровицы и боснийской границы «дальнейший шаг по пути германизации Ближнего Востока».[4] Таким образом, внутри конституционно-демократической партии (КДП) наметились две линии по отношению к событиям на Балканах: прагматичная (П.Н. Милюков) и антигерманская (московские кадеты).

Общее представление о борьбе по этому поводу в кадетских верхах можно получить по изменению характера публикаций в «Речи» в связи с последствиями железнодорожного соглашения между Австро-Венгрией и Турцией. Сначала газета удержалась от вступления в общий антиавстрийский хор. Потом обратилась с просьбой прокомментировать сложившуюся международную ситуацию к неназванному, но, по косвенным признакам, британскому дипломату. Тот подвел читателей к выводу о том, что на Балканах «соединенным пожеланиям держав противопоставлена совокупная воля Турции, Австро-Венгрии и Германии».[5] 2 февраля 1908 г. «Речь» выступила с первой программной статьей антинемецкого толка. Но ее автором был не Милюков, хотя именно он специализировался на международной тематике, а бывший октябрист А.Н. Брянчанинов. Характерно, что он апеллировал не к разуму читателей, а к их чувствам. Он даже не попытался объяснить, в чем опасность австро-турецкой железнодорожной сделки для государственных интересов России, ограничившись общими эмоциональными фразами. При этом он четко отделил позицию общества от линии официальных властей. Позиция российского МИДа вызвала у нового автора «Речи» недовольство. Он с возмущением констатировал, что «русское министерство было совершенно осведомлено об австрийских планах и находило их вполне естественными» и вообще «политической системой последнего времени стало правило в угоду Австрии и Турции изменять славянам и в македонских безобразиях стоять не на защите правых, а покрывать виноватых».[6]

[3] Речь. 1908. 20 января.

[4] *Котляревский С.* Новые перспективы на Ближнем Востоке // Русские ведомости. 1908. 27 января.

[5] *Ergo.* В дипломатическом мире (из бесед) // Речь. 1908. 30 января.

[6] *Брянчанинов А.Н.* Австро-русское недоразумение // Речь. 1908. 2 февраля.

Совершенно по-другому оценил на следующий день сложившуюся ситуацию П.Н. Милюков. Отметив не первый год существующее стремление австрийцев соединить железной дорогой Вену и Салоники, минуя Сербию, кадетский публицист принялся успокаивать читателей газеты тем, что австро-турецкое соглашение есть плод хитроумной политики султана, пытающегося поссорить великие европейские державы, и оно не будет иметь практических последствий. Похвалив русское правительство за то, что оно отозвало своего посла из Вены, чем дало почувствовать Австро-Венгрии свое неудовольствие, Милюков настаивал на том, чтобы «твердость ни на минуту не переходила в заносчивость и защита интересов не служила оправданием для политики авантюр». С этой точки зрения, продолжал автор, «шум, поднятый около речи бар. Эренталя, нам представляется опасной игрой».[7]

Зато в московских «Русских ведомостях» и «Русской мысли» полностью господствовали неославистские настроения, проводником которых являлся С.А. Котляревский. Он в славянофильском духе критиковал действия российского МИДа, по мнению публициста постоянно предоставлявшего Австрии карт-бланш на Балканах. В этой связи этот кадетский публицист заявил о настоятельной потребности для России выступить в делах Ближнего Востока самостоятельно, не будучи «связанной мюрцштегской традицией».[8]

Как известно, в Мюрцштеге в 1903 г. Россия и Австро-Венгрия согласовали программу совместных действий по проведению реформ в пользу христианского населения турецкой Македонии. При этом обе державы являлись гарантами территориальной целостности Турции. Мюрцштегская программа не вызвала восторга в Лондоне.[9] Ведь она закрепляла доминирование на Балканах Австро-Венгрии и России при сохранении прогерманского режима Абдул-Хамида II. Таким образом, отказ от «мюрштегской традиции», к которому С.А. Котляревский призывал российский МИД, означал отказ от австро-русского доминирования на Балканах. Вместо этого кадетский публицист советовал русской дипломатии вступить на путь «совместных с Англией и, естественно Францией действий, как на Балканском полуострове, так и в передней Азии», что было бы полезно «делу англо-русского сближения».[10]

---

[7] Речь. 1908. 3 февраля.

[8] *Котляревский С.А.* Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Кн. II. С. 208.

[9] *Рыбаченок И.С.* Россия в Берлинской системе международных отношений. 1878—1914 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 90.

[10] *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 209.

Примером такого рода совместных действий могла бы стать поддержка Россией предложений британского министра иностранных дел Э. Грэя по македонскому вопросу. Грэй выдвинул идею учреждения в Македонии должности генерал-губернатора, который бы назначался и освобождался от должности не султаном, а четырьмя великими державами: Англией, Австро-Венгрией, Германией и Россией. Иначе говоря, в Лондоне задумали заменить предусмотренный Мюрцштегскими соглашениями австро-русский контроль над проведением реформ в Македонии на международный с участием Англии. Россия, однако, не поддержала инициативу Лондона, а выдвинула свой собственный проект, более приемлемый для султана, а также Берлина и Вены.

Милюков приветствовал предложения российского МИДа. Что касается последовавшего вскоре английского контрпроекта, то лидер кадетов отметил, что хотя в нем «нет ничего безусловно неприемлемого», однако его реализация может натолкнуться на возражения Австрии, что публицист находил нежелательным. В то время как Котляревский ратовал за то, чтобы Россия объединила усилия с Англией и Францией в борьбе с «германизацией» Ближнего Востока, П.Н. Милюков доказывал, что необходимо учесть интересы Берлина и Вены. Кадетский лидер открыто заявил, что не разделяет авантюрные мысли тех, кто считает, что «мы можем идти в дипломатической акции без Австрии и Германии».[11]

Однако 4 апреля 1908 г., когда в Государственной думе при обсуждении сметы МИДа рассматривались проблемы внешней политики, позиция Милюкова изменилась. Он призвал Извольского сблизить свой план с новыми английскими предложениями,[12] а на другой день в «Речи» упрекнул министра за то, что тот в своей думской речи их даже не упомянул.[13] Таким образом, лидер кадетов отказался от одобрения линии русского МИДа, лавировавшего между Англией и Германией. Редактор «Речи» по сути согласился с установками «Русской мысли» и «Русских ведомостей», чьи публицисты стремились оттолкнуть Россию от Австро-Венгрии с Германией, обеспечив сближение Петербурга и Лондона.

В результате к маю 1908 г., когда состоялась русско-британская встреча в верхах по Македонии, все конституционные демократы, включая Милюкова, заняли солидарную проанглийскую позицию. Лидер кадетов заявил себя полным сторонником проекта Грэя, на-

[11] Речь. 1908. 27 марта.

[12] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 1795 — 1797.

[13] Речь. 1908. 5 апреля.

писав в «Речи», что реформы в Македонии «несомненно, должны быть решены в духе английского предложения».[14]

Этот сценарий (противостояние по вопросам балканской политики Милюкова и московских кадетов с последующей победой последних) затем повторялся раз за разом.

Следующее обострение ситуации на Балканах произошло осенью 1908 года. Оно было связано с тем, что Австро-Венгрия, к тому времени тридцать лет оккупировавшая с согласия великих держав турецкую провинцию Босния и Герцеговина, объявила об ее официальном включении в свой состав. В этой связи в российской прессе началась воинственная антиавстрийская компания. Как же отреагировали на нее кадеты?

П.Н. Милюков в своей статье в газете «Речь» от 15 октября 1908 г. потребовал «не дать факту боснийской аннексии дипломатического признания». Но войны он не хотел. На совещании кадетской фракции III Государственной думы с представителями провинциальных групп 20—21 октября 1908 г. П.Н. Милюков заявил, что «оппозиция (т.е. оппозиционные фракции Думы, включая кадетов — Ф.С.) против войны, которая неизбежно приведет Россию к краху», поэтому «нужна крайняя осторожность».[15] Правда, его настроения разделяли далеко не все делегаты. Большинство предлагало настаивать на отказе от признания аннексии русским правительством.[16] Особую воинственность проявили московские кадеты. А.Г. Костенецкий от имени Московского комитета заявил, что игнорировать славянский вопрос было бы ошибочным и партия «должна определенно высказаться против аннексии Боснии и Герцеговины».[17] Но Милюков решительно возразил, что «протест против аннексии с думской трибуны вряд ли был бы уместен — это дело прессы». Общая мысль кадетского лидера была такова: «Славянство — даровая сила против германизации Балкан, и эту силу надо использовать», но «нельзя идти с завязанными глазами».[18] Эти же идеи П.Н. Милюков развил в своей публичной лекции в Тенишевском училище 26 октября 1908 г., посвященной развитию балканского кризиса. В целом она имела проанглийский и антиавстрийский характер. Милюков сказал, что

[14] Речь. 1908. 31 мая.

[15] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х тт. М., 2000. Т. 2. С. 65.

[16] *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961. С. 236.

[17] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 63.

[18] Там же. С. 65—66.

Россия должна осуществлять политику, которая указана Великобританией: «проводить идею турецко-славянского союза, направленного против Австрии под протекторатом Англии и России».[19] В то же время лекция Милюкова не содержала протестов против аннексии. Характерно, что на чествовании славянских политиков 31 октября 1908 г. Милюков, в отличие от некоторых других участников банкета не разжигал страсти, а произнес нейтральный тост за примирение Сербии и Болгарии.[20]

Благодаря Милюкову кадетов нельзя обвинить в том, что они в ходе Боснийского кризиса играли главную роль в нагнетании в обществе антиавстрийских и антигерманских настроений. Хотя отдельные члены партии народной свободы и связанные с ней органы печати внесли свою лепту в кампанию нападок на Австро-Венгрию. «Русские ведомости», например, пометили на своих страницах извлечение из статьи Л.Н. Толстого, содержащее оскорбления в адрес австрийского императора.[21] Постоянную враждебность к Австро-Венгрии проявляли «Русская мысль», «Московский еженедельник» и «Слово» (в двух последних изданиях тоже регулярно печатались статьи П.Б. Струве и С.А. Котляревского).

В то же время следует сказать, что во время Боснийского кризиса расхождения Милюкова с публицистами из «Русской мысли», «Русских ведомостей», «Московского еженедельника», «Слова» не были так заметны как в феврале — марте 1908 года. Если отдельные печатные выступления председателя думской фракции кадетов, сделанные им в начале года, дают основания считать его сторонником лавирования между Германией и Англией, то осенью же 1908 г. он, подобных высказываний не допускал. В период Боснийского кризиса Милюков, как и Струве, считал необходимой борьбу с австро-германской экспансией на Балканах, хотя и делал акцент на том, что ее нужно вести обдуманно, дабы избежать вовлечения в войну.

Таким образом, применительно к Боснийскому кризису, следует признать правильным мнение В.А. Кустова о том, что по отношению к вопросам внешней политики конституционные демократы были едины. Только одни предлагали действовать в заданном направлении осторожно (П.Н. Милюков), а другие более активно (П.Б. Струве, С.А. Котляревский).[22] Однако с В.А. Кустовым нельзя

[19] *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910. С. 54—55.

[20] Речь. 1908. 1 ноября.

[21] Русские ведомости. 1908. 7 декабря.

[22] *Кустов В.А.* Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы): разработка и реализация внешнеполитической доктрины (1905—1920 гг.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Саратов, 2004. С. 18.

согласиться в том, что суть общей внешнеполитической линии кадетской партии состояла в отстаивании «великодержавных интересов России».

Эти интересы в рассматриваемый период требовали изменения режима проливов Босфор и Дарданеллы, с тем, чтобы русский Черноморский флот мог выйти на океанские просторы. К этой цели стремился Николай II.[23] На решение поставленной им задачи была направлена политика министра иностранных дел А.П. Извольского, стремившегося получить в виде возмещения за аннексию австрийцами Боснии и Герцеговины открытие черноморских проливов. Но кадеты выступили категорически против подобной компенсации. «Русские ведомости» еще 24 сентября 1908 г. заявили, что «Русский народ может гордиться тем, что не преследует эгоистических интересов на Балканах». Активная позиция кадетских публицистов стала одним из факторов, заставивших министра отказаться от затрагивания названной темы в своем выступлении в Государственной думе 12 декабря 1908 г. За это министр удостоился одобрения со стороны конституционных демократов. Во время обсуждения речи Извольского в Государственной думе П.Н. Милюков заявил: «Я очень рад, что мы не ищем компенсации в проливах».[24] С.А. Котляревский в передовице «Русских ведомостей», посвященной выступлению министра иностранных дел в Государственной думе, писал, что «можно только приветствовать указание на бескорыстный характер русской ближневосточной политики, — это указание было нелишним после того, как всплыла злополучная мысль о компенсации и об открытии проливов».[25]

Объяснить подобную позицию кадетов можно только тем, что постановка вопроса об открытии черноморских проливов для русских военных судов, да еще при поддержке Австро-Венгрии и Германии, могла бы привести к ухудшению отношений между Россией и Великобританией при сближении Петербурга с Берлином и Веной. Это противоречило идеологическим приоритетам партии Народной Свободы. Таким образом, в данном случае партийные пристрастия для конституционных демократов оказались важнее, чем «великодержавные интересы».

То же самое произошло и при определении позиции партии народной свободы по проблеме австрийских компенсаций в пользу Сербии и Черногории.

---

[23] *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 260.

[24] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия вторая. СПб., 1909. Стб. 2699.

[25] Русские ведомости. 1908. 14 декабря.

Вопрос о компенсациях был поднят сербским правительством вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины.[26] Сербия начала добиваться передачи ей и Черногории юго-восточной части указанных провинций, лежащей за рекой Дриной. Эта полоса земли, на которой находилась станция Увац (от нее австрийцы, как мы помним, собирались строить железную дорогу до Митровицы) должна была полностью отделить остающуюся у Австро-Венгрии часть Боснии и Герцеговины от территории Ново-Базарского санджака Османской империи. Таким образом, Австро-Венгрия и Германия, по сути, лишались возможности получить железнодорожный путь к Салоникам. Естественно для Вены и Берлина этот вариант был неприемлем.

Франция, которая в данный момент не хотела ссориться с немцами и австрийцами, не поддержала идею территориальных компенсаций Сербии и Черногории.[27] Для российского МИДа ставить вопрос о территориальных компенсациях за австрийский счет тоже было нежелательно. Это вело к обострению отношений с Веной и Берлином и лишало Петербург надежды на поддержку Австро-Венгрии и Германии в вопросе о проливах. Поэтому Извольский предлагал пообещать Сербии и Черногории в будущем приращение за счет части Ново-Базарского санджака (т.е. Турции). Николай II считал возможным оставить сербские и черногорские территориальные претензии вообще без удовлетворения, если это приблизит Россию к нужному ей изменению режима черноморских проливов.[28] Даже в самой Сербии не было единства по поводу того, следует ли менять гористый коридор вдоль Дрины на признание аннексии Боснии и Герцеговины.[29] Страной, которая больше всех выигрывала от перехода Задринья к Сербии и Черногории, была Англия, поскольку она тем самым решала проблему недопущения выхода австрийских железнодорожных составов к Салоникам. Именно поэтому британская «Daily Telegraph» утверждала, что в требовании передать Сербии полосу земли между Дриной и Ново-Базарским санджаком «нет ничего неразумного» и «если Австро-Венгрия откажет сербам в этом требовании, то станет очевидно, что ее цель составляет Эгейское море».[30] Характерно, что это мнение английской газеты было без

[26] *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908—1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л., 1964. С. 111.

[27] *Бовыкин В.И.* Очерки внешней политики России. Конец XIX века — 1917 год. М., 1960. С. 64.

[28] *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 206, 261.

[29] *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. С. 337.

[30] Цит. по: Русские ведомости. 1908. 19 октября.

каких-либо возражений приведено в печатном органе, отражавшем взгляды московских кадетов.

Такую же позицию заняла и «Речь». 15 октября 1908 г. (вопреки линии российского МИДа) она предлагала дать компенсацию Сербии и Черногории не из турецкого Ново-Базарского санджака («Так как всем фронтом Балканы обращаются теперь против Австрии, то Турцию необходимо иметь не в качестве врага, а в качестве союзника»), а за счет южной части Боснии и Герцеговины.[31] Эту же мысль «Речь» настойчиво проводила в публикациях от 30 ноября и 5 декабря 1908 г. Следует отметить, что находившийся в Петербурге сербский общественный деятель Иван С. Шайкович подверг критике эти выступления кадетской газеты, находя ценность Задринья в качестве компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины ничтожной.[32] Несмотря на это П.Н. Милюков 12 декабря в Государственной думе вновь выступил за необходимость отрезать от Боснии и Герцеговины «кусочек земли, который свяжет Черногорию с Сербией».[33] Еще одним видом компенсации по его мысли должны были стать международные гарантии политической автономии Боснии и Герцеговины.[34]

Отметим, что те требования, которые председатель кадетской фракции советовал предъявить Вене, должны были сорвать всякую возможность российско-австрийской договоренности. Давление в этом направлении на российский МИД со стороны конституционно-демократической фракции и близкой к кадетам прессы сыграли не последнюю роль в том, что двусторонние переговоры между Австро-Венгрией и Россией по этому вопросу не состоялись.

В результате произошла эскалация конфликта. Дело шло к войне между Австро-Венгрией и Сербией. Чтобы предотвратить ее, Извольский 16 февраля 1909 г. прямо рекомендовал сербскому правительству отказаться от территориальных притязаний. На другой день с подобным же призывом к сербам обратился октябристский «Голос Москвы». 23 февраля лидер Союза 17 октября А.И. Гучков на закрытом заседании Государственной думы, обсуждавшем военные и морские ассигнования, объявил о правильности сдержанной внешней политики России, поскольку она обусловлена сознанием военной неподготовленности страны.[35]

---

[31] Речь. 1908. 15 окт.

[32] *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. С. 337.

[33] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Стб. 2698.

[34] Там же. Стб. 2695.

[35] *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 290—291.

«Русские ведомости» также сочли, что сербы должны проявить благоразумие и «примириться со свершившимся фактом», отказавшись от территориальных притязаний. При этом мысль о возможности вступления России в войну газетой решительно отвергалась.[36] Однако П.Н. Милюков занял иную, более жесткую позицию. С ее обоснованием он выступил 1 марта 1909 г. на заседании ЦК КДП.

В речи председателя думской фракции кадетов содержались три тезиса. Во-первых, он заявил, что по вопросам внешней политики кадеты должны «стоять на внепартийной точке зрения». «Как партия, мы, естественно, больше склоняемся к союзам с Англией и Францией, в силу их внутреннего строя, и наоборот, — пояснил Милюков, — нам менее симпатичен союз с Германией, с которой наша дипломатия связана отчасти династическими связями, отчасти солидарностью в охране старого строя». Особо он отметил отношение к Великобритании, указав, что «есть сторонники абсолютного, во всех случаях, соглашения с Англией». Однако Милюков назвал их точку зрения неправильной: «в каждом отдельном случае мы должны конкретно проверять, согласен ли тот или иной союз с интересами России», «выражать мнения по возможности общенационального значения».[37]

При этом в общенациональных интересах «заявления о собственном бессилии», которые сделал 23 февраля Гучков, недопустимы, поскольку они «уменьшают наши шансы за границею». «Бывают моменты, когда даже маленькие государства решаются на войну с крупными, — убеждал коллег Милюков, — поэтому и нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, что бы ни произошло, воевать не должна, и не будет». Отсюда вытекал второй тезис председателя думской фракции кадетов: «от нашей дипломатии мы вправе требовать, чтобы она держалась с большим достоинством». Третий тезис Милюкова гласил, что «мы не можем игнорировать известных симпатий между Россией и славянами».[38]

Из этой речи историки обычно используют ее первый тезис. Они выделяют слова Милюкова о том, что в условиях «мировой конкуренции Англии и Германии» «было бы большой ошибкой пойти на буксире той или другой стороны исключительно». Ключевой им представляется фраза: «Наш интерес — в балансировании, соответственно собственным целям».[39] Из нее делается вывод о том, что

[36] Русские ведомости. 1909. 17 и 20 февраля.

[37] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1994. Т. 1. С. 332.

[38] Там же. С. 333.

[39] Там же.

кадеты, как партия, отстаивали тактику лавирования России между Антантой и Тройственным союзом.[40] Однако не следует забывать о том, что речь П.Н. Милюкова не стала основой официального партийного документа. Более того, ее тезисы на заседании ЦК подверглись критике. Их поддержали (и то не в части «балансирования») лишь Н.А. Гредескул, И.В. Гессен и Д.Д. Протопопов. Большинство членов ЦК (М.М. Винавер, Ф.И. Родичев, В.М. Гессен, О.Я. Пергамент, А.М. Колюбакин, А.И. Шингарев, А.С. Изгоев, Н.Н. Кутлер) выступили против отождествления политики партии и государства. Вопреки Милюкову звучали призывы «быть противниками нашей официальной политики» и не ставить на ней партийный «моральный штемпель» (А.М. Колюбакин), «отказаться от намерения руководить внешней политикой» (В.Д. Набоков).[41]

Что касается собственно проблемы балансирования России между Антантой и Тройственным союзом, то затронувший ее В.М. Гессен отметил: «единственный практический вывод, который вытекает из тезисов [Милюкова — Ф.С.] тот, что для нас желательнее союз с Англией и Францией против Германии».[42] Иначе говоря, В.М. Гессен четко определил отвлеченный характер идеи председателя фракции о «балансировании», увидев реальный смысл речи Милюкова в призыве к блокированию с Антантой против Тройственного союза.

Отметим, что именно в этой плоскости лежали второй и третий тезисы П.Н. Милюкова, и та «тонкая игра», которую он, по собственному признанию, вел на страницах «Речи».[43] Ну а П.Б. Струве уже без обиняков отверг идею «балансирования», написав: «Россия должна выбирать между Францией — Англией и Германией». При этом он заявил, что, в сущности, выбор уже сделан в пользу Антанты.[44] Точно так же С.А. Котляревский назвал «единственно соответствующей основным национальным интересам России» «солидарность с Англией и Францией».[45]

Следует особо подчеркнуть, что и в дальнейшем, вплоть до начала Первой мировой войны, кадеты никогда не поддерживали по-

[40] *Воронкова И.Е.* Внешнеполитическая доктрина конституционно-демократической партии: Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2010. С. 30.

[41] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 344.

[42] Там же. С. 337.

[43] Там же. С. 336.

[44] *Струве П.Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М.. 1997. С. 85.

[45] *Котляревский С.А.* Поводы и причины // Русские ведомости. 1909. 18 марта.

пыток русской дипломатии маневрировать между Антантой и Тройственным союзом. Наоборот любые политические контакты России с Германией сразу вызывали отрицательную реакцию кадетской печати.

Д.В. ЩУКИН

К вопросу о позиции партии кадетов и ее фракции в Государственной думе в отношении внешнеполитического курса России накануне Первой мировой войны (на примере внутрипартийной дискуссии об оценке балканских событий 1908—1913 гг.)

Партия кадетов в лице своей фракции на протяжении всей истории российского парламентаризма начала XX в. занимала одно из «определяющих» мест в Государственной думе Российской империи и бесспорно сыграла знаковую роль в ее истории.

Программа партии кадетов не содержала раздела, посвященного международной политике, однако ее руководители и идеологи выступили с целым рядом инициатив по обоснованию и корректировке внешнеполитического курса Российской империи. Интересна точка зрения П.Н. Милюкова относительно общего стиля работы российских дипломатов, который он именовал «стилем XVII в.», а причину неудач России на международной арене видел в «полном несоответствии русского официального мировоззрения передовому мировоззрению цивилизованных наций». Заслуга МИД царской России, по его мнению, была в том, что оно стало считаться с общественным мнением страны, в то время как другие ведомства стараются показать, что «мы — величина невесомая».[1]

Основными «концептуальными линиями» внутри кадетизма, определявшими характер внешнеполитической доктрины данной партии и ее фракции в Государственной думе, выступали следующие: «великодержавный» геополитический подход П.Б. Струве («Великая Россия» и «идеи здорового милитаризма»);[2] «европеистский» подход к внешней политики П.Н. Милюкова (в выборе союзников и противников Россия должна сближаться со странами «либерального» политического режима, а также поддерживать славянские народы в их борьбе за освобождение).[3]

Отметим, что в ряде коренных вопросов внешней политики позиция КДП и ее фракции в Государственной думе совпадала с пози-

[1] Речь.1912.14 апреля.

[2] *Струве П.Б.* Экономическая проблема «Великой России». Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия. Сб. ст. по военным и общественным вопросам. М., 1911. Кн. 2.

[3] *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910; и др.

цией, декларируемой МИД царской России. Так, выступая 27 февраля 1908 г. на заседании III Думы, председатель фракции партии кадетов П.Н. Милюков заявил: «...Несогласие оппозиции с взглядами некоторых ведомств очень часто возрастает до размера принципиального и резкого противоречия. Но я должен сказать, что такого разногласия не имеется по отношению к представителю нашего ведомства иностранных дел в тех случаях, когда с этой кафедры он выступает вестником мира».[4] Одобряя линию министра иностранных дел С.Д. Сазонова на Ближнем Востоке и Балканах во время 1-й балканской войны, П.Н. Милюков 12 октября 1912 г. на заседании ЦК КДП заявил, что «если бы он был на месте министра иностранных дел, то делал бы то же самое».[5]

Вместе с тем (подчеркнем это особо!) совпадение позиций КДП и ее фракции в Государственной думе с МИД Российской империи по ряду вопросов внешней политики в 1907—1912 гг. еще не означало их однотождественности. Кадеты поддерживали внешнеполитический курс царского правительства при следующих условиях: 1) при его совпадении с партийными внешнеполитическими программными установками; 2) при отражении интересов тех социальных слоев общества (электорального сегмента избирателей), на которые они опирались; 3) в силу общей политической коньюнктуры развития событий в России нач. XX в. Кроме того, позицию лидера партии и ее фракции в III Государственной думе П.Н. Милюкова в отношении внешнеполитического курса России не всегда разделяли все ее члены, подвергая резкой критике.

На примере дискуссий внутри кадетской партии, точек зрений членов ее фракции в Государственной думе об оценке балканских событий за период 1908—1913 гг. рассмотрим позицию данной партии в отношении внешнеполитического курса России накануне Первой мировой войны.

1. Боснийский кризис 1908—1909 гг. — представлял собой напряжение обстановки на международной арене в связи с аннексией Боснии и Герцеговины, осуществленной Австро-Венгрией в октябре 1908 г. и последовавшим за этим ухудшением отношений между Россией, с одной стороны, и Австро-Венгрией и Германией, с другой.

В апреле 1908 г., выступая в Думе, министр иностранных дел Российской империи А.П. Извольский, в отношении ситуации на Балканах заявил, что «Россия по-прежнему не ищет никаких терри-

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 119—120.

[5] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 223.

ториальных приобретений на Балканском полуострове и стремится лишь к ...сохранению status quo».[6] Но в начале июля 1908 г. он направил австрийскому правительству меморандум, в котором предлагалось договориться об аннексии Австрией Боснии и Герцеговины в обмен на изменение конвенции о Проливах в пользу России. 24 сентября 1908 г. Австро-Венгрия официально объявила об аннексии, подчеркнув, что делает это с ведома и согласия России.

Попытка поднять вопрос об аннексии была сделана в Государственной думе сразу же на первом ее заседании после летних каникул 15 октября 1908 г. В качестве повода воспользовались запретом прений по состоявшемуся накануне докладу профессора А.Л. Погодина «Босния и Герцеговина под оккупацией Австро-Венгрии». Мотивируя депутатский запрос, кадет В.А. Маклаков выразил опасение, что власть не хочет считаться с общественным мнением, и предупредил, что русское общество не может остаться в стороне от происходящего.[7] Его речь была встречена аплодисментами депутатов Думы, однако организовать обсуждение внешнеполитических проблем все же не удалось.

Подчеркнем, что на момент объявления аннексии либеральная оппозиция в целом позитивно оценивала попытки царской дипломатии вынести боснийский вопрос на международное обсуждение, считая, что государственные интересы и престиж не позволяют России оставаться безучастной к изменениям Берлинского трактата в пользу Австрии. Лидер партии кадетов и ее фракции в III Государственной думе П.Н. Милюков подчеркивал, что значительная часть населения аннексированной Боснии и Герцеговины желает получить полную политическую автономию, и это дает основание поднять проблему до европейского уровня, поставив «своей задачей достижение международных гарантий для этой формы дальнейшего политического существования Боснии».[8]

Вместе с тем дальнейшая тактика действий министра иностранных дел царской России А.П. Извольского в разгар Боснийского кризиса 1908—1909 гг. будет раскритикована кадетами. По мнению кадетов, он не смог в полной мере использовать возможности блоковой политики —естественного и выгодного способа совместных с союзниками шагов. Своей неопределенной («никакой», по мнению

[6] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. II. Стб. 1766.

[7] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. I. Стб. 23.

[8] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. Стб. 2694.

П.Н. Милюкова) позицией в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины А.П. Извольский «сам себя изолировал».[9]

Тон кадетской критики в адрес внешнеполитического курса царской дипломатии и ее результатов в деле Боснийского кризиса 1908—1909 гг. наиболее метко отразило опубликованное в газете «Русское слово» мнение В.А. Маклакова: «Признание Россией аннексии является Цусимой для иностранной политики России...». При этом «дипломатическую катастрофу» России он напрямую связал с курсом внутренней политики царского правительства, говоря о том, что «нельзя воевать на два фронта» и «если бы кабинет был занят более вопросами внешней опасности, чем борьбой с внутренней, он чувствовал бы себя сильнее и спокойнее».[10]

Специфика выработки КДП собственной позиции по оценке внешнеполитического курса России в период Боснийского кризиса 1908— 1909 гг. четко проявилась на заседании ее ЦК в марте 1909 г. Интерес представляет возникшая на нем внутрипартийная дискуссия по отношению партии (как следствие и ее фракции в Государственной думе) к вопросу выбора мирного или немирного пути решения международных проблем.

Выступая 1 марта 1909 г. на заседании ЦК КДП с докладом о тактике партии ввиду обострения ситуации на Балканах, П.Н. Милюков со всей определенностью высказался за политическое урегулирование Боснийского кризиса. «Мы должны стоять на том, что к войне мы не готовы, и все делать для того, чтобы отклонить возможность войны».[11]

Анализ данного заседания показывает, что лидеры КДП Ф.И. Родичев, О.Я. Пергамент, В.М. Гессен, А.И. Шингарев, Н.Н. Кутлер, А.С. Изгоев, П.Н. Милюков, признавая, что «нам ни в коем случае не следует бить в барабаны и демонстрировать свою силу», что «всякая война будет для нас разгромом», что «воевать мы бессильны», «война будет гибельна для страны», пытались найти ту «линию центра», при которой аргументация неподготовленностью России к войне позволила бы ей сохранить хотя бы национальную гордость. Интересна позиция А.М. Колюбакина в свете усиления критики в адрес правительства, заявившего следующее: «В войну нам втягиваться нельзя, как бы мы ни симпатизировали Сербии.

[9] *Воронкова И.Е.* Партия конституционных демократов о целях и текущих задачах Балканской политики Российской империи начала XX века // Славяноведение. № 5. 2009. С. 21.

[10] Русское слово. 1909. 18 марта.

[11] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6-ти т. М., 1994. Т. 1. С. 333.

Мы должны доказать, что воевать мы бессильны и что слабость наша усиливается от внутренних непорядков».[12]

Однако на данном заседании П.Н. Милюков поставил и другой вопрос: «До каких пределов мы можем пользоваться этим аргументом, что мы не готовы воевать?» «Бывают моменты, — говорил он в своем выступлении, — когда даже маленькие государства решаются на войну с крупными, поэтому и нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, что бы ни произошло, воевать не должна и не будет. Следовательно, и от нашей дипломатии мы готовы требовать, чтобы она держалась с большим достоинством».[13]

В своем выступлении А.С. Изгоев, соглашаясь, что в данный момент «войны не должно быть», все же отметил, что рано или поздно она неминуема, и поэтому «большая русская либеральная партия не может устраниться от определения своего отношения к борющимся сторонам».[14] Н.А. Гредескул, в свою очередь, заявил следующее: «Надо выступать против войны всеми средствами. Вместе с тем нам не следует подчеркивать свою излишнюю уступчивость, мы должны спокойно заявить, что если нас вынудят к войне, то мы будем воевать... С нашим общественным мнением мы должны прямо говорить, что война для нас пагубное дело, но если придется, будем воевать».[15]

В конечном итоге, учитывая, что в данном случае антиавстрийская борьба сербов шла в русле российских внешнеполитических интересов, оказание моральной поддержки признавалось кадетами необходимым, но при этом подчеркивалось, что славянскую политику следовало проводить в свете собственных интересов. Так, на данном заседании ЦК П.Н. Милюков заявил: «Наше положительное отношение к славянам должно найти свое подтверждение и в том, что оно соответствует нашим интересам в Европе: сейчас фактическая группировка славян в Европе идет параллельно нашим союзам и против германизма. Этим положением вещей и должна определяться наша славянская политика». В заключение своего доклада он еще раз указал на то, что «мы преследуем славянскую политику лишь в пределах собственных интересов, и нам воевать сейчас очень трудно».[16] Однако если речь зайдет о нарушении непосредственных национальных интересов России, то война, по его мнению, представляется неизбежной.

[12] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6-ти т. М., 1994. Т. 1. С. 333.

[13] Там же. С. 333.

[14] Там же. С. 340.

[15] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

[16] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 334.

Совокупность высказанных мнений членов партии кадетов на заседании ее ЦК в марте 1909 г. показывает некую двойственность в отношении к внешнеполитическому курсу России ввиду обострения ситуации на Балканах в период 1908—1909 гг.

Вместе с тем общим итогом данного заседания стало принятие следующего решения по обсуждаемому вопросу: «Войны, безусловно, надо избегать».[17] Отметим, что такая позиция в целом не противоречила и линии других представителей русского либерализма начала XX в. в поиске путей выхода из сложившейся в 1908—1909 гг. ситуации на Балканах (линия неготовности России в данный момент силой оружия поддержать «справедливые славянские требования»).[18] Так, в газете «Русское слово» от 17 марта 1909 г. лидер партии «Союз 17 октября» и ее фракции в III Государственной думе А.И. Гучков заявил, что проводимая А.П. Извольским политика по разрешению Боснийского кризиса «...диктуется трудным положением и внутренним состоянием страны», а «роковую роль во всем этом деле сыграла Германия».[19] Примечательно, что рядом с его позицией было опубликовано и мнение председателя на тот момент времени III Государственной думы октябриста Н.А. Хомякова, который в отношении внешней политики царской дипломатии и разрешения австро-сербского конфликта заявил что «нас привели к нравственному самоубийству», и «я задумываюсь над вопросом, какими глазами будут смотреть на нас славяне».[20]

В дальнейшем в отношении аннексии Боснии и Герцеговины в результате Боснийского кризиса 1908—1909 гг. лидер кадетов П.Н. Милюков скажет следующее: «это была первая попытка германских наций самовольно вычеркивать постановления, на которых покоилось равновесие Европы».[21]

2. Первая и Вторая балканские войны (1912—1913 гг.). Основными причинами данных войн стали возникшие между странами Балканского полуострова международные противоречия и геополитические амбиции (в том числе и в рамках Боснийского кризиса 1908—1909 гг.).

В связи с этим интерес представляет дискуссия, вспыхнувшая 12 октября 1912 г. на заседании ЦК КДП в Петербурге. Предметно-

[17] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. С. 334.

[18] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. II. Стб. 2675—2676.

[19] Голос Москвы. 1909. 17 марта.

[20] Там же

[21] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Т. 1. Д. 2213. Л. 30

му обсуждению подверглась позиция, занятая лидером партии П.Н. Милюковым в поддержку министра иностранных дел России С.Д. Сазонова и его курса. Не получив одобрения со стороны подавляющего большинства членов ЦК партии, «милюковская линия» подверглась их резкой критике.

Так, по мнению В.И. Вернадского, данная линия «по видимости близко подходит к координации с политикой МИД, а этой опасности надо избегать».[22] А.С. Изгоев заявил, что «тон статей П.Н. Милюкова есть скорее тон дипломата, ответственного министра иностранных дел, чем тон лидера оппозиции. И это сбивает общество с толку».[23] Созвучным данному мнению стало указание А.Р. Ледницкого на то, что призывы П.Н. Милюкова приведут к тому, что «общественное движение пройдет мимо нас» и «так как нельзя удержать общество», то надо проявить активность и «искреннее отношение к балканским народам».[24] За необходимость оказания славянам моральной и материальной помощи выступил Н.А. Гредескул.

Лидер правого крыла кадетов П.Б. Струве заявил, что «Россия имеет свои определенные задачи при ликвидации влияния Турции в Европе, и их надо поставить в полном объеме перед обществом».[25] Выступивший против болгарофильской позиции П.Н. Милюкова А.А. Свечин предложил следующую мысль «...что есть пределы, за которыми и мы не удержимся от войны. Скажем, что за славянские интересы воевать мы не пойдем, но и раздавить их мы не позволим».[26]

В противовес представленным суждениям прозвучало высказанное на этом же заседании мнение А.Н. Колюбакина за проведение партией более осторожной позиции, так как кадетам «еще рано становиться во главе общественного движения» и только в случае, если «война стихийного народного движения поднимется, то нам нельзя было бы удержаться в стороне. Славянам, безусловно, надо помогать, но обещать им активную поддержку нельзя, ибо мы знаем, что Россия слаба».[27] Именно такую точку зрения, по его мнению, и надо проводить от имени всей партии кадетов в Государственной думе.

В своем заключительном слове П.Н. Милюков попытался разъяснить основной замысел своей линии поведения по отношению к балканским событиям. Исходя из тезиса о том, что балканс-

[22] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 223, 226 об.
[23] Там же. Л. 229.
[24] Там же. ЛЛ. 224—224 об.
[25] Там же. ЛЛ. 226, 232.
[26] Там же. ЛЛ. 229 об.—230.
[27] Там же. ЛЛ. 225—225 об.

кий вопрос следует решать не одним, а вместе с «европейской машиной тройственного согласия»; он подчеркнул, что Россия «из-за известных славянских задач» воевать не должна. «Если Россия поддержит Сербию, то она должна быть готова к войне. Если воевать не хотим, то не надо и провоцировать своих балканских друзей. Если же зайдет речь о собственных интересах России, то дело может быть иначе».[28] Разъясняя собственную позицию, он подчеркнул следующее: «Для России трудно довольствоваться простой нейтрализацией Проливов, для нее нужны и куски территории по берегам Проливов. Следовательно, в постановке вопросов должна сохраняться известная перспектива и последовательность». «Партия, — делал общий вывод П.Н. Милюков, — должна вести себя в балканском вопросе так тонко и дипломатично, чтобы у масс сохранилась иллюзия о ее непричастности к захватнической империалистической внешней политике».[29]

Внутрипартийная дискуссия по вопросу балканской политики, начатая 12 октября 1912 г. в Петербургском отделении ЦК КДП, получила свое дальнейшее продолжение в Москве. 22 октября 1912 г. на заседании Московского отделения ЦК КДП выступил А.Р. Ледницкий, который изложил основные моменты разгоревшейся в Петербурге дискуссии о позиции партии по балканскому вопросу. Прения по его информации показывают, что Московское отделение ЦК стояло в данном вопросе еще на более правых позициях, чем Петербургское. «Удивительно, — заявил Ф.Ф. Кокошкин, — что приходится слышать о сдержанном отношении к славянскому вопросу со стороны Милюкова, в то время как против него слева раздаются упреки в империализме. Балканский вопрос так жизненно важен, что мы не можем не выразить относительно его своего мнения. Наши симпатии должны быть на стороне славян. Избегая шовинизма, мы не должны становиться на ту точку зрения, что войны следует избегать какой бы то ни было ценой. Говорить теперь о военной неподготовленности России было также неуместно».[30] К его точке зрения присоединились и другие члены кадетской партии: А.А. Мануйлов, В.А. Маклаков и А.А. Кизеветтер. «Наша формула, — подчеркнул В.А. Маклаков, — должна быть следующей: мы должны быть готовы к войне. Мы должны готовиться к ней во всех отношениях: приводя в порядок и наши военные силы, и наши внутренние отношения».[31] Отметим выступление князя Ф.И. Шаховс-

[28] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 222.
[29] Там же. ЛЛ. 222, 230—231.
[30] Там же. Д. 245. Л. 50.
[31] Там же. Л. 50.

кого, который считал, что «сдержанность Сазонова едва ли должна быть всецело осуждаема. Нужно только установить, до каких пределов должна идти эта сдержанность. Прежде всего мы должны установить для самих себя наши основные требования в балканском вопросе».[32]

Итоги обсуждения балканского вопроса в МО ЦК КДП подвел А.Р. Ледницкий, который подчеркнул следующее: во-первых, «прогрессивные элементы должны встать во главе движения и подчинить общественное мнение своему влиянию»; во-вторых, Россия ни при каких обстоятельствах не должна устраняться от решения балканского вопроса, в противном случае «это поставит ее в разряд даже третьестепенных государств»; в-третьих, «мы не можем допустить, чтобы Константинополь принадлежал какой-нибудь сильной державе: все лучше было бы сделать его вольным городом. Нельзя допустить также захвата Салоник Австрией: это было бы равносильно закрытию Дарданелл».[33]

В итоге принятое МО ЦК КДП постановление по балканскому вопросу свелось к следующим пунктам: 1) «МО ЦК полагает, что сочувствие русского общества должно быть на стороне славян; 2) МО ЦК не считает возможным поддержать мнение, что следует какой бы то ни было ценою избегать войны (подчеркнуто мною — Д.Щ); 3) члены партии к.-д. должны заняться организацией общественного мнения и оказывать всяческое содействие обществам, принявшим на себя дело помощи славянам. При выборе же обществ, которым будет оказываться содействие, следует принимать во внимание нравственную и политическую физиономию их руководителей; 4) выяснение вопроса о позиции, какую должна занять Россия в балканском вопросе, решено отложить до дальнейшего обсуждения».[34]

Принятие данного постановления, с одной стороны, обозначило общую позицию ЦК КДП по данному вопросу и рассматривалось как руководство к действию, а с другой — наметило тенденцию выбора отношения рядовых членов партии к той линии (позиция П.Н. Милюкова или ЦК партии), которую они считали для себя более близкой.

В конечном итоге, дискуссии внутри кадетской среды по вопросу отношения самой партии и ее фракции в Государственной думе к внешнеполитическому курсу России и оценки балканских событий 1908—1913 гг. демонстрируют следующее: 1) наличие различ-

[32] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30.
[33] Там же. Л. 51.
[34] Там же.

ных точек зрения по вопросу поддержки официальной линии МИД Российской империи в силу политической коньюктуры развития событий внутри самой России начала XX в.; 2) наличие различных позиций, концептуальных подходов (позиция ЦК, позиция П.Н. Милюкова и т.д.) как следствие приверженности членов партии к той или иной «окраске» во внешнеполитической доктрине, так и в результате своеобразной борьбы (соперничества) за «политическое лидерство» внутри самой партии; 3) линию в позиции П.Н. Милюкова — стремление усилить международное влияние на внутриполитические события в России с целью давления европейских стран на «русское правительство» с тем, чтобы оно целенаправленно продвигалось в «конституционном» русле.

Вне всякого сомнения, данные явления напрямую приводили к сложности самого процесса принятия кадетами общепартийных решений по вопросам внешней политики, а также к серьезным внутренним разногласиям в их среде на данной почве. Это в свою очередь влияло и на позицию парламентской фракции кадетской партии в Государственной думе, которая с одной стороны была обусловлена линией ее председателя П.Н. Милюкова, а с другой — мнениями рядовых членов к рассмотрению данных вопросов.

Все это и создавало ту двойственность позиции кадетской партии в отношении внешнеполитического курса царского правительства и перспектив развития отношений с теми или иными странами накануне Первой мировой войны.

Ф.А. ГАЙДА

Правый раскол в кадетской партии: причины и возможности

После поражения Первой русской революции в кадетской партии обозначилась правая оппозиция официальному курсу партийно-фракционного ядра во главе с П.Н. Милюковым. Правые кадеты, не отказываясь от основных партийных принципов, пытались сформулировать новую партийную стратегию и тактику применительно к третьеиюньским обстоятельствам. Большое значение для них имело и обозначившееся ускорение социально-экономического развития России, которое, по мнению правых кадетов, необходимо было использовать для достижения соответствующих политических целей.

Безусловно, «правая оппозиция» — понятие условное. По сути она состояла лишь из нескольких человек в кадетском руководстве (П.Б. Струве, В.А. Маклаков, М.В. Челноков и др.), имевших широкую известность, но не пользовавшихся значительной поддержкой в партийных кругах. При этом не представляется возможным говорить и о единстве правого кадетского крыла. П.Б. Струве был скорее ориентирован на поиск контакта с правительством и в этой связи даже мог условно «оправдывать» акт 3 июня 1907 г.[1] Более скептично в отношении правительства был настроен В.А. Маклаков; после думских выборов 1912 г. он писал октябристу А.В. Бобрищеву-Пушкину: «Октябризм как либерализм, в отличие от конституционно-демократического радикализма и демократизма, не только необходим, но и является обязательным условием успешного развития конституции. Гучков, как оппозиция, внушительнее и сильнее Милюкова».[2] Еще левее был настроен М.В. Челноков, который признавал: «У нас тут в Г[осударственной] думе хорошего сделать почти ничего нельзя, а даже если что и сделаем — в Г[осударственном] совете не оставят камня на камне. Я теперь уже совершенно утратил веру в наше дело и уповаю только на рост местной жизни и самоуправления. Пока на местах не пробьется местная жизнь, мы в Г[осударственной] думе будем висеть в воздухе».[3] Единомышленник Челнокова Д.Д. Протопопов писал ему: «Ключи от

[1] *Струве П.Б.* «Улица» и «комната» // Слово.1909. 23 апреля.

[2] В.А. Маклаков — А.В. Бобрищеву-Пушкину, 30 октября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 580. Л. 2473.

[3] «У нас беда — страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903—1912 гг. / Публ. Ф.А. Селезнева // Исторический архив. 2004. № 4. С. 160.

русского счастья зарыты на ниве русского самоуправления. Без местной свободы не будет общей свободы. Без местных деятелей не будет государственных. Из гор[одской] и земской среды должны выйти те, кто когда-нибудь сметет тех шутов гороховых, которые нами теперь помыкают. Города и земства — это государства в государстве и они призваны стереть главу змия».[4]

Появление «правого уклона» в кадетской партии обозначилось с выходом знаменитого сборника «Вехи» (1909 г.), в котором участвовали кадеты П.Б. Струве, А.С. Изгоев и Б.А. Кистяковский. Струве призывал русскую интеллигенцию отказаться от застывших идей и учиться революционному делу на Западе, поскольку там революционные события не происходили с тем «бездонным легкомыслием», как это случилось в России в 1905—1907 гг. Изгоев ставил происходившую на его глазах младотурецкую революцию за образец «той нравственной мощи, которую придает революции одушевляющая ее национально-государственная идея».[5] Подобные ревизионистские призывы, как известно, встретили жесткое сопротивление партийного центра и были отвергнуты. На этом борьба не закончилась и вскоре приобрела организационные формы: ближе к выборам, 8 ноября 1911 г. на заседании кадетской фракции после бурного заседания все представители правого крыла (во главе с В.А. Маклаковым) на выборах руководства фракции были забаллотированы по предложению П.Н. Милюкова.[6]

Тем не менее на партийном совещании в марте 1912 г. М.В. Челноков, Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, Н.А. Котляревский, к которым примкнул и Ф.И. Родичев, оказались в большинстве по вопросу о предвыборном блокировании с прогрессистами. По мнению правого крыла, партия должна была стать более «деловой» и приближенной к средним и отчасти высшим городским слоям. Милюков даже не смог провести решение о запрете для Челнокова посещать собрания прогрессистов.[7] В октябристской прессе не без удовольствия отмечалось, что кадетская партия оказалась на грани раскола.[8] Однако выборы прошли для кадетов относительно успешно, а главными пострадавшими оказались, наоборот, сами октябристы. В перспективе Н.И. Астров прогнозировал раскол «Союза 17

[4] ГА РФ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 489. Л. 2 об.

[5] Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. М., 1991. С. 144—145, 150—152, 208.

[6] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 241. 1911. Д. 307 а. ЛЛ. 55—56.

[7] «М.П.» — Д.Н. Шипову, 30 марта 1912 г. // Там же. Оп. 265. Д. 565. Л. 971.

[8] Голос Москвы. 1912. 8 апреля.

октября» и бегство его членов к националистам и прогрессистам.[9] Милюков, не веривший в сплоченность прогрессистов, полагал, что левые октябристы перейдут к кадетам.[10] В этой связи кадетской фракции в новой Думе нужно было проявить партийную принципиальность (в частности, внести непроходной, но громкий законопроект о всеобщем избирательном праве), что могло пригодиться и в случае скорого роспуска Думы и назначения новых выборов.[11]

Сформулированная в октябре 1912 г. тактика в отношении думского большинства вызвала резкую оппозицию со стороны Струве, Маклакова, а также А.В. Тырковой, настроенных на сохранение Думы и поиск компромисса с прогрессистами и левыми октябристами.[12] 14 ноября на заседании кадетской фракции произошло серьезное столкновение: М.В. Челноков, М.М. Новиков, Н.А. Гредескул и «еще два-три члена фракции» предложили отложить проект о всеобщем избирательном праве — «не по сущности, а по тактическим соображениям».[13] Фракция поддержала Милюкова; также было решено не претендовать на места в думском президиуме. Сторонники партийного лидера восприняли события как начало реализации плана Маклакова и Челнокова по расколу фракции и созданию единого объединения с прогрессистами.[14] Д.Н. Шипов писал Челнокову: «Помогай тебе Господь Бог в дальнейших твоих выступлениях против Милюк-паши, и хочется верить, что по твоей инициативе к[онституционным] д[емократам] удастся освободиться от пагубного и тлетворного гипноза своего Лидера. Вред политическому делу, приносимый этим человеком, может сравниться лишь с вредом, принесенным стране Столыпиным».[15]

9 декабря 1912 г. на свет появилась газета «Русская молва», призванная сплотить правых кадетов и прогрессистов. Ее издателем являлся Д.Д. Протопопов, а влиятельную позицию в редакции занял

[9] Утро России. 1912. 19 октября.

[10] Речь. 1912. 30 октября.

[11] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 2. С. 119.

[12] Там же. С. 142—153; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. ЛЛ. 25—26.

[13] М.В. Челноков — Н.И. Астрову, 15 ноября 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 582. Л. 2683.

[14] Н.Н. Щепкин — Н.М. Щепкину, 15 ноября 1912 г. // Там же. Н.Н. Щепкин — Н.М. Щепкину, 15 ноября 1912 г.

[15] *Шелохаев С.В.* Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 321.

П.Б. Струве.[16] В редакционной статье первого номера отмечалось, что организаторы не отказываются от своей партийной принадлежности, но при этом провозглашалось: «Теперь уже дело не в программных построениях, а в проявлении общественной воли, в напряжении национального чувства».[17] На этом политические сенсации не завершались, поскольку в том же номере писалось: «Вступая в семью прогрессивной печати, мы приносим «ганнибалову клятву» никогда не поднимать в кассационном порядке вопроса о том, имел ли кто-либо быть правым!».[18] Поскольку газета предполагала назначение на пост министра внутренних дел А.В. Кривошеина,[19] становилось ясно, сколь весомо звучали обещания. В ответ кадетский ЦК организовал в отношении Протопопова и принявшей участие в проекте А.В. Тырковой «нечто вроде разноса». Она вспоминала: «Это исходило от редакции «Речи», но прокурорскую роль взял на себя Петрункевич. Я ответила очень решительно. На этом все и кончилось, хотя вначале нам достаточно ясно грозили исключением из ЦК».[20] Однако особого резонанса газета не вызвала. Она так и не смогла сформулировать своей линии, которая отчетливо отделила бы ее от остальной кадетской прессы: приветствуя создание в Думе левого центра,[21] она одновременно резко критиковала беспринципность А.И. Гучкова[22] и октябристской фракции в целом.[23] В результате на газету подписалось всего 400 человек.[24] Уже 20 августа 1913 г. она закрылась.

В марте 1913 г., когда сошли на нет слухи о быстром роспуске Думы, в кадетской фракции произошел новый конфликт. Во исполнение желания своих избирателей из I московской курии Челно-

[16] С.Н. Булгаков — А.С. Глинке, 27 декабря 1912 г. // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 502. С.Н. Булгаков — А.С. Глинке, 27 декабря 1912 г.

[17] От редакции // Русская молва. 1912. 9 декабря.

[18] Беспартийность // Там же.

[19] О кандидатуре Н.А. Маклакова // Русская молва. 1912. 14 декабря.

[20] А.В. Тыркова — В.А. Маклакову, 28 марта 1944 г. // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 400.

[21] Объединение оппозиции // Русская молва. 1913. 13 февраля.

[22] Политика и аферы // Русская молва. 1913. 6 февраля.

[23] *П.Г.* Плохое предзнаменование // Русская молва. 1913. 7 февраля.

[24] Д.Н. Шипов — Н.Н. Львову, 21 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 394.

ков просил фракцию разрешения на вхождение в военно-морскую комиссию Думы. Фракция инициативу поддержала, что шло вразрез с первоначальной принципиальной позицией. В результате Милюков сложил полномочия председателя и покинул заседание. После подобного демарша Челноков пошел на попятную.[25] Милюкова по телефону уговорили вернуться обратно и вновь возглавить фракцию.[26] Его победа стала сильным ударом по позициям правых кадетов.

Милюкову удалось сохранить и ведущие позиции в ЦК. 14 мая на заседании Петербургского отдела ЦК Н.М. Кишкин поставил вопрос о переизбрании ЦК. Милюков ответил ему, что вне комитета партия не обладает «политически воспитанными» членами, на что Кишкин отреагировал весьма резко: «Воспитанные элементы сейчас существуют, но с каждым годом их становится все меньше. Нельзя рассматривать себя и свою самоценность в мистическом смысле». Вопреки мнению Милюкова для перевыборов ЦК решено было готовить созыв съезда, хотя и с предварительными перевыборами ряда местных комитетов по решению самого ЦК. При этом особо оговаривалось, что на съезде не будет поставлен вопрос об изменениях в партийной программе.[27] Однако уже через несколько дней состоявшаяся 25—26 мая партийная конференция констатировала организационный развал партии на местах и посчитала созыв съезда в сложившихся обстоятельствах невозможным.[28] Кадетский центр сохранил свои позиции.

Знаменитая летняя речь А.В. Кривошеина 1913 г. о необходимости преодоления разрыва между властью и общественностью («мы и они») и быстрое полевение октябристов потребовали от кадетов вновь вернуться к вопросу о думской тактике. Милюковская «Речь» отметила, что кривошеинское выступление превзошло известный доклад гр. С.Ю. Витте, сделанный в октябре 1905 г.[29] На пленарном заседании кадетского ЦК 5 октября большинство высказалось за соглашение с октябристами. Милюков категорически возражал, однако оказался в незначительном меньшинстве. Челноков, Кишкин и даже кн. Д.И. Шаховской выступили за соглашение с целью про-

[25] М.В. Челноков — Н.М. Кишкину, 15 марта 1913 г. // Там же. Д. 921. Л. 537.

[26] Прогрессивный центр // Утро России. 1913. 17 марта.

[27] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 197—198.

[28] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х т. М., 2000. Т. 2. С. 496—500.

[29] Речь. 1913. 10 июля.

ведения земской и городской реформ.[30] «Утро России» призвало кадетов к смене лидера (вместо Милюкова предлагалось поставить Маклакова) и сближению с прогрессистами.[31] Вскоре газета сообщила о возможном создании в Думе «либерального центра» из левых октябристов, «многих» прогрессистов и «некоторых» правых кадетов, объединившихся вокруг Маклакова и Челнокова.[32]

После окончательного раскола октябристов, отставки В.Н. Коковцова и объявления властью «Нового курса» в кадетской партии опять обострились внутренние противоречия. 23 февраля в «Русских ведомостях» появилась статья Маклакова, который выступил за образование думского объединения: «Соглашение на конкретной программе, хотя и не кадетской, но прогрессивной, определенное и последовательное отношение к приемам управления, отстаивание прогрессивного минимума всеми доступными средствами покажет правительству его изолированность в той среде, на которую оно хочет рассчитывать, управлять без которого оно не сумеет; а это создаст то правовое и психологическое давление на власть, значение которого будет определяться вне Думы».[33] Статья получила поддержку справа и слева.[34] Критика последовала лишь от однопартийцев: Милюков отметил идейный разброд среди правых кадетов и необходимость дальнейшего полевения октябристов.[35] Однако весной 1914 г. Дума качнулась в ином направлении: обструкция, устроенная социалистами премьеру И.Л. Горемыкину 22 апреля, привела к сворачиванию левого центра и появлению перспективы правоцентристского большинства. 20 мая этот поворот был закреплен избранием на пост товарища председателя Думы вместо прогрессиста А.И. Коновалова земца-октябриста А.Д. Протопопова.

Таким образом, поведение правых кадетов провоцировало внутрипартийный раскол, но конечной целью правого крыла было не разъединение либеральных сил, а, наоборот, их максимально возможное сплочение. Осуществление этого курса предполагалось на-

[30] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 27. Т. 1. ЛЛ. 60—61.

[31] Ничего // Утро России. 1913. 1 октября.

[32] Утро России. 1913. 8 декабря; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906—1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 323.

[33] *Маклаков В.* Тактика оппозиции // Русские ведомости. 1914. 23 февраля.

[34] Брожение среди единомышленников // Утро России. 1914. 25 февраля; Задачи оппозиции // Голос Москвы. 1914. 25 февраля; *Смирнов Е.* «Старая» или «новая» тактика? // День. 1914. 27 февраля.

[35] *Милюков П.* Новый путь? // Речь. 1914. 25 февраля.

чать с Государственной думы — путем создания широкого либерального объединения, основанного на первоочередной деловой программе. Инициаторы парламентского «левого центра» также надеялись на положительный для них исход внутриправительственной борьбы и делали ставку на группировку А.В. Кривошеина, действия которого тоже в значительной степени определялись событиями в Думе и партийных структурах либералов.

Перспектива правого раскола в кадетской среде не была реализована по причине неприятия нового курса со стороны подавляющего большинства кадетов (в ЦК, фракции, местных организациях). Значительную роль сыграла также идейная и организационная рыхлость прогрессистов и октябристов. Сказалась и принципиальная разница в социально-политической природе либеральных партий, и прежний опыт противостояния, и конкуренция лидеров.

Стоит отметить, что возникший в годы Первой мировой войны Прогрессивный блок, казалось бы, воплощал ожидания правых кадетов, но на практике стал проектом объединения, не предполагавшим реальных возможностей взаимодействия с правительственными силами и практически не обеспечившим принятия заявленных в его декларации законопроектов. Именно поэтому он в значительной степени блокировал и в конечном счете свел на нет все довоенные усилия правых кадетов.

Региональные аспекты российского парламентаризма

Р.А. ЦИУНЧУК

История российского парламентаризма в мемуарах члена Государственного совета Российской империи Эдварда Войнилловича[1]

Современное исследование этноконфессионального и регионального измерения думской истории, находящееся на стыке как истории самой Государственной думы и представленных в ней политических партий, так и истории национальных отношений в Российской империи, должно опираться на широкий круг разнообразных источников. Следует отметить, что в последние два десятилетия российские исследователи весьма активно расширяют форматы привлечения русскоязычной мемуарной литературы (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов, С.Е. Крыжановский, Я.В. Глинка, М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, В.А. Маклакови др.). Однако воспоминания на национальных языках, опубликованные после падения Российской империи в новых независимых государствах и в эмиграции в 1920—30-е гг. все еще остаются вне поля зрения историков российского парламентаризма. Например, мемуары польских депутатов Государственной думы и членов Государственного совета фактически не привлекались даже в статьях, посвященных Польскому коло и Польско-литовско-белорусскому коло (Группе западных окраин), хотя эта группа источников довольно широко используется в исследованиях современных польских и белорусских исследователей (Р. Юрковский, Д. Шпорер, А. Смоленчук).

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект №13-01-00070.

Среди опубликованных мемуарных источников на польском языке, раскрывающих политическую парламентскую жизнь Российской империи, выделяются «Воспоминания» Эдварда Войнилловича — видного общественного деятеля и благотворителя Западного края, выборного члена Государственного совета Российской империи от землевладельцев Минской губернии (1906—09 гг.) и организатора Краевой партии Литвы и Белой Руси (1907 г.).

Рассматриваемый в настоящей статье опубликованный польский текст[2] — это часть большой рукописи, к подготовке которой, по признанию самого Э. Войнилловича, он приступил в октябре 1917 г., когда ему исполнилось семьдесят лет. Он отмечал: «Дневника я никогда не вел, поэтому и воспоминания писать сложно, тем более, что недостает хронологических материалов, а память не всегда бывает надежной. Буду писать только о том, что хорошо помню... ».[3] К сожалению, большинство личных документов Э. Войнилловича погибло вместе с семейным архивом, музеем и библиотекой при разграблении фронтовыми дезертирами в феврале 1918 г. усадьбы Войнилловичей в Савичах (Слуцкий район, Беларусь).

После смерти Э. Войнилловича в 1928 г. в Польше был образован общественный Комитет памяти Эдварда Войнилловича, заботами которого первая часть его рукописи увидела свет в 1931 г. в Вильно в издательстве Юзефа Завадского. Это довольно объемное издание в 365 страниц включило в себя дореволюционную часть его мемуаров, охватывающих период до 1917 г., а также дневниковые записи, письма и другие документы. Редактором и автором предисловия явился известный историк и археограф профессор Януш Ивашкевич.

Автор мемуаров — Эдвард Антоний Леонард Войниллович — Edward Antoni Leonard Woyniłłowicz (12 октября 1847, имение Слепянка под Минском, Беларусь — 16 июня 1928, Быдгош, Польша). Его отец Адам Войниллович принадлежал к древнему польско-белорусскому шляхетскому роду герба Сырокомля, а матерью была Анна Ванькович герба Лис. В 1869 г. Эдвард Войниллович окончил Петербургский технологический институт, работал на Путиловском заводе, затем изучал железнодорожное дело в Ганновере и Льеже.

[2] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. 1847—1928. Wilno: Sklad Glównyw Księgarni Józefa Zawadzkiego, 1931. 365 s. В 2007 г. малым тиражом был издан заметно сокращенный перевод, в который вкралось, к сожалению, немало неточностей: *Войнилович Э.* Минск: Издание Минской римско-католической парафии св. Симона и Елены, 2007. В настоящей статье мы пользуемся собственным переводом польской публикации.

[3] *Woyniłłowicz E.* S. 1.

Получив в 1874 г. немалое наследство, Войниллович отправился для приобретения сельскохозяйственных и экономических знаний во Францию и Германию, а после возвращения устроил в своем имении неподалеку, в Минской губернии, образцовое хозяйство.

Много времени Э. Войниллович посвящал общественной деятельности. С 1878 г. он был членом Минского сельскохозяйственного общества, в 1888—1906 г. являлся заместителем председателя (председателем числился минский губернатор), а с 1906 г. стал председателем этого авторитетного во всем Западном крае Общества. Пользуясь большим доверием всех слоев местного населения, он свыше 30 лет был почетным мировым судьей Слуцкого округа. В 1904 г. Войниллович получил чин статского советника. Он также возглавлял Слуцкое благотворительное общество, а в 1905 году в память своих ушедших из жизни детей возглавил и профинансировал строительство Минского костела «Во имя Святых Симеона и Елены» («Красный Костел»).

Политическая карьера Войнилловича пришлась на 1906—1917 гг. После работы в Государственном совете, он стал известным земским деятелем: с 1911 г. был депутатом Слуцкого уездного собрания, а в 1911—1917 гг. — членом минской губернской земской управы. В 1917 г. он участвовал в Государственном совещании, поддерживал создание Белорусской народной республики. После подписания Рижского договора Э. Войниллович вынужден был переселиться в Польшу (г. Быдгощ), где стал «патриархом» минского землячества, обратившись также к работе над воспоминаниями.

Мемуары содержат немало интересной информации не только о жизни и работе Эдварда Войнилловича в Беларуси, но и о его политической деятельности в Государственном совете, его участии в политической жизни в С.-Петербурге и круге общения в столице. Фактически две главы (пятая — 46 страниц и шестая — 25 страниц) из одиннадцати представляют научный интерес для исследования истории российского парламентаризма.

В воспоминаниях Э. Войниллович предстает последовательным сторонником эволюционного преобразования всех сторон жизни Империи и защитником неприкосновенности частной собственности. Автор констатировал, что еще при графе М.Т. Лорис-Меликове в общественном мнении начали кристаллизоваться элементы «конституционного строя».[4] Начало нового этапа реформ он связывал с инициативой С.Ю. Витте по созданию «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (1902 г.), когда принятые на губернских совещаниях предложения должны были бы обсуждаться

[4] *Woyniłłowicz E.* S. 41.

на совещании в Петербурге, а затем «могли осуществляться и законодательные перемены, которые бы отвечали потребностям мест».[5] Он полагал, что реформы «пошли бы нормальным путем, но началась русско-японская война, которая обнажила гнилость всей системы и дала дополнительный толчок разрушительным устремлениям».[6]

Отдельный сюжет воспоминаний — подготовка и проведение первых выборов в Государственную думу и Государственный совет от Минской губернии. Войниллович отмечал заметное политическое влияние в крае членов Минского сельскохозяйственного общества, обладавших избирательными правами в землевладельческой курии и сообщал, что накануне общего губернского собрания наиболее влиятельные члены Общества обсуждали кандидатуры и принципы их выдвижения в минском аристократическом салоне Ядвиги Костровицкой (урожденной Войниллович). Там Войниллович выступал «за представительство всех национальностей и классов», предлагая дать одно место русскому помещику, однако на общем выборном собрании польским землевладельцам, чтобы обеспечить прохождение своих кандидатур, пришлось вступить в блок с «еврейской партией и горожанами». В итоге в Думу были избраны 9 депутатов, которых мемуарист группирует следующим образом: от крупных землевладельцев: Р. Скирмунт, князь И. Друцкий-Любецкий, Е. Любаньский, Я. Вишневский; от мелких землевладельцев М. [П.— Р.Ц.] Масониус; «от городской интеллигенции адвокаты» А. Ледницкий и В. Янчевский; «от еврейской общины — адвокат Розенбаум; от крестьян — Головчиц [Готовчиц — Р.Ц.]».[7] Войниллович назвал также имена не прошедших кандидатов и рассказал о договоренности по аграрному вопросу с известным московским адвокатом польского происхождения Александром Ледницким (членом ЦК КДП и лидером перводумской Группы автономистов). Войниллович описал свое избрание в апреле 1906 г.[8] в члены Госсовета от Минской губернии на съезд землевладельцев ста голосами против двух,[9] когда пообещал, что в своей деятельности «будет по-прежнему независим

[5] Там же. S. 100.

[6] Там же. S. 101.

[7] Там же. S. 111—112.

[8] Выборы по сведениям А.П. Бородина состоялись 12 апреля 1906 г. (*Бородин А.П.* Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999. С. 282).

[9] Р. Юрковский обращает внимание, что были и другие данные: 195 «за» и 5 «против» (*Jurkowski R.* Sukcesy i porażki. Ziemiaństwo polskie Ziem Zabranych w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa. 1906—1913. Olsztyn, 2009. S. 339).

от влияний от города на Неве или Москвы, также от подсказок с Вислы» и станет руководствоваться потребностями делегирующего его края и города.[10]

Немало внимания мемуарист уделил процедуре открытия Государственной думы, которую представляется интересным сравнить с воспоминаниями других современников. Например, он вспомнил, что в связи с созывовом Государственной думы и Государственного совета был подготовлен «Церемониал выхода его императорского величества», который прошел в Зимнем дворце. Выборные депутаты Госсовета договорились, чтобы подчеркнуть свой независимый от бюрократического государства статус, явиться на церемонию во фраках, без мундиров и наград, поэтому члены Госсовета по назначению, одетые в шитые золотом парадные мундиры, назвали первых «американцами».[11] Войниллович дал характеристики встреченным им во время прохода в Тронный зал высшим сановникам империи, многих из которых назначили членами Госсовета: графу Витте, адмиралу Алексееву, генерал-адъютанту Дубасову, Дурново, Столыпину (с которым был знаком еще во времена службы последнего в Ковно и Гродно).[12] Сильнейшее впечатление произвели присутствующие в зале две императрицы, он записал: «Мать-императрица с недовольной миной на лице, как бы говорящей: “Если бы не смерть моего мужа, не было бы этих новых порядков. Многих из этих “представителей народа” он приказал бы гнать со двора”, а правящая императрица Александра Федоровна была сильно взволнована. Каждому было известно, что она погружена в мысли о своем сыне. Именно в этот момент решалась судьба его будущего в зависимости от того, какой поворот совершит история России. Мы сравнивали ее с Марией Антуанеттой в эпоху собрания “Etatsgeneraux” (Генеральных Штатов)».[13] Войниллович заметил, что выслушав речь Николая II, лишь «старики из Сената и Госсовета» встретили ее нестройным «ура», тогда как «это “ура” не было дружно подхвачено членами Думы, состоящими в основном из этих “дорогих сердцу крестьян”», по свидетельству мемуариста, «вид этой прекрасной свиты отнюдь им (крестьянским депутатам — Р.Ц.) не импонировал», поскольку «в золотистых украшениях они видели “людскую кровь и пот, а прелести придворных дам комментировали самым циничным образом”».[14] Подошедший к Войнилловичу, после цере-

[10] *Woyniłłowicz E.* S. 114.
[11] Там же. S. 115.
[12] Там же. S. 116.
[13] Там же. S. 117.
[14] Там же. S. 117.

монии П. Столыпин поинтересовался его впечатлениями. Войниллович признался, что «его удивило то, что из той среды, о ком его величество наиболее сердечно отзывался, почти ни одного возгласа в его честь не послышалось, а те, кого он специально не вспоминал, поддержали его», на что Столыпин пожал плечами и сказал: «Едем в Думу, посмотрим, что там будет».[15] Граф С.Ю. Витте, с которым Э. Войниллович тоже был знаком еще с начала 1900-х гг., при встрече спустя несколько недель спросил у Войнилловича: «“Как Вы думаете, с этой Думы что-нибудь получится?” И сам ответил: “Ничего из нее не получится, потому что только любви свойственно быть творческой, а я не заметил этого чувства у тех, для кого его высочество столько сделал и намеревается сделать. Я видел у них только ненависть ко всему тому, что возносится над толпой”».[16]

Э. Войниллович подробно описал первое заседание Думы 27 апреля 1906 г., он запомнил, что после открытия Думы и процедуры выборов председателем Думы С.А. Муромцева, который занимая председательское кресло, предложил «прокричать “ура” в честь нашего конституционного монарха». Причем употребление этого титула, как подчеркивал мемуарист, «нигде в официальных документах не предусмотренного и не утвержденного, вызвало шквал аплодисментов и громкое “ура”».[17]

Войниллович указывал, что открытие Государственного совета, в отличие от открытия Думы, произошло «очень спокойно, согласно церемониалу» в зале Петербургского дворянского собрания на Михайловской площади, поскольку Мариинский дворец еще ремонтировался.[18] Эдвард Войниллович, имевший большой авторитет и опыт общественной деятельности, занял заметное место среди польских членов Госсовета. В воспоминаниях он проследил важнейшие события в создании первых национальных фракций в Госсовете — Польского коло и Коло Руси и Литвы (Кола Кресового, в российской литературе — Группы западных окраин), которые образовались в мае 1906 г. Он сообщал немало подробностей об организации деятельности Польского коло (Koło Polskie). Он также сообщил об использовании при выработке Устава (Regulamin) опыта Польских коло в Австро-Венгерском и Германском парламентах. Остановив-

[15] *Woyniłłowicz E.* S. 118.

[16] Там же. S. 118.

[17] Там же. S. 119. По тексту стенограммы: Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 1. С. 3: «Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха (гром аплодисментов)».

[18] *Woyniłłowicz E.* S. 120.

шись на выработке и принятии Устава объединенного Польского коло в Государственном совете, объяснив причины создания Польского коло в составе двух групп: Кола от Царства Польского (Koło Królewstwa Polskiego) и Кола Литвы и Руси (Koło Litwyi Rusi), каждое из которых имело свое руководство, но также и объединенное для всего Польского коло «с одним общим Уставом и под руководством общего председателя». При необходимости принятия решений отдельными фракциями фракции «должны были обязательно поддерживать одна другую взаимными солидарными действиями на пленарных заседаниях Государственного совета».[19] В состав первой группы вошли Евстахий Добецкий, барон Леопольд Кроненберг, граф Юзеф Островский, Антоний Напиорковский, Константин Пржевлоцкий и Станислав Гавронский, а также Станислав Ротванд от Варшавы. В состав группы от Западных окраин вошли депутаты: «от Киевской — Ст. Сырочинский, от Подольской — Вацлав Еловицкий, от Волынской — граф Ян Олизар, от Виленской — Ипполит Корвин-Милевский, от Гродненской — Димитр Корибут-Дашкевич, от Ковенской — граф Александр Тышкевич, от Могилевской — Александр Выковский (кадет, вскоре вышедший из состава Государственного Совета, а на его место был избран Владислав Войнич-Сяноженский), от Витебской — Ст. Лопацинский, от Минской — Эдвард Войниллович», к ним примыкали двое «случайно избранных из числа российских промышленников, а именно: Глезмер из Петербурга и Винцентий Поклевский-Козелл с Урала».[20] В Госсовете Польское коло принадлежало к обширной и влиятельной Группе центра.[21] Мемуарист сообщил, что на должность руководителя депутатов от Польши был избран Юзеф Островский, а руководителя от Литвы и Руси — Эдвард Войниллович, председателем общего Коло стал Войниллович, его заместителем — Островский, а секретарем К. Пшевлоцкий, уточнив, что пред созывом III Думы председатем обеих групп был избран Е. Добецкий, а председатемем депутатов Западного края — граф Олизар.[22] Войниллович отметил, что наиболее доверительные отношения сложились у него с членами Госсовета Добецким и Кроненбергом, с опытными общественными деятелями графом Олизаром, Еловицким, графом Тышкевичем и Корибут-Дашкевичем. Он также назвал адреса, по которым проводились совещания фракции: квартиры графа Тышкевича и барона Кронен-

[19] *Woyniłłowicz E.* S. 122.

[20] Там же. S. 121.

[21] *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи.1906—1917. М., 2006. С. 130.

[22] *Woyniłłowicz E.* S. 122—123.

берга.[23] Центром польской политики в столице мемуарист считал петербургский салон волынского магната графа Юзефа Потоцкого (бывшего депутата I Государственной думы).[24]

Войниллович обрисовал расстановку сил в Госсовете, где сложились три группы. Он дал им общую характеристику: правые, по «своей численности немного преобладали над центристами, но были более монолитны, состояли в основном из членов по назначению, людей более старшего возраста»; центристы состояли «из членов по выборам — предводителей дворянства, земцев и наиболее либеральной части высшей администрации»; левые насчитывали «немногим больше десяти членов, состояли из преподавателей университетов и левых земцев». По свидетельству мемуариста из состоявших по списку членов Госсовета за 1908 год всего «заседающих членов» было 194, из них 80—100 записывали себя в центристы».[25] Он дал емкие характеристики нескольким десяткам политиков: высшим сановникам (Столыпин, Витте, Фридерикс, Рихтер, Икскюль фон Гильденбандт, Дурново, Крыжановский, Коковцов, Курлов, Плятер и др.), членам Государственной думы (Родзянко, Головин, Ледницкий, Хомяков, Стахович, Грудзинский, Ропп, Яловецкий, Дмовский, Потоцкий. Скирмунт и др.), членам Государственного Совета (Гончаров, Акимов, Булыгин, Ермолов, Нейгардт, Васильчиков, Трубецкой, Таганцев, Кони, Манухин, Пихно, Дейтрих, Нарышкин и др.).

Сам Э. Войниллович принимал активное участие в работе фракции, пленарных заседаниях верхней палаты, комиссионной работе, он был также членом финансовой и аграрной комиссий, членом Особой комиссии по составлению адреса императору,[26] принимал активное участие в законодательной работе верхней палаты. После роспуска I Государственной думы летом 1906 года премьер П.А. Столыпин, знакомый с Э. Войнилловичем еще по Западному краю, предложил ему занять должность товарища министра сельского хозяйства, сообщив, что такое назначение было «обговорено в Царском Селе».[27] Несмотря на рекомендации некторых коллег по Государственному совету, Э. Войниллович отказался, справедливо полагая, что «если бы принял должность, то стал бы зависимым», а отказавшись, «оставался сильным независимостью своих убеждений и свободой поступать согласно своей совести», причем, как отмечал

[23] *Woynitłowicz E.* S. 123, 121.

[24] Там же. S. 159.

[25] Там же. S. 124.

[26] *Brzoza C., Stepan K.* Poslowie polscy w parlamencie rosyjskim. 1906—1917. Słownik biograficzny. Warszawa. 2001. S. 235.

[27] *Woynitłowicz E.* S. 131.

мемуарист, после этого со Столыпиным у них выстроились особые отношения: встречаясь лишь несколько раз в году «они всегда говорили достаточно резко друг другу правду в глаза, но всегда расставались хорошими друзьями».[28]

Войниллович сообщал интересные подробности дискуссий в Государственном совете по различным вопросам, в том числе в связи с конфликтной ситуацией, когда правительство решило изменить закон, чтобы не допустить выборов в Государственный совет поляков от западных губерний. В 1909 г., когда по закону и согласно жребию Э. Войниллович должен был завершить свою работу в Госсовете, он получил поручение выступить против нового доклада Столыпина о новой антипольской системе выборов в Госсовет от западных губерний, причем сам «Столыпин, сидя в министерской ложе, лихорадочно конспектировал», но затем вместо острого ответа в перерыве пожал мне руку и сказал: «То, что Вы сказали, хотя и было направлено против меня, но это было так правильно и так спокойно сказано, что я даже не смог протестовать».[29]

Э. Войниллович еще до избрания в Госсовет неоднократно принимал участие в мероприятиях с участием императора. В 1907 г. состоялось его личное знакомство с Николаем II и императрицей. Когда царь во время аудиенции спрашивал о ситуации в губерниях и об аграрных волнениях, то Войниллович отвечал царю, что местные «землевладельцы сидят в деревнях, занимаются землей, работают, и все было бы хорошо и спокойно, если бы можно было установить границы и обеспечить карантин от центральных российских губерний, откуда приходит вся зараза», причем, когда стоящие рядом испугавшись, что минский представитель зайдет слишком далеко, стали дергать его за фалды фрака, Николай II пожал ему руку со словами «несомненно, так».[30] Обобщая политическую обстановку поздней Империи, в которой работали первые представительные учреждения, Войниллович сделал вывод, «что влияние Двора и личная расположенность правящего лица имели тогда огромное значение при решении государственных дел в России, и недостаточный учет этого фактора был большой ошибкой нашего представительства в Думе».[31]

Э. Войниллович отрицательно оценил изменения избирательного закона 3 июня 1907 г. и изменения правил выборов от западных губерний в Госсовет и сделал вывод, что после убийства П.А. Сто-

[28] *Woyniłłowicz E.* S. 135—136.
[29] Там же. S. 136.
[30] Там же. S. 162.
[31] Там же. S. 170.

лыпина бездарное правительство не могло найти поддержки даже в таких консервативных сферах как Госсовет, куда уже проникал оппозиционный дух из прежде послушной Думы».[32] Таким образом, «Воспоминания» Эдварда Войнилловича знакомят читателя с новыми подробностями истории российского парламентаризма, с новым ракурсом восприятия представительных учреждений империи лояльным польским либеральным общественно-политическим деятелем, активным участником политических процессов в поздней Российской империи.

[32] *Woyniłłowicz E.* S. 172.

Р.Я. ЮРКОВСКИЙ

Окраинные знакомые. Польские депутаты Государственной думы и Государственного совета из Северо-Западного края и их отношения с П.А. Столыпиным в 1906—1911 гг.

С 1889 по 1903 гг. Петр Столыпин был чиновником в Министерстве внутренних дел, работающим в западных губерниях. Сначала с 1889 по 1901 гг. он занимал должность ковенского уездного предводителя дворянства, потом в 1901—1902 гг. был предводителем дворянства Ковенской губернии. В 1902—1903 гг. на протяжении 9 месяцев он уже исполнял обязанности гродненского губернатора. Во время работы здесь сумел близко познакомиться со многими польскими землевладельцами, а некоторые удостоились встреч с ним в имении Калноберзы и в доме в Ковно или в губернаторском дворце в Гродно. Это были преимущественно близкие сотрудники Петра Столыпина по совместной деятельности в учрежденных им Товариществе приобретения и сбыта предметов сельского хозяйства, Ковенском обществе сельского хозяйства и Ковенском земледельческом обществе взаимного страхования от огня. Во время очередных выборов в Государственную думу и Государственной совет некоторые его польские знакомые и сотрудники оказались депутатами.

Среди них следует назвать Александра Мейштовича (Aleksander Meysztowicz), избранного помещиками Ковенской губернии в Государственный совет в 1909, 1910 и 1913 гг. Он с 8 октября 1900 по 13 ноября 1903 гг. был заместителем председателя Ковенского общества сельского хозяйства и в силу этого близким сотрудником П.А. Столыпина. Последний до 26 мая 1902 г. занимал должность председателя этого общества.[1] Следует отметить, что разноплановое и оживленное сотрудничество между ними имело место всегда, когда речь шла о хозяйственном развитии Ковенской губернии и улучшении земледелия. Лучшим примером результативного сотрудничества этих двух известных в будущем политиков было, например, создание в Обществе сельского хозяйства записки, посвященной хозяйственной ситуации Ковенской губернии и ее экспортным возможностям в Германию («Об экспорте в Германию живого скота и мяса в связи с положением ветеринарного дела в губернии»).[2] Вскоре этот документ за подписью П.А. Столыпина был выслан в Пе-

[1] Журнал № 6 общего собрания Ковенского общества сельского хозяйства, 26 и 27 мая 1902 г. Ковно, 1902. С. 9.

[2] Журнал годичного общего собрания Ковенского общества сельского хозяйства, 2 и 3 марта 1901 г. Ковно, 1901. Приложение № 5.

тербург как предложения изменений к новому торговому соглашению России с Германией («Представление Ковенского общества сельского хозяйства Министерству земледелия и государственного имущества по вопросу о новом торговом договоре с Германией»).[3]

Так же, когда П.А. Столыпин внес предложение о создании пенсионных касс для сельскохозяйственных рабочих,[4] или когда 30 мая 1902 г. получено утверждение Ковенского земледельческого общества взаимного страхования от огня[5] — он всегда встречал содействие и содержательную помощь со стороны своего заместителя А. Мейштовича. Затем, когда 4 декабря 1902 г. Общество сельского хозяйства избрало Столыпина, исполняющего тогда уже обязанности гродненского губернатора, своим почетным членом, А. Мейштович внес предложение о направление делегации в Гродно с целью информирования его об этом избрании.[6] К тому же он сам лично и возглавил делегацию от общества. Позднее А. Мейштович вспоминал, что привез Столыпину в Гродно диплом почетного члена Ковенского общества сельского хозяйства.[7] Но когда А. Мейштович замечал в действиях П.А. Столыпина русификаторские тенденции, ухудшающие положение поляков и католиков — тогда между ними возникало непонимание, а отношения становились холодными и чисто официальными. В своих воспоминаниях А. Мейштович немало писал о примерах, по его мнению, антипольских действий П. Столыпина. Нами довольно обстоятельно написано об этом в книге, посвященной деятельности П.А. Столыпина в Ковенской и Гродненской губерниях в 1889—1903 гг.,[8] поэтому здесь обратим внима-

[3] Проект представления, составленный П.А. Столыпиным, печатается в окончательной редакции с изменениями согласно замечаниям общего собрания (Журнал № 4 общего собрания Ковенского общества сельского хозяйства, 8 и 9 октября 1901 г. Ковно, 1902. Приложение № VIII. С. 1—8).

[4] *П.А. Столыпин*. Грани таланта политика. М., 2006. С. 28—29; РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 62. Л. 22.

[5] Kauno Apskrities Archyvas, Kaunas. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 21694. Л. 1.

[6] Журнал № 7 общего собрания Ковенского общества сельского хозяйства, 4 и 5 ноября 1902 г. Ковно, 1903. С. 1; Wawer, Kowno w listopadzie, «Kraj», nr 47, 21 XI (4 XII) 1982 r.

[7] Biblioteka Zakiadu Narodowego Ossolińskich we Wrocławiu. Oddział Rękopisów, sygn. 15555: *Meysztowicz A.* Kowieńskie Towarzystwo Rolnicze w latach 1900—1904. K. 29.

[8] *Jurkowski R.* Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołypina 1889—1903. Olsztyn, 2015 (в печати).

ние только на один из случаев, который, по нашему мнению, имел большое влияние на будущее отсутствие контактов А. Мейштовича и П.А. Столыпина в Петербурге.

В период между октябрем 1900 и мартом 1901 гг. во время заседания совета Общества сельского хозяйства один из его членов Бронислав Гружевский (Bronisiaw Gruïewski) выступил с инициативой издания нового журнала под названием «Известия Ковенского общества сельского хозяйства». П. Столыпин поддерживал инициативу. Однако против этого предложения решительно выступил А. Мейштович, который по этому поводу писал: «Столыпин сразу догадался об истинной причине моего несогласия, издание носило непосредственно русификаторский характер».[9] Из воспоминаний А. Мейштовича вырисовывается картина игры, которая имела место между ним и Столыпином. Первый аргументировал протест против издания журнала «отсутствием надлежащих редакционных работников и нереальной ценой» — но оба хорошо знали, что истинная причина разногласий находилась гораздо глубже. П.А. Столыпин прямо об этом сказал А. Мейштовичу, что тот не согласен с ним из-за того, что журнал Общества будет издаваться на государственном языке. «Этот наш разговор проходил в резком и неприятном для обеих сторон тоне».[10] Почти 10 месяцев спустя журнал был утвержден властями к печати, определено содержание и принципы подписки, но он так и никогда не увидел света.

Александру Мейштовичу удалось уговорить большинство из 12 членов совета общества, которое в начале 1902 г. проголосовало против выделения средств на издание нового журнала. Несмотря на это, П.А. Столыпин не отступился от борьбы за новое издание. Однако дело разрешилось само собой — его назначили 30 мая 1902 г. исполняющим обязанности гродненского губернатора. Ковенские дела должны были отойти на второй план. Вместе с тем осталось общее недоверие и подозрительность. «Мои личные отношения со Столыпиным, — писал А. Мейштович, — закончились [...] Позднее видел его в Петербурге в Государственном совете, но никогда меня к себе не позвал, чтобы не компрометироваться приятельскими отношениями с инородцами».[11] Следует отметить, что даже во время вышеупомянутой последней встречи в Гродно, несмотря на торжественный характер, который носило вручение диплома почетного члена общества заместителем председателя, дело дошло до небольшого раздора между двумя политиками.

[9] *Meysztowicz A.* Kowieńskie. K. 28.
[10] Там же.
[11] Там же. L. 29.

В то время по всей России проводились заседания уездных и губернских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, большой структуры, руководимой С.Ю. Витте, которая имела задание произвести оценки состояния и потребностей российского сельского хозяйства. Польские землевладельцы в Ковенской губернии использовали собрания уездных комитетов для критики ситуации ограничения поляков в обращении землей в западных губерниях. Во время беседы в Гродно П.А. Столыпин спросил А. Мейштовича о предложениях, принятых на заседании его уездного комитета Особого совещания. Когда он их услышал, то заявил, что он лично никогда бы на них не согласился.[12] Можно было догадываться, что П.А. Столыпин узнал о требованиях поляков о ликвидации ограничений на покупку ими земли по политическим, а не экономическим причинам.

Не совсем был откровенен А. Мейштович, когда писал, что в Петербурге П.А. Столыпин не встречался с другими поляками из-за якобы боязни быть обвиненным в «дружественных отношения с инородцами». Премьер-министр России встречался с Эдвардом Войнилловичем (Edward Woyniłowicz), Александром Тышкевичем (Aleksandr Tyszkiewicz), Константином Скирмунтом (Konstanty Skirmunt) и Ипполитом Корвин-Милевским (Hipolit Korwin-Milewski), о чем речь пойдет ниже. Не хотел встречаться только с А. Мейштовичем. Не пригласил к себе отца, однако пригласил сына. Валериан Мейштович написал в своих воспоминаниях: «когда премьер Столыпин где-то около 1907 года узнал, что мой брат и я находимся в Лицее [Александровском в Петербурге — Р.Ю.] пригласил нас на завтрак, вместе со своими племянниками и нашими друзьями Нейдгардтами. Тогда в петербургском дворце на Аптекарском острове я видел его последний раз».[13] Приглашение Валериана Мейштовича на завтрак свидетельствовало о хорошей памяти премьер-министра России и высокой личной культуре. Был это своего рода реванш за посещение имения Пойосце, принадлежащее Мейштовичам. Именно там состоялась и первая встреча Валериана со Столыпиным. Священник Валериан Мейштович цитирует в своих воспоминаниях разговор, который состоялся между ним, тогда почти 10-летним ребен-

[12] Там же.

[13] *Meysztowicz W.* Poszło z dymem. Gawędy o czasach i ludziach. Warszawa, 1989. S. 108. Автор путает хронологию или ошибается на счет места, в котором завтракал с П. Столыпиным. Не могло это иметь места в 1907 г. в доме на Аптекарском острове, поскольку 12 августа 1906 г. он был разрушен во время террористического покушения на премьер-министра России, а он сам вместе с семьей переместился в Зимний дворец.

ком, и П.А. Столыпиным: «Высокий красивый человек с черной бородой. Начался разговор — на французском языке. Гость, попивая кофе [...] обратился ко мне, спрашивая о портретах, указал на знаменитую копию князя Юзефа [Понятовского] авторства Бацарели. Я вежливо заметил: c'est Le Prince Poniatowski (это князь Понятовский). Est — il de la famille ? — non Monsieur. Alors porquoi ce trouve-t-il ici? Parce qu'il a battu les Russes. (Он принадлежит к семейству? — Нет, господин. Тогда почему он здесь? Потому что победил русских) — сказал я вопреки исторической правде... Кто-то вошел, и разговор прекратился. Il connait bien l'histoire (Он хорошо знает историю) — сказал Столыпин потом моей матери».[14]

Граф Александр Тышкевич был избран 24 марта 1906 г. ковенским депутатом в Государственный совет. Он состоял постоянным членом комиссии личного состава и внутреннего распорядка (1906—1909), комиссии по проверке правильности выборов членов Государственного совета (1906) и особой комиссии по законопроекту «О порядке установления нормальных цен для строительных операций по водным и шоссейным сообщениям» (1909). Как представитель польской аристократии западных губерний он больше всех знал семью П.А. Столыпина. Единственный сын Столыпина в своих воспоминаниях писал: «В определенное время в Калноберже начали появляться многочисленные польские гости. Самым славным среди них был граф Александр Тышкевич, собственник Кретынги».[15] Принадлежал он также к числу основателей Ковенского общества сельского хозяйства, очень близко сотрудничая с П.А. Столыпиным. Алексадр Тышкевич поддерживал очень хорошие связи с двором Николая ІІ, царь часто его приглашал к себе. По воспоминаниям князя Алексея Оболенского, руководителя канцелярии гродненского губернатора, граф Александр Тышкевич сыграл свою роль в деле назначения П.А. Столыпина на должность губернатора. «Кого бы Вы могли рекомендовать в Гродно губернатором?», — спросил государь члена Государственного совета графа Тышкевича. П.А. Столыпин был помещиком в Ковенской губернии, предводителем дворянства Ковенского уезда, а также энергичным председателем сельскохозяйственного общества Ковенской губернии. Поляки очень любили и уважали его. Граф Тышкевич назвал его государю. Через некоторое время Столыпин был назначен губернатором в Гродно».[16] К сожале-

[14] *Meysztowicz W.* Poszło z dymem. Gawędy o czasach i ludziach. S. 106.

[15] *Stolypin A.* Cesarstwo i wygnanie. Przed i po roku 1917. Pamiętniki. Przy współpracy Dymitra Stołypina. Warszawa, 1998. S. 49.

[16] *Оболенский А.Б.* Мои воспоминания // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1955. № 47. Ноябрь. С. 95. Здесь надо заметить, что граф А. Тышкевич был избран в члены Государственного

нию, А. Тышкевич не оставил воспоминаний и поэтому остается неизвестным, перешли ли хорошие отношения со Столыпином со времен ковенских на период петербургский. Можно только предположить, что всегда существовали довольно дружественные контакты между премьер-министром России и известным в Петербурге польским аристократом.

Константин Скирмунт был избран 6 сентября 1909 г. помещиками Гродненской губернии в Государственный совет и находился на этом посту после очередных выборов вплоть до Февральской революции. Надо отметить, что он оказался единственным польским землевладельцем, который не написал ни единого критического слова о П.А. Столыпине в годы его работы в Ковно и Гродно. В его воспоминаниях есть информация, что отец будущего маршала «завладел имением Калноберже», однако без уточнения способа «завладения». О самом П.А. Столыпине пишет так: «На этих должностях уделял большое внимание для дел местных, экономических и общественных. При этом стремился этим стараниям придать характер гражданской позиции, а не только чисто чиновничий».[17] К. Скирмунт, наверное, хотел обратить внимание на деятельность Столыпина, которую можно было бы назвать как «посвящение гражданина для страны». Гродненский депутат до Государственного совета имел постоянный и легкий допуск до премьер-министра России, а их хорошие отношения начались еще в Гродно. Ибо кому как не хорошему знакомому П. Столыпин мог сказать, когда его из Гродно переводили в Саратов: «Имею надежду, что доживу до времени, когда местная шляхта возвратит себе все права».[18]

Хенрык Дембинский, депутат II Государственной думы от Келецкой губернии, отметил в своем дневнике 9 июня 1907 г.: «Скирмунт очень дружествен со Столыпином, мог быть посредником».[19] Со страниц его дневника вырисовывается образ форм контактов К. Скирмунта со П.А. Столыпиным. Их беседы носили непосредственный и доверительный характер. Свидетельствует об этом за-

совета помещиками Ковенской губернии 24 марта 1906 г., поэтому он не мог быть членом этой палаты в 1902 г. Князь Алексей Оболенский в своих мемуарах не помнил, что перед назначением в Гродно П.А. Столыпин был ковенским губернским, а не уездным предводителем дворянства.

[17] *Skirmunt K.* Moje wspomnienia 1866—1945. Wstęp i opracowanie Ewa Orloff, Andrzej Pasternak. Rzeszów, 1977. S. 28.

[18] Там же. S. 29.

[19] *Dembiński H.* Dziennik 1907—1915. Wstęp i opracowanie Szymon Rudnicki. Warszawa, 2000. S. 69.

пись о беседе Скирмунта со Столыпиным, составленная Х. Дембинским, относящейся к попыткам создания так называемого проправительственного центра во II Государственной думе, в состав которого также должны были войти поляки. П.А. Столыпин с сожалением заметил, что не ожидал «такого озлобления со стороны поляков, ожидая, что с ними удастся создать центр». Скирмунт ему ответил: «Но Вы им ничего не дали и не обещали».[20]

Имея хорошие отношения с премьер-министром, К. Скирмунт несколько раз, не задумываясь, использовал возможности протекции. Он вспоминал, что «в годы, когда Столыпин возглавлял правительство, я получил для моей сестры Марии разрешение открытия в Молодове школы домашнего хозяйства для девочек».[21]

Иногда К. Скирмунт просил П.А. Столыпина вмешаться в дела более важные, чем согласие на открытие школы. В цитируемых воспоминаниях он описал как благодаря Ольге Столыпиной спас жизнь Чеславу Свирскому, участнику нападения под Безданами, будущему адъютанту Ю. Пилсудского. «Меня телефоном вызвала сестра депутата г. Жуковска[22] в Думу, чтобы добиться немедленного вмешательства Столыпина в дело молодого Свирского, осужденного за вооруженное нападение с целью грабежа государственных денег, перевозимых в почтовым вагоне на станции Безданы. Я знал, что со Столыпиным нельзя связаться без предварительной записи на аудиенцию, но когда г. Жуковска требовала, утверждая, что всякое промедление невозможно, я ответил, что попробую связаться по телефону не с премьером, а его женой. Так и сделал. Когда с трудом добился телефонного разговора с женой Столыпина, обратился к ее материнским чувствам; ответила мне, что попал на годовщину их свадьбы и в этот день муж не откажет ей в просьбе. Несколько минут спустя жена Столыпина позвонила и сказала мне, что ее старания закончились успехом и приговор Свирскому будет смягчен».[23]

Хорошие личные отношения двух политиков сохранились до трагической гибели премьер-министра в 1911 г., хотя, начиная с 1909 г. К. Скирмунт, как и все депутаты Государственного совета из западных губерний, решительно противились антипольской политике П.А. Столыпина.

Контакты Эдварда Войнилловича, депутата Государственного совета из Минской губернии (1906—1909) с П.А. Столыпином относятся тоже к ковенскому периоду деятельности будущего премьер-министра. Свидетельствует об этом торжественное постановление

[20] Там же. S. 67.
[21] Там же. S. 36.
[22] Жена депутата Думы Владислава Жуковского.
[23] *Dembiński H.* Dziennik 1907—1915. S. 43.

общего собрания членов Минского общества сельского хозяйства, принятое 5 марта 1900 г. Тогда оно единогласно избрало «камергера Двора его величества действительным членом Минского общества сельского хозяйства».[24]

При описании этого события можно прочитать следующую информацию: «Единогласное избрание господина Ковенского губернского предводителя дворянства камергера Двора его величества П.А. Столыпина, который, не будучи членом общества, оказал ему немаловажную услугу в кредитном вопросе, было встречено рукоплесканиями. Господин председательствующий в виду этого предложил от имени собрания послать его превосходительству г. Столыпину приветственную телеграмму. Предложение это было принято собранием единогласно».[25] К сожалению, неизвестно в чем заключалась эта «помощь в кредитном вопросе», но можно только предположить, что Петр Столыпин как ковенский губернский предводитель дворянства поддержал Ровенское общество сельского хозяйства, которое совместно с Минским на рубеже 1899 и 1900 гг. предприняло меры для получения разрешения создания в Минске общества взаимного кредитования.[26] Когда Петр Столыпин приезжал в Минск, то останавливался во дворце тогдашнего минского губернатора князя Николая Трубецкого, единственная дочь которого Любовь Трубецкая была женой Алексея Нейдгардта, брата жены Столыпина, т.е. его шурина. Эдвард Войниллович, тогдашний бесспорный лидер минского дворянства, описал в этой связи следующее событие: «Однажды случилось, что губернаторский повар заболел, тогда князь предложил мне дать обед для Столыпина. Банкет состоялся в местном клубе, при щедро накрытом столе, с выступлениями, в которых Столыпин, показав силу своего голоса и аргументацию, назвал меня «минским Бисмарком».[27] Эти слова, использованные Столыпином для характеристики Э. Войнилловича, не были случайными. Даже в отдаленном Ковно было известно о роли этого землевладельца в развитии Минского общества сельского хозяйства, которое стало ведущей польской общественно-хозяйственной организацией в западных губерниях России.

[24] Журнал общего собрания Минского общества сельского хозяйства. Заседание 5 марта 1900 г. Минск, 1900. С. 2.

[25] Там же.

[26] Закончилось это неудачей, но взамен получено льготы в земских банках (преимущественно в Виленском земском банке), связанных с обслуживанием кредитов под залог земли (см.: *Jurkowski R.* Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864—1904. Działalność społeczno-gospodarcza. Warszawa, 2001. S. 248—252).

[27] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. 1847—1928. Wilno, 1931. S. 62.

Оба политика установили тогда дружественные отношения, которым суждено было продолжаться несколько лет. Его контакты со Столыпином укрепились «при определенной тени доброжелательности с его стороны» после 1906 г. Э. Войнилловича приглашали на банкеты в дом премьер-министра,[28] они вместе участвовали на церемонии тронной речи к депутатам Государственной думы и Государственного совета в Зимнем дворце, имели одинаковое негативное отношения к поведению крестьянских депутатов после речи государя.[29] Когда входили в ложу Государственного совета в Таврическом дворце на первое заседание Государственной думы, П.А. Столыпин обращался к Э. Войнилловичу: «Входя перекрестимся и подадим себе руки для совместной работы».[30] Без сомнения, Э. Войниллович был тем польским депутатом Государственного совета, которого П.А. Столыпин ценил больше всего. Исключительным было предложение со стороны премьера Э. Войнилловичу занять должность товарища министра земледелия в его так называемом коалиционном правительстве (кадетском), который имел целью быть (никогда не состоялся) примирительным жестом власти для общественности после роспуска I Думы.[31]

Эдвард Войниллович отказался, но как сам пишет, его отношение к премьер-министру «стало еще более независимым от разного рода сторонних комбинаций, при взаимном уважении [он] всегда давал мне свободный вход к нему и веру в искренность провозглашенного мной взгляда».[32] По мнению Э. Войнилловича, «создалась оригинальная ситуация, ибо не злоупотребляя знакомством, я посещал его несколько раз в году, говорил довольно остро правду в глаза, но всегда расходились хорошими друзьями и никогда Столыпин не мог жаловаться, чтобы что-то не сдержанно распространял из того, что услышал в его кабинете».[33] П.А. Столыпин был слишком искусным политиком чтобы не расшифровать не очень сложные черты характера и личности Э. Войнилловича: абсолютная честность, прав-

[28] Там же. S. 108.

[29] «[...] подошел ко мне Столыпин и спросил какие мои впечатления. Я ответил ему, что меня удивило, что из среды о которой светлейший государь наиболее сердечно отзывался ни единого голоса одобрения не последовало, а те о которых специально не вспомнил, они единственные его поддержали. Столыпин пожал плечами» (*Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. S. 118).

[30] Там же.

[31] О попытках создания этого правительства обширно см.: *Bazylow L.* Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina. Warszawa, 1972. S. 111—134.

[32] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. S. 135.

[33] Там же. S. 136.

дивость, простота и логичность очень консервативных общественных и политических взглядов вместе с великими знаниями проблем земледелия в России.

В свете петербургской бюрократии эти черты не следовало недооценивать — отсюда, думаю — такое хорошее отношение премьер-министра России к землевладельцу Минской губернии. Подтверждением этому стало поведение П.А. Столыпина в Государственном совете 8 июня 1909 г., когда Э. Войниллович от имени 9 депутатов-поляков западных губерний выступил против проекта о сокращении до одного года продолжительности следующей каденции депутатов Государственного совета 9 западных губерний, который поддерживало правительство.[34] В своих воспоминаниях Э. Войниллович записал: «Столыпин, сидя в министерской ложе, лихорадочно записывал. Я ждал острого возражения, но когда закончил, он не выступил, а во время перерыва пожал мне руку и сказал: «То, что вы сказали, хотя и было направлено против меня, было правдой и очень спокойно сказано, поэтому не мог протестовать».[35] Это было действительно необычным в поведении премьер-министра России, отличного оратора и острого полемиста, который никогда не молчал, когда в его присутствии критиковали руководимое им правительство. Но то, что премьер и многие другие уважали в Э. Войнилловиче как человеке, было его слабостью в мало этичном мире политики.

Оценивая других своей меркой, Э. Войниллович не замечал эволюции позиции премьера, ищущего все больше поддержки в правонационалистических кругах, что автоматически изменяло его отношение к польской проблематике. Об этом Александр Ледницкий (Aleksander Lednicki) писал Марианну Здеховскому (Marian Zdziechowski) 7 ноября 1906 г.: «Я полностью разделяю ваши опасения, что наше общество плохо разбирается [...] Войниллович, с которым об этом говорил [...], но, к сожалению, он ослеплен Столыпиным и считает, что тот искренне хочет для нас свободы».[36]

Вполне уважительные отношения сложились также между П.А. Столыпином и Ипполитом Корвин-Милевским, одним из величайших польских депутатов в Государственном совете от западных губерний.[37] Он приводит следующую беседу с премьер-министром

[34] Posiedzenie Rady Państwa z 8 (21) VI 1909 r., «Goniec Wileński», nr 128 z 10 (23) VI 1909 r.

[35] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. S. 136.

[36] Biblioteka Uniwersytetu Wilecskiego, Dziai Rękopisyw. Ф. 33—534. L. 1.

[37] *Юрковский Р.Я.* «Пузырек с ядом». Ипполит Корвин-Милевский в Государственном совете в 1906—1910 гг. // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб., 2014. Ч. II. С. 5—16.

во время так называемых финских дебатов в Государственном совете в 1910 г. Депутат Виленской губернии выступал против правительственного проекта, который, в свою очередь, защищал премьер. «Благодаря самому Столыпину, разногласие между ним и мной приняло форму личной стычки. [...] поэтому в своим заключительном allegro apasionnato я попытался ему отплатить. [...] во время чаепития зацепил меня словами: "Ипполит Оскарович, предложения как предложения, однако должен признать, что в сегодняшнем ораторском турнире это вам принадлежит корона". Петр Аркадьевич, вы сами не хуже меня всадник и фехтовальщик, но в турнире большую роль играет конь, а сегодня я ехал на лучшем скакуне».[38] Знакомство со Столыпиным не могло обойтись без просьб о протекции. Ипполит Корвин-Милевский упоминает о своем вмешательстве в 1907 г., когда просил П.А. Столыпина о неснятии с виленской епархии епископа Эдварда Роппа, а когда это оказалось невозможным, получил от Столыпина согласие, чтобы епископу разрешили оставаться в Курляндии у своих родственников Зибер-Плятеров. Вот как он описывает разговор с премьер-министром по этому вопросу: Столыпин «боялся, чтобы на границе епархии не было паломничества, манифестаций и разного рода протестов и закончил словами: "Я соглашусь с просьбой епископа, если вы Ипполит Оскарович дадите мне честное слово, что ручаетесь за него". На это я ответил: "Ни за такт, ни за спокойствие характера, ни за политический ум барона Роппа поручиться честным словом не могу и не думаю. Но могу поручиться за честность этого безупречного дворянина в исполнении данного мне обещания. Сразу же поеду к нему и если он предо мной под честное слово пообещает придерживаться ваших [...] условий, то за его собственное исполнение этого обещания могу смело поручиться". Так получилось, что епископ это обязательство принял и честно сдержал».[39]

И. Корвин-Милевский, борясь с премьер-министром в Государственном совете и газетных публикациях, ценил вклад этого выдающегося государственного деятеля в историю России. Уважал Петра Столыпина как «самого блестящего государственного деятеля, какого имела Россия со времен Екатерины II и истинного джентльмена, и, наконец, истинного российского патриота».[40]

Польские депутаты Государственного совета из западных губерний знали преимущественно Петра Столыпина со времен, когда тот

[38] *Korwin-Milewski H.* Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855—1925). Wstęp Andrzej Szwarc, Paweł Wieczorkiewicz. Warszawa, 1993. S. 227.

[39] Там же. S. 191.

[40] Там же. S. 241.

был предводителем дворянства в Ковно. За исключением А. Мейштовича, после 1906 г. поддерживали ранее достигнутое знакомство с министром и премьер-министром. Личные и частные контакты поддерживали даже тогда, когда деятельность правительства под руководством П.А. Столыпина носила явно антипольский характер. Дело в том, что тогда политики, яро сражаясь между собой в парламенте и на страницах прессы, могли отделять политическую деятельность от личных и частных отношений. Могли спорить и полемизировать без взаимной ненависти. Может быть, сегодняшним политикам надо этому поучиться у них...

П.В. АКУЛЬШИН

Представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи и политические процессы в российской провинции

На границе двух основных социально-экономических зон центральной России располагалась Рязанская губерния. Северные уезды этой административно-территориальной единицы являлись южной окраиной Центрально-промышленного района, южные уезды — северной частью Центрально-Черноземного района. Происходящие на территории этого региона политические процессы отражали общие тенденции, характерные для большинства великорусских губерний в период модернизации. Одним из этих процессов начала XX в. стали выборы в Государственную думу Российской империи, в ходе которых на протяжении десятилетия сформировалась местная парламентская элита, выражающая интересы региона на общегосударственном уровне.[1]

Рязанская губерния была представлена в Государственной думе 8 депутатами, персональный состав которых определялся в ходе губернского собрания «выборщиков». На выборах в I и II Думу таких выборщиков в Рязанской губернии было 123 человека от четырех курий (40 — от землевладельцев, 27 — от горожан, 54 — от крестьян, 2 — от рабочих). В III и IV Думу — 104 от пяти курий (землевладельцев — 52, 1-й городской курии — 14, 2-й городской — 13, крестьян — 24, рабочих — 1).[2] Всего в качестве представителей Рязанской губернии в составе Государственной думы всех четырех созывов побывал 31 общественно-политический деятель.

Выборы в I Думу происходили в феврале-марте 1906 г. и отличались высокой активностью избирателей, которые надеялись с помощью своих представителей изменить к лучшему положение дел в регионе и всей стране. Главная борьба за депутатские места развернулась между местными организациями «Союза 17 октября» и КДП. Рязанский регион оказался в числе немногих российских губерний, где победу одержали октябристы, а не кадеты. Сторонники октябристов располагали устойчивыми позициями в уездных и губернских

[1] См.: *Акульшин П.В., Князева И.С.* Выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе Российской империи. Рязань, 2011. О плодотворности регионального подхода к проблемам см.: *Цыпчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерение. Казань, 2004.

[2] ГАРО. Ф. 693. Оп. 42. Д. 2. Л. 66.

земствах, что давало им преимущество над кадетами на съездах землевладельцев. В итоге в Государственную думу прошло три октябриста (члены ЦК «Союза 17 октября» кн. Н.С. Волконский и А.В. Еропкин,[3] а также городской голова Зарайска Н.И. Ярцев[4]). Депутатом стал и председатель Егорьевской уездной земской управы В.К. Федоровский, который объявил себя членом партии демократических реформ.[5] Победе октябристов способствовало и то обстоятельство, что Н.С. Волконский и А.В. Еропкин являлись авторитетными деятелями общерусского масштаба. Голоса крестьянских выборщиков достались выходцам из этого сословия (торговец Е.М. Ворсобин, рабочий Хлудовской фабрики в Егорьевске Д.Г. Гостев, писарь волостного правления Б.И. Черников, работающий извозчиком в столице крестьянин И.В. Арсенов), трое из которых, за исключением беспартийного И.В. Арсенова, примкнули к фракции «трудовиков».[6]

На ход избирательной кампании во II Думу повлиял рост оппозиционных настроений среди основной массы жителей Рязанской губернии. Несмотря на все усилия местных властей в лице губернатора и полиции по недопущению оппозиционных элементов в число выборщиков, представительство региона во II Думе было более «левым» и более демократичным в социальном плане, чем в первом созыве. Кадеты, заручившись поддержкой крестьянских выборщиков и сторонников «левых партий», получили пять депутатских мандатов. За исключением землевладельца, члена губернской земской управы Н.Н. Богданова[7] и предпринимателя из Касимова купца А.С. Салазкина[8], остальные кадеты-депутаты по сословной принадлежности числились крестьянами (В.Г. Губанов, Н.П. Рябов,

[3] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 99—100, 186—187; *Соловьев К.А.* Еропкин Аполлон Васильевич // Российский либерализм середины XVIII—XX в. Энциклопедия. М., 2010. С. 295—296; *Хвостов А.И.* Еропкин Аполлон Васильевич // Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999. Т. 1. С. 331.

[4] *Николаев А.Б.* Ярцев Николай Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 726—727.

[5] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 645.

[6] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 26, 106, 139, 674.

[7] *Канищева Н.И.* Богданов Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 60.

[8] *Николаев А.Б.* Салазкин Аркадий Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 546—547.

А.З. Смагин), являясь зажиточными уездными торговцами.[9] Еще один крестьянский представитель Раненнбургского уезда Е.И. Сорокин вошел в состав фракции трудовиков.[10] Прошли в Государственную думу и представители социалистических партий: эсер В.П. Успенский и социал-демократ (большевик) рабочий из Зарайска А.Г. Федоров.[11]

После введения в июне 1907 г. нового избирательного закона представительство Рязанской губернии в III и IV Думе стало более консервативным. Выборы в III Думу летом 1907 г. стали триумфом рязанских октябристов, шесть из которых стали депутатами (кн. Н.С. Волконский, А.В. Еропкин, Д.А. Леонов, член Зарайской городской управы М.К. Сафонов, председатель Зарайской уездной земской управы А.А. Селиванов,[12] А.Д. Шумахер, который стал депутатом в 1910 г. на довыборах, состоявшихся после смерти кн. Н.С. Волконского[13]). Два депутата примыкали к прогрессистам (егорьевский фабрикант М.Н. Бардыгин, волостной староста из Рязанского уезда И.И. Лукашин).[14] Одного депутата (священника из г. Пронска К.Н. Добромыслова) смог провести «Союз русского народа».[15]

Выборы в IV Думу в Рязанской губернии проходили в обстановке острой политической борьбы, участники которой обладали опытом трех предшествующих избирательных компаний. В качестве противоборствующих сторон выступали «правые», которых олицетворяли губернские власти, и местные либералы из числа деятелей земского и городского самоуправления. «Правых» возглавлял занимавший с 1911 г. должность епископа Рязанского и Зарайского Димитрий (Николай Сперовский), который накануне выборов в IV Государствен-

[9] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 152, 541, 564.

[10] *Протасов Л.Г.* Сорокин Ефим Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 571—572; *Хвостов А.И.* Сорокин Ефим Иванович // Рязанская энциклопедия. Рязань, 2000. Т. 2. С. 414.

[11] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 640, 644.

[12] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 100, 187, 326, 549, 553.

[13] *Бородин А.П.* Шумахер Алексей Данилович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 710—711. А.П. Бородин ошибочно указал, что А.Д. Шумахер прошел в III Думу на дополнительных выборах в 1909 г. (Там же. С. 711).

[14] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 38, 334.

[15] Там же. С. 168.

ную думу выступил инициатором воссоздания Рязанского губернского отдела «Союза русского народа».[16] Его деятельность была активно поддержана губернатором кн. А.Н. Оболенским.[17] Губернатор и епископ сделали ставку на административное давление на оппонентов и консолидацию голосов православного духовенства для поддержки «правых» кандидатов. Пока губернские власти сосредоточили все свои ресурсы на борьбу с «левыми октябристами», рязанские кадеты смогли заручиться поддержкой большинства крестьянских выборщиков. Их блок располагал 45 голосами из 100 прибывших в Рязань выборщиков. Его соперники — «правые» и примыкавшая к ним часть октябристов — могли рассчитывать на поддержку 49 голосов.[18]

В итоге среди восьми депутатов, которые представляли Рязанскую губернию в IV Думу, в отличие от предыдущей думской кампании, не было ни одного кандидата от «Союза русского народа». В представительный орган были избраны 2 «умеренно правых» (данковский уездный предводитель дворянства П.П. Кузьмин[19] и священник С.И. Остроумов[20]), примкнувшие в Думе к фракции националистов. Блок кадетов, «левых» октябристов, поддержанный крестьянскими выборщиками, провел двух видных деятелей местных кадетов. Это были касимовский городской голова, председатель Нижегородского ярмарочного и биржевого комитета А.С. Салазкин (собрал 54 голоса) и присяжный поверенный из Рязани Н.В. Растов,[21] (собрал 55 голосов).[22]

Остальные четыре депутата формально считались членами «Союза 17 октября» (председатель Касимовского уезда земской управы

[16] *Степанов А.* Димитрий (в миру — Сперовский Николай Андреевич) // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900—1917. М., 2008. С. 168—170.

[17] См. о кн. А.Н. Оболенском (1872—1924): История рязанской власти. Рязань, 2007. С. 202—205.

[18] Рязанский вестник. 1912. 19 и 20 октября; *Акульшин П.В., Князева И.С.* Указ. соч. С. 194.

[19] *Николаев А.Б.* Кузьмин Петр Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 308.

[20] *Николаев А.Б.* Остроумов Стефан Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 435—436.

[21] *Николаев А.Б.* Растов Николай Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 518—519; *Хвостов А.И.* Растов Николай Васильевич // Рязанская энциклопедия. Рязань, 2002. Т. 3. С. 386.

[22] *Акульшин П.В., Князева И.С.* Указ. соч. С. 196.

Н.А. Мансуров,[23] городской голова Зарайска, бывший депутат I Государственный думы Н.И. Ярцев, городской голова губернского центра Н.И. Родзевич[24] и волостной старшина Г.М. Миляков[25]). Н.И. Ярцев занимал правые позиции и числился наряду с кандидатурами националистов и «крайне правых» среди желательных для рязанского губернатора кандидатов в Думу.[26] Н.И. Родзевич, пройдя в IV Думу как октябрист,[27] заявил, что с «октябризмом» давно порвал, и примкнул к фракции прогрессистов.[28]

В 1913—1914 гг. в Рязанской губернии дважды происходили довыборы в Государственную думу. В 1913 г. они были связаны со скоропостижной смертью 22 января на заседании фракции одного из рязанских кадетов Н.В. Растрова. Его преемник А.В. Иванов примкнул к фракции октябристов.[29] Один из октябристов, представляющих в думе Рязанскую губернию, Н.А. Мансуров сложил в феврале 1914 г. с себя думские полномочия в связи с избранием предводителем дворянства Касимовского уезда,[30] его сменил в июле 1914 г. землевладелец Данковского уезда П.С. Новиков, примкнувший к фракции националистов.[31]

В годы Первой мировой войны шесть из восьми рязанских депутатов примкнули к образовавшемуся в августе 1915 г. Прогрессивному блоку (националист С.И. Остроумов, октябристы Г.М. Миляков, А.В. Иванов, Н.И. Ярцев, кадет А.С. Салазкин, прогрессист Н.И. Родзевич).

---

[23] *Николаев А.Б.* Мансуров Николай Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 354.

[24] *Николаев А.Б.* Родзевич Николай Игнатьевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 524.

[25] *Николаев А.Б.* Миляков Григорий Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 376.

[26] *Акульшин П.В., Князева И.С.* Указ. соч. С. 198.

[27] *Судакова Н.В.* Родзевичи: жизнь и судьба // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань, 2002. Т. 3. С. 92—109; *Хвостов А.И., Трибунский П.А.* Родзевич Николай Игнатьевич // Рязанская энциклопедия. Рязань, 2000. Т. 2. С. 261.

[28] Рязанский вестник. 1912. 8 декабря; *Акульшин П.В., Князева И.С.* Указ. соч. С. 199.

[29] *Николаев А.Б.* Иванов (Иванов 2-й) Анатолий Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 216—217.

[30] *Димперан Л.В.* Мансуров Николай Александрович // Рязанская энциклопедия. Рязань. 2002. Т. 1. С. 594.

[31] *Николаев А.Б.* Новиков Петр Сосипатрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 417.

За время существования Государственной думы всех четырех созывов депутаты от Рязанской губернии накопили значительный опыт и двое из них входили в состав парламентской элиты России 1912—1917 гг.: Н.И. Ярцев (I и IV ГД) и А.С. Салазкин (II и IV ГД).[32] Но, если учитывать легислатуры I и II Думы, то в состав парламентской элиты необходимо включить депутатов I и III Государственной думы от фракции октябристов кн. Н.С. Волконского и А.В. Еропкина. Все они (Волконский, Еропкин, Салазкин, Ярцев), а также депутат IV Государственной думы от фракции прогрессистов Н.И. Родзевич стали заметными политическими фигурами общероссийского масштаба. Рязанские депутаты IV Думы приняли активное участие в Февральской революции: прогрессист Н.И. Родзевич с 27 февраля по 2 марта 1917 г. работал в Комиссии по принятии задержанных военных и высших чинов,[33] а 2 марта командирован ВКГД комиссаром в Ревель;[34] кадет А.С. Салазкин 1 марта 1917 г. стал комиссаром ВКГД над ПТА.[35]

Тем самым за десятилетие существования Государственной думы, Российской думы в Рязанской губернии, как и в других регионах страны, оформился новый слой политической элиты, связанный с парламентской деятельностью. В его состав, помимо тех, кто был выбран или пытался баллотироваться, входили выборщики, избиратели и активисты партий и организаций, участвующих на разных этапах избирательного процесса. Они быстро усвоили опыт использования различных избирательных технологий, в том числе и противостояния административному давлению губернских властей. Все усилия, которые предпринимали последние, не оказали принципиального воздействия на представительство Рязанской губернии в Государственной думе. Определяющим фактором в ходе выборов являлись общественно-политические взгляды и настроения политически активных групп населения региона.

Существовавшая в Российской империи система выборов предопределила преобладание среди рязанских депутатов представителей консервативных и либеральных партий. Представительство в Го-

[32] *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* Парламентская элита России в 1912—1917 гг. // Из глубины времен. 1994. № 3. С. 64—65.

[33] *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 475.

[34] *Николаев А.Б., Поливанов О.Л.* К вопросу об организации власти в феврале — марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 139.

[35] *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 319, 347, 348, 350.

сударственной думе всех четырех созывов отражало политические настроения немногочисленной социальной верхушки региона: крупных частных землевладельцев и торгово-промышленной буржуазии. Все стороны деятельности консервативных и либеральных партий и организаций, в том числе парламентская, способствовали росту социального протеста, который накапливался в основной массе населения Рязанской губернии и всей страны. Но события 1905—1907 гг. и 1917 г. показали, что основной выход эти протестные настроения находили вне электоральных процедур регионального и общеимперского масштабов.

Поэтому в ходе бурных событий, последовавших за Февральской революцией 1917 г., рязанские парламентарии всех четырех созывов, активно участвуя в политической жизни страны, оказались в положении «генералов без армии». За ними не оказалось реальной поддержки в регионе, который они представляли в общероссийском представительном органе. Когда Февральская революция на восемь месяцев привела их к власти, у них не оказалось сил для ее удержания не только на общероссийском, но даже и на региональном уровне.

Первым свидетельством этого в Рязанской губернии стал губернский съезд общественных организаций в апреле 1917 г. Он отказался утвердить в качестве губернского комиссара «левого» октябриста Л.В. Кученева, назначенного Временным правительством и поддержанного местными отделениями партий, представленных в Государственной думе четвертого созыва. Депутат Н.И. Родзевич, командированный в Рязанскую губернию Отделом ВКГД сношения с провинцией,[36] безуспешно пытался убедить присутствующих признать решения правительства. В итоге конфликт Временного правительства с представителями общественных организаций региона разрешился в середине мая назначением на эту должность правительством избранного на съезде эсера Ф.К. Павлова.[37]

На проходивших в июне 1917 г. выборах в думы 12 городов Рязанской губернии противостояли два блока: «социалистический», куда входили эсеры и социал-демократы, и кадетов, которых поддерживали все «цензовые» элементы. Кадетам удалось получить незначи-

[36] *Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: персональный состав // Из глубины времен. 1997. № 8. С. 39.

[37] История Рязанского края. 1778—2007. Рязань, 2007. С. 139. История рязанской власти. С. 214—223. Кученев Леонид Иванович (1869 — после 1918), земский деятель Рязанской губернии, в 1905—1917 гг. член «Союза 17 октября», с 1917 г. — кадет. Павлов Федор Константинович (1881—1937), педагог, с марта 1917 г. — член партии эсеров.

тельный перевес в губернском центре, где они имели 29 гласных против 24 гласных-социалистов. В Зарайске, Касимове и Михайлове «социалисты» получили большинство. По всей губернии из около 300 избранных гласных треть пришлась на членов социалистических партий.[38] Следующие выборы в Рязанской губернии проходили с 20 августа по 8 сентября и совпали по времени с общероссийским кризисом, порожденным «корниловским мятежом». По их итогам формировались земские органы в 250 волостях Рязанской губернии. Их, как и проходящие с 5 по 18 октября выборы в уездные земства, «цензовые» элементы проиграли. В волостных и уездных земствах 2/3 гласных прошли по списку блока эсеров и Советов крестьянских депутатов.[39]

Последней точкой на этом этапе процесса смены региональных элит стали выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. По итогам первых в истории Рязанской губернии всеобщих выборов в общероссийский представительный орган из 650 тыс. голосов избирателей 56 % пришлось на список партии эсеров, 37 % — на список № 5 РСДРП (б). За список партии кадетов проголосовало 4,2 % голосов избирателей. Самый консервативный из участвующих в выборах «блок земельных собственников и старообрядцев», одним из кандидатов которого был генерал А.А. Брусилов, получил 1,3 % голосов. К ним добавились 0,5 % избирателей, поддержавших список народно-социалистической партии и 0,2 % по списку «беспартийных избирателей Спасского уезда», которых дополнили 0,7 % избирателей, выразивших поддержку РСДРП (о).[40] Среди восьми депутатов Учредительного собрания от Рязанской губернии был бывший депутат II Государственной думы эсер Е.И. Сорокин, но не было выдвинутого в кандидаты на 9-м съезде КДП А.С. Салазкина.

Дальнейшая политическая борьба в Рязанской губернии шла уже между правыми эсерами и блоком большевиков и левых эсеров, которая завершилась к концу первого года существования Советской власти созданием в регионе однопартийной политической системы, в рамках которой стала быстро формироваться новая региональная элита.

---

[38] *Фулин Ю.В.* Отречемся от старого мира. Рязань, 1987. С. 211; История Рязанского края. 1778—2007. С. 142.

[39] Рязанская жизнь. 1917. 21 июля.

[40] История Рязанского края. 1778—2007. С. 151—152; *Фулин Ю.В.* Борьба за установление Советской власти в Рязанской губернии и выборы в Учредительное собрание // Рязанский край. История. Природа. Хозяйство. Рязань, 1991. С. 101. Членом Рязанской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание состоял Н.И. Родзевич.

Некоторые из бывших думских деятелей Рязанской губернии и их сторонников приняли активное участие в событиях Гражданской войны. В этом отношении выделялись депутат Государственной думы второго созыва Н.Н. Богданов, участник Первого Кубанского похода Добровольческой армии и министр внутренних дел Крымского краевого правительства, и А.С. Салазкин, активный деятель «Всероссийского национального центра». Но, несмотря на всю свою энергию и политический опыт, с осени 1917 г. рязанские депутаты Государственной думы на родной земле превратились из региональной элиты в политических маргиналов. Большинство из них окончили свои дни в эмиграции. Некоторые остались на территории Советской России. Среди них — депутат II Государственной думы трудовик Е.И. Сорокин и депутат IV Думы прогрессист Н.И. Родзевич. Родзевич служил до своей смерти в 1921 г. в народных судах и в коннозаводском ведомстве. В селе Тума Рязанской области проживал депутат IV Государственной думы священник С.И. Остроумов, который привлек внимание ОГПУ в 1930 г. как потенциальный лидер антиколхозных выступлений крестьян. В 1953 г. скончался в Одинцовском районе Московской области бывший депутат IV Думы от Рязанской губернии октябрист А.В. Иванов.[41]

[41] *Акульшин П.В., Князева И.С.* Указ. соч. С. 244—245.

А.Н. ЕГОРОВ

Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний

В начале XX в. в губерниях Европейского севера России,[1] как и по всей стране, возникали организации различных партий. Расстановка партийных сил на Севере в целом соответствовала общероссийским тенденциям, но были и свои особенности. Они были связаны с географическим положением региона, удаленностью от центров общественного движения, небольшими размерами большинства северных городов, слабым развитием городского промышленного производства. Поэтому политические партии на Севере России не отличались большой численностью и активностью.

До Манифеста 17 октября 1905 г. легальная партийная деятельность была невозможна, и поэтому тогда на Севере существовали только нелегальные организации двух основных социалистических партий — ПСР и РСДРП. Главную роль в появлении первых партийно-политических структур сыграли политические ссыльные, большую часть которых представляли социал-демократы и эсеры. После Манифеста в северных городах стали возникать местные организации либеральных и консервативных партий.

Общественно-политические предпочтения населения северных губерний демонстрируют итоги выборов в Государственную думу Российской империи. В марте 1906 г. состоялись выборы в I Думу, вызвавшие у жителей северных губерний, несмотря на ограниченность избирательного законодательства и призывы левых партий к бойкоту, большой интерес. На предвыборных собраниях, проходивших в городах и крупных селах, открыто ставились и обсуждались многие злободневные вопросы развития страны и края, что способствовало вовлечению в орбиту политической жизни значительных слоев населения. Власти в ход первых выборов практически не вмешивались, а потому их результаты можно рассматривать как показатель степени влияния той или иной партии. При этом необходимо учитывать следующие обстоятельства. Кроме «Союза 17 октября» и СРН все остальные партии были нелегализованы, а партии левее кадетов запрещены. В Архангельской губернии не была зарегистрирована и монархическая группа «Громада верных сынов России», вошедшая позднее в состав СРН. Это означает, что кадеты и социалисты избирались в Думу не столько как представители своих партий,

[1] Под Европейским севером России в данной статье понимаются Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Новгородская губернии.

сколько как частные лица. В этом смысле личные качества кандидата в депутаты, его известность и авторитет играли гораздо большую роль, чем партийная принадлежность. Из 16 депутатов северных губерний лишь 7 на момент избрания входили в партии (5 кадетов, 2 октябриста), 5 определились со своими партийными пристрастиями в самой думе (1 трудовик, 3 члена партии демократических реформ, 1 вошел в прогрессивную группу), 4 крестьянских депутата так и не примкнули ни к одной из политических партий.

Довольно острый характер избирательная кампания приобрела в Петрозаводске, где противостояли партийные группировки кадетов и октябристов. Победу одержали кадеты, привлекшие к себе симпатии не только средних слоев, но и рабочих Александровского завода. В числе пяти выборщиков от Петрозаводска оказались члены кадетской группы: инженер А.В. Африкантов, служащий губернского присутствия А.Ф. Кожевников, учитель гимназии М.М. Кузнецов и сочувствующие кадетам рабочие В. Лузгин и А. Федоров. 26—28 марта 1906 г. состоялось Олонецкое губернское избирательное собрание. В его работе приняли участие 47 выборщиков, в том числе 9 — от землевладельческой, 14 — от городской и 24 — от крестьянской курий. Депутатами Государственной думы по итогам голосования стали: горный инженер, начальник механического цеха Александровского завода, один из лидеров кадетской группы А.В. Африкантов (городская курия); управляющий пароходством И. Конецкого на Свири, по происхождению заонежский крестьянин Д.В. Белоусов (крестьянская курия) и отставной прапорщик дворянин Лодейнопольского уезда В.К. Якимовский (землевладельческая курия).[2] Шедшие на выборы в качестве беспартийных кандидатов Д.В. Белоусов и В.К. Якимовский в Думе примкнули к фракции октябристов.

В Архангельской губернии из 32 выборщиков в I Думу к кадетской партии принадлежало всего 5 человек (все из Архангельска). Тем не менее благодаря успешной агитации конституционно-демократической партии, оба выбранных депутата от губернии оказались кадетами — частный поверенный И.В. Галецкий (председатель Архангельского губкома КДП) и городской староста Шенкурска А.Е. Исупов.[3] Однако, оказавшись в Думе, Галецкий посчитал, что кадеты стоят на слишком правых позициях, вышел из КДП и примкнул к трудовикам.[4] Поступок Галецкого вызвал громкий политический скандал (об этом писала столичная пресса) и замешатель-

[2] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 28, 45, 722.

[3] Там же. С. 119, 223.

[4] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 170. Л. 23.

ство среди архангельских кадетов. Член ЦК КДП А.М. Колюбакин выехал в Архангельск, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. Долгие споры о поступке Галецкого закончились тем, что почти половина архангельских кадетов (80 из 180) вышла из партии и конституировалась в группу трудовиков.[5] Данный случай показывает, как много среди провинциальных кадетов было лиц левых убеждений. Подобное положение дел приводило к тому, что кадетская партия, отнюдь не являясь революционной, оказывалась сориентированной влево, или, как оценивал П.Н. Милюков позицию партии: «С некоторым уклоном влево».[6]

От Вологодской губернии ни одного кадета не избрали, но в Думу прошли крестьяне А.Л. Шемякин и С.И. Федотовский, примкнувшие к ПДР, близкой к кадетам. Поскольку на провинциальном уровне различий между КДП и ПДР практически не существовало, их избрание можно косвенно отнести к кадетскому успеху. Кроме того, от Вологодской губернии избрали Вологодского губернского предводителя дворянства, председателя Вологодского отдела октябристов Н.Н. Андреева; земского служащего П.Д. Щипина (примкнул к трудовикам) и беспартийного крестьянина Д.К. Мартьянова.[7]

26 марта 1906 г. в Новгороде прошло губернское собрание по выборам депутатов в I Думу. Пятерых депутатов избирало общее собрание от всех четырех курий и одного избирали крестьяне. Собрание выбрало в Думу двух кадетов (присяжного поверенного И.А. Корсакова (член «Беседы», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов») и волостного судью, земского гласного Д.В. Васильева); двух либерально настроенных деятелей (череповецкого землевладельца Н.Ф. Румянцева, вошедшего в прогрессивную группу, и крестьянина В.Т. Трифонова, примкнувшего в Думе к ПДР); двух беспартийных крестьян С.С. Караванова и А.Е. Рябчикова.[8]

Общий вывод очевиден — уверенную победу одержали левые либералы — кадеты. Правые либералы октябристского толка им существенно уступали, но имели определенный авторитет и своего избирателя. Показатели социалистов не могут считаться объективными из-за запрещенного положения левых партий и объявленного ими бойкота выборов. А вот провал правых бросается в глаза — ни одного депутата, ни от одной губернии.

[5] Вестник партии народной свободы. 1906. № 13. С. 1003.

[6] *Милюков П.Н.* При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1. С. 150.

[7] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 20, 360, 645, 695, 714.

[8] Вестник Новгородского земства. 1906. № 6. С. 4.

К роспуску I Государственной думы все кадетские организации отнеслись крайне отрицательно. На своих собраниях кадеты вынесли резолюции с осуждением самодержавия и призывом к народу оказать поддержку Думе. Однако отношение к Выборгскому воззванию, содержащему призыв к пассивному сопротивлению властям, у местных кадетских групп было различным. Вологодские и архангельские кадеты его полностью поддержали, никольские кадеты высказались более нейтрально, считая его необходимым актом, «который должны были совершить члены Государственной думы в ответ на роспуск Думы». На белозерских кадетов воззвание «особенного впечатления не произвело: все ждали большего». Тихвинская группа КДП признала Выборгское воззвание «с партийной точки зрения тактической ошибкой, и именно в части, призывающей к нелегальным активным действиям». Крестецкая группа КДП осудила воззвание, усмотрев в нем «положения, не соответствующие принципам мирного перехода к конституционному строю».[9] Воззвание, по их мнению, толкает население на революционный путь, что чревато кровавыми столкновениями. Все кадетские организации единодушно высказались против нелегальных методов борьбы.

Осенью 1906 г. состоялись очередные выборы земских гласных. В результате открытого давления властей и активизации правых сил многих либеральных деятелей забаллотировали, а часть выбранных отстранили в административном порядке. Многие либеральные земские служащие покинули свои посты, протестуя против произвола администрации. В результате кадеты лишились опоры в земствах и городских думах. Побывавший осенью 1906 г. на Севере России член ЦК КДП А.М. Колюбакин писал: «Настроение всюду наблюдается или подавленное, или индифферентное и апатичное, вследствие безнадежности на успех второй Думы. Все считают, что правительство ничего не даст и ничего не уступит, какие бы законы Дума ни выработала».[10]

В январе-феврале 1907 г. состоялись выборы во II Государственную думу, в которых участвовали партии социал-демократов и эсеров, отказавшиеся от тактики бойкота. Власти, видя в кадетах едва ли не своего основного врага, делали все возможное, чтобы не допустить их участия в выборах. По законам того времени человек не мог принимать участие в выборах, если против него возбуждалось уголовное дело. Этим и пользовались власти, возбуждая «липовые» уголовные дела для преследования политических противников. Так, сохранилось письмо Новгородского губернатора прокурору Череповецкого окружного суда, в котором прямо говорится: «Дворянин

[9] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004. Л. 2; Д. 1055. Л. 1; Д. 1057. Л. 1.
[10] Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1906. 1 отд. Д. 725. Ч. 14. Л. 1.

А.М. Тютрюмов (руководитель местного отдела кадетской партии — *А.Е.*) состоит в должности депутата дворянства. Можно удалить... в случае возбуждения предварительного следствия, прошу Вас возбудить следствие».[11]

На выборах во II Думу архангельские кадеты предлагали социалистам сформировать общий список, но те по инициативе членов РСДРП отказались. В Архангельске был сформирован предвыборный блок эсеров, социал-демократов и трудовиков (официальное название «Беспартийная группа левых избирателей»). Выборы в целом прошли спокойно, большинство предвыборных собраний контролировались полицией. По данным губернатора Н.Н. Качалова, подавляющее большинство из 32-х членов губернского избирательного собрания были беспартийными, неопределенного «умеренного» направления.[12] Но губернатор ошибся с политическими пристрастиями выборщиков. Большинство из них придерживались левых взглядов. Депутатами Думы были избраны И.А. Лебедев, примкнувший к фракции ПСР, и Г.С. Михайлов, вошедший в группу трудовиков.[13] В итоге Архангельская губерния оказалась единственной из всех северных регионов, от которой были избраны только левые депутаты.

В Петрозаводске примечательным событием избирательной кампании стало избрание выборщиком в губернское избирательное собрание, в основном голосами рабочих, одного из лидеров группы РСДРП Н.Т. Григорьева. Двух представителей провела в выборщики от Петрозаводска кадетская группа. Олонецкое губернское избирательное собрание прошло 6—8 февраля 1907 г. при участии 46 выборщиков. Депутатами думы стали беспартийные кандидаты — купец и лесопромышленник, выходец из крестьян Петрозаводского уезда М.М. Кирьянов, крестьянин Пудожского уезда Ф.Д. Ланев и крестьянин Каргопольского уезда Н.А. Поташев. В Государственной думе все они примкнули к фракции кадетов.[14] От Новгородской губернии в Государственную думу были выбраны учитель, социал-демократ П.Г. Измайлов, два октябриста — присяжный поверенный Г.С. Константинов[15] и землевладелец Н.К. Тимирев[16] и трое

[11] ГА Вологодской области. Ф. 923. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.

[12] ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 223. Л. 24.

[13] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв 1907 год. СПб., 1907. С. 3.

[14] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 318, 486.

[15] Там же. С. 218, 251, 282.

[16] *Николаев А.Б.* Тимирев Константин Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 611.

беспартийных (два крестьянина и лесопромышленник), примкнувших в Думе к «Союзу 17 октября».[17] От Вологодской губернии избрали кадета Н.М. Волоцкого[18] и четырех крестьян, примкнувших в Думе к трудовикам.

Таким образом, от северных губерний избрали 7 социалистов, 4 кадетов и 5 октябристов, причем все октябристы только от одной Новгородской губернии. По сравнению с первой Думой произошло резкое усиление социалистов (7 депутатов вместо 1), ослабление кадетов (4 депутата вместо 8) и укрепление позиций октябристов (5 депутатов вместо 3). Эти данные в принципе соответствуют общероссийским тенденциям. Отметим и то, что во второй Думе все избранные от северных губерний депутаты определились со своими политическими пристрастиями, в отличие от первой Думы, где таких депутатов было 4.

Как в первую, так и во вторую Думу от северных губерний не было избрано ни одного депутата правее октябристов. Однако это не говорит о полном отсутствии консервативных сил. Организации правых партий на Севере существовали, хотя их роль была существенно ниже, чем роль либералов и социалистов. В феврале 1906 г. в Вологде организационно оформился отдел СРН (имелись подотделы в некоторых волостях). Его создали вологодский землевладелец и литератор А.А. Брянчанинов и жена земского начальника А.И. Караулова. Члены группы, просуществовавшей вплоть до Февральской революции, печатали и распространяли листовки, газеты, проводили шествия и собрания религиозного и монархического характера. Взгляды вологодских черносотенцев отражали газеты «Русский Север» (1907—1909) и «Северное время» (1912). Первым председателем Вологодского отдела СРН стал Брянчанинов, но вскоре его сменила на этом посту Караулова. В апреле 1907 г. она направила телеграмму П.А. Столыпину (копию — В.М. Пуришкевичу), в которой писала, что если правительство не в силах защитить «верноподданных граждан», то «нам надо готовиться к самообороне, которую начнем при первом же случае насилия».[19]

Большую поддержку вологодским черносотенцам оказал активный участник монархического движения, будущий министр внутренних дел А.Н. Хвостов, бывший с июля 1906 г. по август 1910 г. вологодским губернатором. Формально губернаторы и командующие округами не могли входить в политические партии. Однако ни

[17] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 791. Л. 2.

[18] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 101—102.

[19] ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Л. 36.

для кого не было секретом, что ряд высших должностных лиц энергично поддерживают черную сотню. Поэтому ничто не мешало Хвостову являться почетным членом Союза русского народа, членом его Главного совета, членом Совета «Русского собрания». Будучи губернатором, он активно боролся административными средствами с представителями либеральных партий и поощрял вологодских чиновников к вступлению в СРН. Председатель Вологодского отдела СРН писал в августе 1906 г., что Хвостов, «хотя и беспартийный (формальности надо соблюдать — А.Е.), приносит нашему союзу пользы гораздо больше, чем самый лучший член союза».[20] Административный ресурс срабатывал — чиновники предпочитали не спорить с губернатором и записывались в черносотенцы. В итоге к концу 1906 г. в Вологодской губернии было создано 12 отделений СРН, насчитывавших 5294 члена, а к началу 1908 г. — 7094 (данные Департамента полиции).[21] Это гораздо больше, чем количество членов всех остальных партий северных губерний вместе взятых. Правда активность записанных в черносотенцы людей была невысокой — либералы, обладая гораздо меньшей численностью, были заметнее в общественной жизни.

Наиболее заметными акциями правых в северных губерниях было избрание своих депутатов в Государственные думы. В III и IV Думу от Вологодской губернии проходили, в основном, правые депутаты. В IV Думу было избрано по одному правому депутату от Олонецкой и Новгородской губерний. Итоги выборов показывают, что в целом влияние консервативных партий, несмотря на поддержку властей, оставалось незначительным. От Архангельской губернии ни одного правого вообще не было избрано, в III Думу правые проходили только от Вологодской губернии. Кроме того, из всех избранных правых депутатов в Союзе русского народа состоял лишь один — священник Н.Е. Якубов (Вологодская губ.), почетный товарищ председателя Вологодского отдела СРН.[22]

Политическую обстановку в северных губерниях характеризуют выборы в III и IV Государственные думы. В сентябре 1907 г. кадетская газета «Архангельск» писала: «Во время кампании в I и II Думы была еще борьба партий: правые — партия Правового порядка, Партия мирного обновления; кадеты; левые. Сегодня правые не нуждаются в партийных нарядах, благодаря новому избирательному закону. Ни

[20] ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.

[21] Правые партии. 1905 — 1917. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 625.

[22] *Ромов Р.Б.* Якубов Николай Евграфович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 722.

один из них не выступил со своими взглядами...».[23] В 1906 г. состоятельные и известные граждане Архангельска пытались создать в противовес левому флангу организации Партии правового порядка и Партии мирного обновления, но они оказались нежизнеспособными — ни одного депутата в I и II Думу провести не удалось. К началу 1908 г. отделение Партии правового порядка еще существовало, но в нем отсутствовала сколько-нибудь четкая организация. Затем организация распалась, а ее члены стали ориентироваться на октябристов. В 1913 г. в списке отделов Союза 17 октября и примкнувших к нему партий фигурирует Архангельская группа из 11 человек, включавшая в себя тех, кто составлял костяк партии правового порядка в 1906 г.: А.И. Вальнев, В.В. Гувелякен, Н.И. Шарвин, Г.М. Мерзлюкин, Х.Н. Манаков и др.[24] Активной деятельностью группа не отличалась.

Социал-демократы Архангельской губернии развернули агитацию за своего кандидата рабочего А. Истомина. Эсеры бойкотировали выборы в III и IV Думу, призывая к этому и население. Кадеты, именуясь «прогрессивной группой», выдвигали кандидатами Н.В. Мефодиева и Н.А. Старцева. Активность избирателей снижалась. Городские съезды по Архангельской губернии в сентябре 1907 г. собрали не более половины избирателей. По мнению кадетов, индифферентность населения объяснялась крайне недемократичным выборным законом от 3 июня 1907 г., дающим 0,2 % населения преимущество в выборщиках над остальными. РСДРП и ПСР не могли оказать серьезное влияние на ход выборов из-за сильной ослабленности организаций. Известность в Архангельске личностей кандидатов, поддержка прессы обусловили победу представителям кадетов. В III Думу были выбраны два кадета: врач Н.В. Мефодиев и онежский крестьянин Н.С. Томилов, перешедший в парламенте к трудовой группе.[25] В IV Думу прошел лидер архангельских кадетов Н.А. Старцев[26] и крестьянин Шенкурского уезда П.А. Леванидов, примкнувший к кадетской фракции.[27]

Таким образом, из всех северных губерний Архангельская оказалась самой левой. Ни один депутат правее кадетов не был избран

---

[23] Архангельск. 1907. 13 сентября.

[24] ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

[25] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 371—372, 617.

[26] *Николаев А.Б.* Старцев Николай Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 584.

[27] *Николаев А.Б.* Леванидов Петр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 322.

ни в одну из дореволюционных Дум. Безусловно, отсутствие в Архангельской губернии крепостного права и дворянского землевладения сыграли основную роль. Как констатировал член ЦК КДП И.И. Петрункевич на партийной конференции в 1910 г., «на окраинах России, где помещичий элемент либо незначителен, либо вовсе отсутствует, партия народной свободы может рассчитывать на успех...».[28] На мировоззрение северного населения оказала влияние сложившаяся система социально-политических отношений — здесь своим миром жили государственные и удельные крестьяне, которые обладали большими правами на землю. Крестьянин мог свой участок имущества свободно продать, заложить, дать в приданое, отдать в церковь или монастырь, несмотря на то, что земли считались государственными.[29] Частнособственническая психология, уверенность в личных достоинствах, значимость и ценность личной свободы благотворно влияли на духовный настрой народа. Поэтому у северян ярче выражена, по сравнению с выходцами из центральных районов, приверженность демократическим ценностям. Не следует забывать и то, что на Севере рано сформировалась общинная демократия. Община-волость с крестьянским самоуправлением зародилась в XVI в. — раньше, чем где-либо. Деятельность сельских сходов была весьма разнообразной. Здесь принимались решения относительно землеустройства, распределения угодий, уплаты налогов, раскладки повинностей, выдела новых семей, сбора денежных средств на мирские дела. На сходе происходили выборы на общественные должности, разбирались жалобы крестьян, вершился суд, объявлялись мирские «помочи» и др. Современные исследователи отмечают, что «земские миры сыграли огромную роль в сохранении гражданского самосознания в среде северного крестьянства и посадского населения».[30] Кроме того, демократизм северного населения объясняется сильным воздействием на жизнь региона политической ссылки, хотя этот фактор не стоит преувеличивать — в Вологодской губернии ссыльных было больше, чем в Архангельской, а итоги выборов в Думы были совсем другие.

В Олонецкой губернии на выборах в III Думу кадетская и социал-демократическая организации сумели провести своих активистов в число выборщиков от Петрозаводска — Н.Т. Григорьева (РСДРП) и А.Ф. Кожевникова (КДП), но это не повлияло на исход выборов.

[28] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х тт. М., 2000. Т. 2. С. 267.

[29] *Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. Архангельск, 1913. С. 195.

[30] Русские. М., 1997. С. 536.

В губернском избирательном собрании, состоявшемся 14 октября 1907 г., победили беспартийные кандидаты — дворянин, статский советник, гласный Петрозаводской городской думы, помощник смотрителя Петрозаводского духовного училища кандидат богословия К.И. Казанский,[31] дворянин, земский начальник, отставной офицер помещик Лодейнопольского уезда Н.Н. Неелов[32] и торгующий крестьянин Повенецкого уезда С.Г. Романов.[33] В Думе все три депутата примкнули к фракции октябристов, что, в известной мере, отразило сдвиг общественных настроений в крае вправо. От Новгородской губернии в III Думу избрали 5 октябристов и 1 прогрессиста. В IV Думу от Олонецкой губернии повторно избрали К.И. Казанского и А.Н. Неелова, но на этот раз они примкнули не к октябристам, а к фракции центра. Третьим депутатом стал торгующий крестьянин, земский служащий М.Г. Аристаров, вошедший в думскую группу «Союза 17 октября».[34] От Новгородской губернии в IV Думу избрали 5 октябристов, один депутат вошел во фракцию русских националистов. Тем самым Олонецкая и Новгородская губернии демонстрировали вполне устойчивые октябристско-центристские пристрастия.

Во многом это объяснялось авторитетом руководителей органов местного самоуправления, активно поддержавших партию. Так, в Череповце наиболее влиятельным октябристом был И.А. Милютин, занимавший должность городского головы более 40 лет. Другим известным октябристом Новгородской губернии был купец 1-й гильдии М.Я. Шульгин, возглавлявший городскую думу Боровичей с 1893 г. и до 1907 г., когда он был вынужден оставить свою должность в связи с избранием в III Государственную думу.[35] Успеху октябристов в губернии способствовала и близость к С.-Петербургу. Местное чиновничество ориентировалось на настроения своих столичных коллег, а в годы премьерства П.А. Столыпина октябристы воспринимались как правительственная партия. Схожие явления наблюдались и в Олонецкой губернии. В итоге во II—IV Государственные думы от Новгородской губернии избиралось по 5 октябри-

[31] *Николаев А.Б.* Казанский Константин Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 226.

[32] *Николаев А.Б.* Неелов Александр Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 402.

[33] Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. С. 531.

[34] *Николаев А.Б.* Аристаров Михаил Гавриилович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 25—26.

[35] Там же. С. 710.

стов из 6 депутатов; от Олонецкой губернии в III Думу избрали депутатов, примкнувших к октябристам. В целом политические предпочтения депутатов северных губерний соответствуют общероссийским тенденциям за исключением Архангельской губернии, отличавшейся своей левизной и демократичностью.

Н.С. СИДОРЕНКО

Фактор войны в законотворческой и общественно-политической деятельности региональных депутатов IV Государственной думы (на материалах Урала)

100-летие начала Первой мировой войны определило повышенный интерес научного сообщества к глубокому осмыслению той эпохи. В числе тем, требующих особого внимания, выступает деятельность Государственной думы и депутатского корпуса в годы войны. Представляется актуальным региональный подход, позволяющий определить воздействие на их тактику общероссийских и региональных процессов.

В числе значимых групп выступает уральская депутатская группа, представлявшая крупный индустриальный район страны, геополитическое значение которого существенно возросло в рассматриваемый период в связи с широким развертыванием на его территории производства военной техники и продукции для обеспечения военного тыла.

Для раскрытия темы привлечены материалы федеральных и региональных архивов, местной периодики, в том числе вводимые в научный оборот впервые, а также опубликованные документы и научная литература. На основе их анализа выявлено существенное воздействие фактора Первой мировой войны на тактическую линию поведения депутатов в Думе.

Начало войны было встречено уральскими депутатами, как и Думой в целом, патриотическим подъемом. Председатель мусульманской фракции М.-К.Б. Тевкелев[1] открыто выразил на июльской чрезвычайная сессии 1914 г. свою позицию поддержки власти и готовности «отклонить на время войны, выдвигавшиеся ранее религиозные и национальные вопросы».[2] Пермский депутат-националист А.А. Перевозчиков[3] от имени крестьян страны заявил о единодушной готовности положить все силы свои, до последней капли крови во

[1] *Усманова Д.М.* Тевкелев Мухаммед-Кутлуг Батыргиреевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 607.

[2] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1915. Стб. 34.

[3] *Николаев А.Б.* Перевозчиков (Перевощиков) Александр Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 452—453.

имя защиты Родины.[4] Диссонансом общему тону прозвучала лишь речь уфимского депутата-меньшевика В.И. Хаустова[5] с декларацией от имени социал-демократической фракции. В ней, хотя и в более мягких выражениях, чем в политических прокламациях, прозвучал протест против войны.[6]

В то же время депутатами либеральных фракций политика «единения» не рассматривалась как «устранение» от дел. Созыв следующей январской 1915 г. сессии явился результатом активизации их действий. По мере затягивания хода войны и нарастания внутренних трудностей она только возрастала. Ряд уральских депутатов приняли активное участие в работе партийных и фракционных совещаний по выработке новой тактики «давления на правительство». Среди них — В.А. Степанов, член кадетского ЦК,[7] И.В. Титов — секретарь фракции прогрессистов,[8] прогрессист А.А. Бубликов.[9]

А.А. Бубликов, являясь членом Исполнительного комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли, одновременно стремился использовать совещания для лоббирования законопроекта о преобразовании недавно созданного Особого совещания в Комитет государственной обороны с расширенными полномочиями и рассматривавшегося прогрессистской буржуазией как своеобразный переходный инструмент к созданию общественного ответственного министерства. Однако большинство присутствовавших воздержалось от принятия данного проекта.[10]

Возросшая активность фракции прогрессистов и их сторонников в стране в целом определили рост их влияния в провинции. Это ярко продемонстрировало выступление представителя Екатеринбур-

[4] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Стб. 133.

[5] *Николаев А.Б.* Хаустов Валентин Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 657—658.

[6] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Кн.1. С. 57, 361.

[7] *Николаев А.Б.* Степанов Василий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 589—590.

[8] *Николаев А.Б.* Титов Иван Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 613.

[9] *Николаев А.Б.* Бубликов Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68.

[10] *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 90.

гского комитета КДП Л.А. Кроля на июньском 1915 г. совещании ЦК КДП. Он высказал сомнение в целесообразности основного тактического лозунга кадетов — «министерство доверия» и росте симпатий на местах лозунгу прогрессистов «ответственного министерства».[11]

Против такой позиции и обострения отношений с правительством высказался представитель Пермского комитета, бывший депутат III Государственной думы, отставной генерал-лейтенант А.Ф. Бабянский. Настаивая на сохранении на время войны «внутреннего мира», он считал необходимым выдвижение не политических требований, а ясной и широкой деловой программы, которая могла быть направлена на содействие правительству в достижении победы: «Надо ясно выразить, что Дума нужна для содействия правительству. Затем в самой Думе чувство безопасности не должно позволить заниматься одними речами. Нужна будет усиленная работа в комиссиях — подобно тому, как это делается в германском рейхстаге...».[12] Руководство кадетской партии и фракции, опираясь на умеренные силы, смогло сдержать растущие радикальные настроения делегатов.

В ходе возобновившихся заседаний IV Думы линия поведения уральских депутатов определялась тактикой созданного во второй половине августа 1915 г. Прогрессивного блока. В числе других депутатов в его состав вошли уральские депутаты-кадеты и прогрессисты, а также часть депутатов-националистов и умеренно правой фракции.

Позиция уральской мусульманской группы определилась в начале 1916 г. Поскольку мусульманская фракция не получила приглашение для участия в блоке, ее отношение к нему определялось политической программой и тактикой его деятельности.[13]

Особую активность в ходе работы Думы проявили уральские депутаты-прогрессисты. Прения по декларации правительства использовались ими в целях поддержки основного тактического лозунга фракции. Так, А.А. Бубликов, критически оценивая программу И.Л. Горемыкина, резюмировал, что «правительство в данном его составе при настоящих силах не в состоянии будет принять действенных мер для развития производительных сил страны...».[14]

---

[11] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х тт. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 185.

[12] Там же. С. 159—160.

[13] Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906—1917 гг. Сб. док. и материалов. Уфа, 1988. С. 207—208.

[14] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 672.

Критика правительства основывалась на фактах неудачи на фронте и просчетов в управлении тылом, становившихся все более ощутимыми в обществе. Но общественность не довольствовалась только критикой, — она отозвалась и организационно. Прошли съезды ВСГ, ВЗС, ВПК, которые поддержали лозунг «объединение правительственных и общественных сил».[15]

Сдвиги в настроении земских кругов неизбежно отразились на возросшей оппозиционности депутатов. Уральцами-сторонниками блока были поддержаны кадетские законопроекты о подоходном налоге, о волостном земстве и другие. Одновременно в выступлениях усиливалась политическая направленность. Характерной в этом отношении можно отметить речь А.А. Бубликова при обсуждении внесенного правительством законопроекта о введении цензуры в условиях военного времени. Критикуя «стратегию цензуры», деятельность «генералов от цензуры и сверх генералов», он поставил вопрос о гласности в вопросах работы тыла, выступил в поддержку поправки, предложенной кадетской фракцией об ограничении цензуры только областью военных действий.[16] Поправка получила поддержку большинства Государственной думы, и законопроект был передан комиссии для рассмотрения.[17] Однако за «демократической формой» данного законопроекта нельзя не видеть скрытое стремление либералов к усилению влияния в прессе и достижение возможности использования ее в целях дальнейшей организации общества.

Досрочное завершение работы четвертой сессии Думы (3 сентября 1915 г.) перенесло внимание уральских депутатов к использованию внедумских методов деятельности и привлечению общественности к делу «полезного сотрудничества и контроля».[18] Так, в сентябре 1915 г. в Оренбург приезжал депутат-прогрессист Е.Г. Колбинцев,[19] а в октябре — М.И. Гродзицкий.[20]

А.А. Бубликов прилагал усилия к поддержке думской оппозиции Советом съездов представителей промышленности и торговли,

---

[15] *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914—1917): Аналитический обзор. М., 2003. С. 57—59.

[16] См.: Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 1682—1686.

[17] Там же. Стб. 1696.

[18] Уфимский край. 1915. 15 августа; Оренбургское земское дело. 1915. 9 октября. С. 15.

[19] *Николаев А.Б.* Колбинцев Ефим Григорьевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 261.

[20] *Николаев А.Б.* Гродзицкий Митрофан Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 150.

однако не был поддержан, большинство высказалось за сохранение внепартийного характера своей организации.[21]

Линию на расширение связи с массами проводили и уральские депутаты-кадеты. В заседаниях ЦК КДП В.А. Степанов отмечал: «...надо, чтобы наши единомышленники в стране ближе вглядывались в работу партии и блока, не старались противопоставлять их друг другу и ссорить между собою, а, наоборот, давали поддержку блоку со стороны страны».[22]

Либеральная пропаганда приносила определенные плоды. По сведениям губернских жандармских управлений, в отношении к Государственной думе слышались пожелания за ее скорейший созыв на сессию.[23]

9 февраля 1916 г. заседания Думы возобновились. Умеренными и правыми уральскими депутатами восторженно было встречено посещение Думы императором. Однако уже обсуждение правительственной декларации вновь назначенного премьера Б. Штюрмера свидетельствовало, что противостояние между двумя сторонами не ослабевает. Уральские депутаты-прогрессисты поддержали критический тон сторонников блока, стремивших возложить на правительство основную ответственность за расстройство экономики, вздорожание жизни и рост социальной напряженности. «Декларация правительства темнее ночи», — заявил Бубликов.[24] Тевкелев от имени мусульманской фракции выразил недоверие правительству: «Власть, призвав страну к единению, сама не только не пошла к ней навстречу, но даже вступила с нею в борьбу с энергией, достойной иного, лучшего применения».[25]

Кадетская фракция испытывала серьезное давление со стороны местных комитетов. Это с достаточной ясностью продемонстрировала работа VI съезда КДП, состоявшегося 18—21 февраля 1916 г. В его работе приняли участие 87 делегатов с мест. Уральские организации представлял екатеринбургский кадет Л.А. Кроль. Он вновь выступил с критикой с «лева» руководства ЦК КДП и кадетской фракции. Л.А. Кроль выразил мысль о том, что блок сослужил уже

---

[21] *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 167; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1997. С. 146—151.

[22] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. М., 1998. С. 295.

[23] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 7; Ч. 86. Л. 29.

[24] См.: *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 186.

[25] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 1407.

свою службу, показав что власть «даже скромные требования блока принять не хочет: «... законодательная часть программы блока нас не интересует. Важнее вопрос: какое министерство могло бы переменить существующие методы управления страной».[26] Руководству партии все же удалось сдержать радикальные настроения делегатов съезда и провести резолюцию, закрепляющую линию партии, основанную на сохранении блока и продолжении реализации его программы.

Прения по бюджету на 1916 г. были использованы уральскими депутатами-прогрессистами в целях продолжения тактики давления на правительство.[27] И.В. Титов подверг критике программу развития, представленную министром торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховским, повторявшую в сущности программы предыдущих министров — В.И. Тимирязева и С.И. Тимашева: «Старый вопрос: сельское хозяйство должно стать в основу плана будущей экономической политики, или фабрично-заводской политики?».[28] Неудовлетворительно им были оценены и шаги правительства по созданию Высшего экономического совета — инициативы Совета съездов представителей торговли и промышленности, получившей поддержку Особого совещания по обороне и Совещания министров: «Это вопрос нашего будущего развития после войны, — подчеркивал он, — благо на это возлагается очень много надежд».[29] Подчеркивая необходимость приоритета промышленного развития, депутат отметил внешнеполитический фактор, а именно — военный конфликт, который показал значение экономической самодостаточности государства.[30]

Дискуссию поддержал А.А. Бубликов: он обратил внимание Думы на произошедшие сдвиги в управлении экономикой в условиях военного времени. К их числу он отнес расширение государственной монополии и усиление государственного регулирования экономикой. Особое опасение депутат высказал относительно роста государственных монополий: «Общественное мнение, по-видимому, очень увлечено идеей монополизирования целого ряда отраслей промышленности, не выводятся и сторонники выкупа в казну

[26] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн.1. С. 272—273.

[27] *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. М., 1988. С. 70.

[28] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 3764.

[29] Там же. Стб. 3762—3764.

[30] Там же. Стб. 3768.

всех частных железных дорог».[31] Не игнорируя относительный эффект данной политики в военный период, позволивший получить казне семимиллиардный доход, он высказал свои опасения на будущее послевоенное время и перенес акцент своего выступления на идею развития частной инициативы, «культивирование идеологии предпринимательства», привлечение иностранных инвестиций.[32]

Вне Думы депутаты прилагали усилия в продвижении проекта создания Высшего экономического совета — инициативы Совета съездов представителей торговли и промышленности, получившей поддержку Особого совещания по обороне и Совещания министров. А.А. Бубликов как член исполнительного комитета Совета входил в состав депутации для вручения мотивированной записки в адрес премьер министра. 22 марта 1916 г. положение о комиссии было утверждено Николаем II. Однако представители либеральных кругов буржуазии не были удовлетворены ни ее статусом, ни характером состава. В результате мусульманская фракция Думы, независимые и прогрессисты отказались от участия в ее деятельности. В состав финансово-экономической комиссии вошли представители девяти думских фракций от кадетов и правее.[33]

Начало работы пятой сессии (1 ноября 1916 г.) на фоне углублявшихся социальных и экономических проблем было использовано сторонниками блока для решительного натиска на власть. Уральские депутаты-прогрессисты поддержали формулу перехода к очередным делам, требовавшую устранить влияние «темных сил», создать кабинет, готовый «в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства»,[34] означавшую при сложившемся политическом раскладе требование общественного министерства. Либералы, в их числе В.А. Степанов, уже начинали обсуждать возможные кандидатуры министров.

К началу работы сессии правительством были подготовлены законопроекты по городскому самоуправлению, печати, беженцам и ряд других. Однако оппозиция предпочла навязывание тактики запросов: «О состоянии продовольственного дела в Империи», «О запрещении съездов».

В поддержку правительства и с критикой тактики блока выступили депутаты правых фракций, оставшиеся в значительном мень-

[31] Там же. Стб. 2027.

[32] Там же. Стб. 2029—2034.

[33] *Флоринский М.Ф.* Указ. соч. С. 83, 93.

[34] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1917. С. 396.

шинстве. Н.В. Жилин (член комиссии по борьбе с дороговизной)[35] отмечая отсутствие четких представлений о способе его разрешения у сторонников блока, не без оснований подчеркнул, что в таком случае запрос «О состоянии продовольственного дела в Империи» получает, прежде всего, политический характер.[36]

С критическими замечаниями, основанными на глубоком знании сельской жизни, выступили вятские депутаты по кадетским законопроектам о волостном земстве. Депутаты отметили его явную ограниченность и несвоевременность. «Разве можно проводить волостное земство без согласия сельских и волостных сходов, когда все население взято на войну? — вопрошал К.Е. Городилов,[37] вошедший после раскола фракции правых в группу сторонников Н.Е. Маркова.[38] — «Вы обидите и оскорбите этим крестьян-воинов, защитников родины. Разве не обидно нашим воинам, что вы без их согласия проводите столь важный закон?».[39] Принятие этого законопроекта рассматривалось им преждевременным еще и потому, что его реализация вызовет большие денежные расходы, которые тяжким бременем лягут на тех же крестьян-воинов и членов их семей. В результате разногласий внутри самого Прогрессивного блока и в Думе в целом законопроект был принят только в первом чтении.

Критику вызвал у уральских правых депутатов и запрос социал-демократической фракции «О запрещении съездов». С.А. Попов от имени фракции независимых правых[40] заявил о недопустимости вступления общественных организаций на путь политической борьбы.[41] Определяя свою позицию, депутат заявил, что видит задачей православного духовенства «в дни кровавой битвы страждущей ро-

[35] *Николаев А.Б.* Жилин (Жилин 1-й) Николай Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 191.

[36] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 703; 711—712.

[37] *Николаев А.Б.* Городилов Козьма Егорович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 138.

[38] См. о нем: *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357—359.

[39] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1061, 1070—1072.

[40] *Николаев А.Б.* Попов (Попов 2-й) Стефан Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 484.

[41] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1239—1240.

дины» не участие в политической борьбе, а выполнение промысла Божия «быть ангелом-хранителем мощи духа народного и на боевых позициях, и в тылу у армии, народного мужества, народного самообладания, народного спокойствия и святой покорности народа пред тяжкими испытаниями, ниспосланными Провидением, ничем, никакой внутренней борьбой неотвлекаемого долга все силы, все средства привести на алтарь отечества для победного конца войны, для упрочения славного и долгого мира».[42]

Разногласия Думы и правительства в поиске средств по мобилизации ресурсов и решению социальных проблем в условиях войны так и не были преодолены. Начавшаяся в феврале 1917 г. революция завершилась крахом существовавшего политического режима, составной часть которого была Государственная дума.

Таким образом, можно говорить о том, что фактор Первой мировой войны оказал существенное воздействие на тактическую линию поведения уральских депутатов, как и депутатского корпуса в целом в связи с затягиванием сроков ведения военных действий и создания сложной социально-экономической ситуации, потребовавшей сверхнапряжения сил.

Присоединение к Прогрессивному блоку большей части уральской депутатской группы и стремление к участию в реализации его программы и тактики обусловили повышенную активность в работе сессий Думы, заседаниях фракций, а также во внедумской общественно-политической жизни страны и уральского региона.

Укрепление связи депутатов с местными партийными комитетами и земской общественностью, с одной стороны, содействовали повышению авторитета Думы, с другой — оказывало определенное влияние на депутатов в сторону проведения более решительной тактики «давления на правительство». Нараставшее противоборство неизбежно ослабляло позиции существующего режима, создавая дополнительный шанс революционной развязке конфликта.

Депутатская группа правой фракции, оказавшаяся в фактической политической изоляции, как и правое движение в стране в целом, не смогли оказать правительству действенной поддержки.

[42] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 636.

Таврические чтения 2014

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Компьютерная верстка *Поповой Н.В.*

Подписано к печати 14.10.15. Формат 70x100 1/16.
Печ. л. 17,1. Усл. печ. л. 22,3. Тираж 200 экз. Заказ 131

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Издательство «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1